

В. Я. СИПОЛС

За кулисами
ИНОСТРАННОЙ
ИНТЕРВЕНЦИИ
В ЛАТВИИ

В. Я. СИПОЛС

ЗА КУЛИСАМИ
ИНОСТРАННОЙ
ИНТЕРВЕНЦИИ
В ЛАТВИИ

(1918—1920 г.г.)

Государственное издательство
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва. 1959

Эта книга рассказывает о том, как империалисты Германии, Англии, США и Франции, прикрываясь лозунгами о «помощи», вторглись в Латвию, подавили Советскую власть и превратили Латвию фактически в свою колонию.

Книга содержит немало новых данных, подтверждающих руководящую роль американских империалистов в организации интервенции в Страну Советов.

Автором использован обширный документальный материал (архив министерства иностранных дел буржуазной Латвии, документы внешней политики США и Англии и др.), позволивший ему разоблачить позорную сделку латышской буржуазии с иностранными интервентами в 1918—1920 гг. Прямыми пособниками буржуазии были латышские социал-предатели. Приводимые в книге документы показывают, что буржуазное правительство Латвии, маскируясь фразами борьбы за независимость и самостоятельность, предало национальные интересы латышского народа.

Отзывы о книге просим присылать по адресу: Москва, Д-47, Миусская площадь, д. 7, Госполитиздат, редакция литературы по истории советского общества.

ВВЕДЕНИЕ

Великая Октябрьская социалистическая революция победила в Латвии в ноябре 1917 г. Латышские трудящиеся под руководством коммунистов при поддержке великого русского народа сразу же после победы вооруженного восстания в Петрограде взяли власть в свои руки. Они проявили величайший героизм в борьбе за победу социалистической революции, за установление власти Советов.

В феврале 1918 г. Советская власть в Латвии была подавлена вторгшимися в страну германскими захватчиками. Был установлен режим кровавой диктатуры оккупантов.

В декабре 1918 г. героический рабочий класс Латвии в союзе с беднейшим крестьянством под руководством большевиков восстановил Советскую власть. Было создано подлинно народное правительство, выражавшее интересы и чаяния трудящихся.

Осуществление социалистических мероприятий проводилось в обстановке ожесточенной гражданской войны и иностранной интервенции. Летом 1919 г. интервентам удалось захватить столицу Советской Латвии Ригу и потопить в крови Советскую власть. Вооруженной силой Латвия была вырвана из братской семьи советских республик.

Как же случилось, что в Латвии, имевшей хорошо сплоченный и революционно настроенный пролетариат, возглавляемый крепкой, закаленной в боях большевистской организацией, у власти в 1919 г. оказалась буржуазия?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно иметь в виду целый комплекс обстоятельств. Исключительно выгодное

ГЕРМАНСКИЕ ИМПЕРИАЛИСТЫ — ПАЛАЧИ ОКтябрьской РЕВОЛЮЦИИ В ЛАТВИИ

(Октябрь 1917 г.— ноябрь 1918 г.)

1. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Латвии

Первая мировая война, бушевавшая непосредственно и на территории Латвии, обнажила классовые противоречия в стране и довела их до крайних пределов. Она принесла латышским трудящимся невероятные бедствия.

Февральская революция, свержение царизма были с восторгом встречены латышским трудовым народом. По инициативе большевиков в городах, деревнях, в воинских частях стали возникать Советы. В марте — апреле Советы рабочих депутатов были созданы во всех городах Латвии.

По призыву Социал-демократии Латышского края (СДЛК) ¹ в апреле в Латвии начали создаваться Советы безземельных ².

В марте 1917 г. были созданы солдатские Советы в 12-й армии, расквартированной в Латвии.

В Советах Латвии, как и России, на первых порах, хотя и ненадолго, большинство захватили представители мелкобуржуазных партий.

Наряду с революционными органами власти в лице Советов рабочих, солдатских и безземельных депутатов

¹ Латышская социал-демократическая рабочая партия (ЛСДРП) была создана в 1904 г. С 1906 г. ЛСДРП вошла в состав РСДРП как автономная областная организация, приняв название Социал-демократии Латышского края (СДЛК).

² Советы безземельных избирались батраками, издольщиками, не пользовавшимися чужой рабочей силой арендаторами, сельскими ремесленниками, сельской интеллигенцией и крестьянами, имевшими земли не более 1 га.

стратегическое положение Латвии издавна привлекало к ней взоры иностранных империалистов, и прежде всего германских. Интерес их к этому району значительно усилился после Октябрьской революции в России. Они стали вынашивать планы превращения Латвии в плацдарм для наступления на центральные районы Советской республики.

Империалисты стран Антанты использовали в этих целях весь арсенал имевшихся в их распоряжении сил и средств.

Правые социал-демократы, возглавлявшие правительство Германии, пошли на союз с империалистами стран Антанты и направили в Прибалтику для подавления Советской власти крупные части немецких ландскнехтов. Во главе этих войск они поставили представителя германского милитаризма, махрового реакционера, генерала Гольца. Результатом совместных действий империалистов стран Антанты с германским милитаризмом и было подавление в 1919 г. Советской власти в Латвии. Иностранные интервенты явились главными душителями свободы и независимости латышского народа.

В тесном союзе с иностранными империалистами активную борьбу против Советской власти в Латвии вела национальная буржуазия, продажность и предательство которой со всей наглядностью вскрывают события в Латвии в 1917—1920 гг. В целях установления и сохранения своего господства она прибегала к самым гнусным средствам, вплоть до использования «помощи» иностранных империалистов.

В активной роли прямых пособников иностранных интервентов и местной буржуазии выступили латышские меньшевики.

Предательская позиция, которую всегда занимали и продолжают занимать различные оппортунистические и реформистские партии, проявилась в Латвии в 1918—1920 гг. особенно выразительно. В те дни, когда стоял вопрос, какой власти быть в Латвии — буржуазной или социалистической, латышские меньшевики показали свое действительное лицо предателей, выступив вместе с буржуазией против трудящихся.

Так силы реакции подавили Советскую власть в Латвии.

Установление буржуазной диктатуры принесло латышскому народу огромные страдания. В стране зверствовал белый террор. Трудящиеся Латвии были брошены на долгие годы под капиталистический гнет.

Задача настоящего исследования состоит в том, чтобы на конкретном историческом материале вскрыть активное вмешательство империалистов западных держав в дела латышского народа, показать цели и методы этого вмешательства.

Особое внимание в книге уделяется разоблачению антисоветского сговора стран Антанты с их вчерашним врагом в первой мировой войне — с Германией. В наше время история в этом отношении повторяется. Известно, что после второй мировой войны англо-франко-американские империалисты вновь вступили в агрессивный союз со своим противником в этой войне — с германскими милитаристами.

В работе раскрывается смысл и основа противоречий в лагере контрреволюции в Прибалтике. Наличие межимпериалистических противоречий явилось одной из причин срыва наступления всех контрреволюционных сил Прибалтики против Советской России летом 1919 г.

Материалы настоящей книги убедительно подтверждают, что огромную роль в поражении планов контрреволюции сыграла последовательная миролюбивая внешняя политика Советского правительства. В защиту заключения мирного договора с Советской Россией активно выступили широкие массы трудящихся Латвии. Попытка стран Антанты толкнуть прибалтийские государства к выступлению единым фронтом против Страны Советов окончилась провалом.

и в противовес им в Латвии существовали органы Временного правительства и поддерживавшей его местной буржуазии.

В Латвии установилось двоевластие.

Перед латышскими большевиками встал вопрос: как быть дальше? Ответом на этот вопрос явились знаменитые Апрельские тезисы Ленина. Они дали большевикам правильную ориентировку в создавшемся положении и наметили четкую и ясную программу перехода от революции буржуазно-демократической к революции социалистической. Латышские большевики руководствовались в своей деятельности Апрельскими тезисами Ленина. Этот документ лег в основу решений XIII партконференции членов СДЛК и латышских групп РСДРП(б), состоявшейся 19—22 апреля в Москве.

В начале мая в Ригу вернулся ЦК СДЛК, находившийся в первое время после Февральской революции в Москве. Приехали Ю. Данишевский, Я. Шильф, Я. Ленцман, Я. Берзин-Андерсон, Р. Эйхе и другие закаленные в революционных боях большевики. Приезд ЦК в Ригу весьма положительно сказался на дальнейшей деятельности СДЛК. Активное участие в работе ЦК СДЛК принимал П. Стучка, являвшийся в то время членом Петроградского комитета РСДРП(б) и Исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Латышские большевики, вооруженные Апрельскими тезисами Ленина, развернули огромную агитационную и организационную работу среди трудящихся. Они проводили массовые собрания трудящихся, на которых разоблачали деятельность Временного правительства и политику поддерживавших его соглашательских партий — меньшевиков и эсеров. Они боролись за большинство в Советах, за осуществление лозунга «Вся власть Советам!». Большим тиражом издавался орган ЦК СДЛК «Циня» («Борьба»).

Работа большевиков давала свои результаты. Еще в конце апреля председателем Рижского Совета был избран большевик Р. Эндруп, а в мае 1917 г. Рижский Совет рабочих депутатов окончательно стал на сторону большевиков. 11 мая он принял предложенную большевиками резолюцию (87 голосами против 28), в которой выражалось недоверие Временному правительству. Ре-

золюция требовала передачи всей власти в руки Советов. Большевизация Рижского Совета свидетельствовала о высокой революционности трудящихся масс. Вслед за Рижским Советом во второй половине мая стали на сторону большевиков Цесисский, Валмиерский и некоторые другие Советы рабочих и солдатских депутатов.

К июлю 1917 г. большевики завоевывают руководство как в городских Советах, так и в Советах безземельных. Это была крупная победа Социал-демократии Латышского края в борьбе за подготовку масс к социалистической революции.

Большевики развернули и в армии огромную работу по завоеванию масс. Созывались собрания и митинги, издавалась получившая широкое признание газета «Окопная правда». Влияние большевиков в солдатских Советах неуклонно росло. Особенно успешной была деятельность большевиков среди латышских стрелков. 17 мая объединенный Совет латышских стрелковых полков принял большевистскую резолюцию. Большинство в исполнительном органе объединенного Совета — Исколастреле получили большевики. Латышские стрелковые полки стали надежной и активной опорой большевиков.

Росло влияние большевиков также во всей 12-й армии. Если в конце марта в 12-й армии было всего около 200 большевиков, то в июле 1917 г. их насчитывалось уже около 3500.

После разгрома 4 июля демонстрации в Петрограде контрреволюция перешла в наступление против большевиков. Кончился период мирного развития революции. Была сделана попытка подавить революционное движение по всей России, включая и Латвию.

9 июля в Риге состоялся V съезд СДЛК. Решения съезда основывались на Апрельских тезисах Ленина. Они нацелили латышских большевиков на дальнейшую борьбу на завоевание масс и накопление сил для социалистической революции, предупредили их об опасности преждевременных выступлений, провоцируемых Временным правительством.

Съезд призвал рабочий класс к сплочению всех революционных сил в стране.

Тактика большевиков в новых условиях была выработана VI съездом РСДРП(б). Главной задачей партии съезд признал подготовку к вооруженному восстанию.

Местные партийные организации развернули активную борьбу за реализацию решений VI съезда, за подготовку вооруженных сил пролетариата.

Большевики Латвии сохранили свои позиции в Советах.

Во второй половине июля в Латвии были организованы выборы объединенного Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии. Избранный Совет почти целиком состоял из большевиков и их сторонников. Первая сессия Совета открылась в Риге 29 июля. Совет избрал Исполнительный комитет (Исколат), в состав которого вошли Ю. Данишевский, Р. Эйхе, Я. Берзин-Андерсон и другие активные деятели СДЛК.

В августе — сентябре СДЛК развернула энергичную борьбу за большевизацию местных органов самоуправления: земских советов, городских дум и волостных правлений. Поскольку эти органы избирались путем всеобщего голосования, речь фактически шла о завоевании СДЛК большинства всего населения Латвии. СДЛК успешно справилась с этой задачей. 20 августа проводились выборы в Южнолифляндский земский совет. Большевики одержали крупную победу: в земском совете они получили 24 места из 40. Партия латышского кулачества «Крестьянский союз» имела в совете лишь 15 мест, эсеры — 1 место. Вслед за этим состоялись выборы в уездные земские советы, на которых большевики еще более укрепили свои позиции. Они получили в Валкском уезде (27 августа) 71%, в Валмиерском уезде (10 сентября) — 76% и в Цесисском уезде (17 сентября) — 74% голосов. За большевиками шло, таким образом, около $\frac{3}{4}$ всего населения Латвии, в их руках оказались теперь не только Советы, но и органы местного самоуправления.

Учитывая революционность рижского пролетариата, важное стратегическое значение Риги, Корнилов предательски сдал во второй половине августа 1917 г. столицу Латвии немцам. Смертельная угроза нависла над Петроградом. Это был тяжелый удар по силам революции. Однако остановить ее нарастание было невозможно.

31 августа на сторону большевиков стал Петроградский Совет, 5 сентября — Московский Совет. В. И. Ленин писал в те дни, что, получив большинство в обоих сто-

личных Советах, большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки¹.

После исторического заседания ЦК РСДРП(б) 10 октября 1917 г., на котором вопрос о вооруженном восстании был поставлен на очередь дня, энергичная работа по его подготовке развернулась и в Латвии. 16 октября в Валке была созвана чрезвычайная конференция СДЛК. С докладом на конференции выступил представитель Центрального Комитета В. А. Антонов-Овсеенко. Конференция полностью поддержала решение ЦК РСДРП(б) о вооруженном восстании. «Приготавливаясь к предстоящим боям,— указывалось в резолюции,— латышский пролетариат должен сохранять самый тесный союз с рабочими революционного Петрограда и Москвы, ставя своей задачей всюду, всеми силами и средствами поддерживать борьбу российского пролетариата за государственную власть»².

В ночь с 18 на 19 октября был создан военно-революционный комитет 12-й армии во главе с заместителем председателя Исколастрела Я. Чаринем.

25 октября в Латвии были получены сведения о начале вооруженного восстания в Петрограде. Военно-революционный комитет 12-й армии сразу же поручил латышским стрелковым полкам и другим революционным частям занять важнейшие железнодорожные узлы и стратегически важные пункты. 27 октября 1-й и 3-й латышские стрелковые полки заняли Цесис, а 29 октября 6-й и 7-й латышские стрелковые полки — Валмиеру.

Главный центр контрреволюции в Латвии находился в Валке, где был расположен штаб 12-й армии. Сюда были подтянуты довольно крупные контрреволюционные силы, в том числе 17-я кавалерийская дивизия, 5-й бронедивизион, «батальон смерти». ВРК 12-й армии направил для занятия Валки 6-й латышский стрелковый полк и 2-й батальон 436-го Новоладожского полка. Приходилось опасаться, что сосредоточенные в Валке контрреволюционные части окажут сопротивление. Но и эти войска оказались недостаточно «надежными», чтобы попытаться удержать ими Валку. 7 ноября революционные

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 1.

² «Latvijas Komunistiskā Partija Oktobra revolūcija 1917», Rīgā, 1957, 343.—344. lpp.

латышские и русские части вступили в город. Участники большого митинга приняли резолюцию о поддержке Советского правительства.

Столь же успешно развивались события в Восточной Латвии — Латгалии¹. Решающую роль в победе революции в Латгалии сыграл быстрый переход на ее сторону солдат 5-й армии. При поддержке революционных частей 5-й армии большевики Даугавпилса (Двинска), Резекне (Режицы) и других важнейших пунктов Латгалии взяли в конце октября — начале ноября власть в свои руки.

На сторону Советской власти стало подавляющее большинство солдат 12-й армии. 14 ноября был созван чрезвычайный съезд Советов 12-й армии. Большевики одержали на нем полную победу. За предложенную большевиками резолюцию голосовало 396 делегатов, против — 123, воздержалось 26. Председателем Совета солдатских депутатов 12-й армии был избран большевик С. М. Нахимсон. 12-я армия окончательно стала на сторону большевиков.

Революция одержала в неоккупированных районах Латвии, таким образом, сравнительно быструю и почти бескровную победу.

Социалистическая революция в Латвии являла собой ярчайший пример дружбы, сотрудничества и взаимной помощи латышских и русских большевиков, рабочих и крестьян Латвии и России. Для того чтобы латышские стрелковые полки могли принять участие в установлении Советской власти в Латвии, они должны были покинуть линию фронта. Оборону их участка взяли на себя сибирские стрелки. Участник этих событий большевик Я. Фабрициус писал, что латышские стрелки обратились к 78-му, 79-му и другим сибирским стрелковым полкам с просьбой сменить их и дать обещание в случае германского наступления скорее сложить головы, чем отступить и сдать позиции. Сибирские стрелки поклялись, что они выполнят эту просьбу. Латышские стрелки со своей стороны дали клятву сделать все возможное для победы пролетарской революции. Как сибирские, так и латышские стрелки свое слово сдержали. Сибирские стрелки надежно удерживали линию фронта. Латышские

¹ В состав Латвии входили Курляндская и Лифляндская губернии, а также часть Витебской губернии (Латгалия).

стрелковые полки, в свою очередь, заняв вместе с революционными русскими частями важнейшие железнодорожные узлы в тылу Северного фронта, воспрепятствовали отправке в Петроград контрреволюционных частей 12-й армии.

Латышский и русский народы с честью пронесли знамя революционной дружбы и братской помощи, скрепленных кровью уже в первые дни революции, через все трудности и невзгоды грядущих лет революционных боев.

16—18 декабря в Валмиере состоялся II съезд рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии, который торжественно провозгласил себя высшим органом власти в Латвии. Он принял резолюции о задачах Советской власти в Латвии, о правах и обязанностях местных Советов, по аграрному вопросу, о сельских рабочих и о демобилизации. На съезде был избран новый Совет рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии, который в свою очередь избрал свой Исполнительный комитет — Исколат. Председателем Исколата был избран Ф. А. Розинь.

Советская власть развернула в Латвии кипучую деятельность. Повсюду стали создаваться отряды Красной гвардии, призванные охранять установленные революцией новые порядки и подавлять сопротивление местной контрреволюции. В короткие сроки была проделана большая работа по ликвидации различных очагов контрреволюции, саботажа части чиновников, сопротивления лишенных власти классов. Были закрыты буржуазные газеты. Вся полнота власти сосредоточивалась в Советах.

Установление Советской власти, первые же ее мероприятия встретили горячую поддержку трудящихся масс страны. Ярким, убедительным свидетельством доверия трудящихся к новой власти явилась победа большевиков на выборах в Учредительное собрание: большевики получили на них 72% всех поданных голосов. В латышских стрелковых полках за большевиков было подано 96,5% всех голосов.

Видную роль в Октябрьской революции сыграли латышские стрелковые полки. Они приняли активное участие в борьбе за Советскую власть не только в Латвии, но и в Петрограде и в других районах страны. Вопрос о латышских стрелковых полках стал особенно

острым в середине февраля 1918 г. в связи с разрывом советско-германских мирных переговоров в Брест-Литовске. 15 февраля состоялось расширенное заседание исполнительного комитета латышских стрелковых полков. Оно приняло решение о том, что «латышские стрелки не должны быть демобилизованы по общему плану демобилизации армии, но после очистки их от нежелательных элементов они должны превратиться в социалистическую Красную гвардию». В решении предусматривалось, что «в случае, если Латвия подверглась бы оккупации, латышские стрелки не должны складывать оружия и сдаваться в плен германскому милитаризму, а обязаны присоединиться к пролетарской армии России»¹.

Это было чрезвычайно важное решение, имевшее огромное значение, как это показало дальнейшее развитие событий, для судьбы всего латышского народа. Когда в конце 1918 г. в связи с военным разгромом кайзеровской Германии создались благоприятные условия для изгнания с территории Латвии германских войск, в руках латышского народа оказалась сила в лице красных латышских стрелковых полков, которая могла выполнить эту задачу. К тому же принятие решения от 15 февраля 1918 г. было в высшей степени своевременным: через несколько дней началось наступление германских войск.

Плодотворная деятельность Советской власти в Латвии была прервана интервенцией германских империалистов.

* *
*

Великая Октябрьская социалистическая революция, начатая русским пролетариатом, принесла свободу и латышскому трудовому народу.

Победа Советской власти в Латвии, как и во всей России, была подготовлена всем историческим развитием страны. Она явилась объективной необходимостью. Латышский трудовой народ, возглавляемый большевиками, превратил эту необходимость в действительность.

Победа социалистической революции в Латвии имела величайшее значение в истории латышского народа. В Латвии были свергнуты капиталистические порядки. Государственная власть перешла в руки латышского

¹ «Latvijas Komunistiskā Partija Oktobra revolūcijā 1917», 487. lpp.

трудового народа, в руки Советов. Было уничтожено экономическое господство буржуазии, национализированы основные средства производства: фабрики, заводы, железные дороги. Был положен конец засилию немецких баронов в латышской деревне. Земля стала общенародным достоянием.

Под руководством большевиков латышский народ впервые стал хозяином своей судьбы.

2. Вопрос о Латвии на Брест-Литовской конференции

II Всероссийский съезд Советов, провозгласив в ночь с 25 на 26 октября 1917 г. Советскую власть, положил начало созданию в России нового, социалистического государства. Но важнейшей предпосылкой к тому, чтобы серьезно заняться строительством новой жизни, был выход России из империалистической войны. Поэтому первым декретом, принятым съездом, был декрет о мире. Съезд предлагал всем воюющим странам немедленно начать переговоры о заключении справедливого и демократического мира, мира без аннексий и контрибуций.

Социалистическая революция в России, предложение Советского правительства о прекращении империалистической войны и заключении мира без аннексий и контрибуций вызвали величайшую тревогу среди правящих кругов стран Антанты.

Иностраных империалистов беспокоило самое существование Советского государства. Они опасались, что это может послужить заразительным примером для трудящихся других стран. «У них одна мысль,— писал В. И. Ленин,— как бы искры нашего пожара не перепали на их крыши»¹.

Империалисты стран Антанты не хотели мириться с утратой своих капиталов в России, с потерей займов, предоставленных ими царскому и Временному правительству. Они были серьезно взволнованы фактом выпадения России из числа стран, воюющих против Германии. Ведь русская армия удерживала на Восточном фронте почти половину германских войск, значительно облегчая

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 467.

положение на Западном фронте. Империалисты стран Антанты опасались также, как бы мирное предложение Советской республики не усилило тягу к миру в их собственных странах. Это могло бы ослабить их военную силу, а то и вовсе сорвать осуществление правящими кругами этих стран своих империалистических планов.

Всем этим объясняется тот факт, что сразу же после Великой Октябрьской социалистической революции страны Антанты поставили в порядок дня вопрос об интервенции в России, чтобы свергнуть Советскую власть, восстановить капиталистические порядки и снова втянуть ее в империалистическую войну. Но страны Антанты, находившиеся в ожесточенной схватке с Германией и ее союзниками, были в то время все же не в состоянии снять с Западного фронта и бросить против Советской республики сколько-нибудь крупные вооруженные силы. Их переброска требовала также известного времени.

Гораздо большую угрозу для Советской республики представляли германские войска. Они находились на территории России и могли, используя временную слабость молодого Советского государства, в любой момент ринуться в наступление, чтобы подавить Советскую власть.

Однако военные ресурсы Германии, как людские, так и материальные, были к концу 1917 г. уже в значительной степени истощены. Недовольство народных масс Германии войной усиливалось. Для Германии важнейшее значение приобрел вопрос о том, какую политику проводить в новых условиях, чтобы обеспечить победу в империалистической войне. В правящих кругах Германии возникли по этому вопросу серьезные расхождения. Так называемая военная партия, возглавляемая Вильгельмом II и генералитетом (Гинденбургом, Людендорфом и др.), выступала за немедленное наступление на Востоке. Они рассчитывали быстро разгромить фактически полностью развалившуюся старую русскую армию, захватить на Востоке новые территории, свергнуть Советскую власть и создать в России зависимое от Германии правительство.

Было и другое течение, возглавляемое рейхсканцлером Гертлингом и статс-секретарем иностранных дел Кюльманом. Они настаивали на принятии мирного предложения Советской республики. Что касается захватни-

ческих планов Германии на Востоке, они считали, что смогут добиться отторжения от России оккупированных Германией территорий путем переговоров, без дальнейшего применения вооруженной силы.

На первых порах группировке, возглавляемой Гертлингом и Кюльманом, удалось одержать верх, и германское правительство заявило о своей согласии начать с Советской республикой мирные переговоры.

20 ноября (3 декабря) 1917 г. в Брест-Литовске начались переговоры о перемирии между Советской республикой, с одной стороны, и Германией с ее союзниками — с другой.

Советская делегация предложила положить в основу переговоров принцип заключения мира без аннексий и контрибуций. В советских предложениях предусматривалось, в частности, что Германия еще до заключения мира должна очистить Моонзундские острова и Ригу¹. 2(15) декабря 1917 г. перемирие было подписано, но очистить Ригу и Моонзундские острова германская делегация категорически отказалась.

После заключения перемирия там же в Брест-Литовске начались 9(22) декабря переговоры о мире.

Советская программа мира была изложена в первый же день переговоров. В ней предусматривалось, что не допускается насильственное присоединение захваченных во время войны территорий. Войска, оккупировавшие эти территории, выводятся в кратчайший срок. Восстанавливается политическая самостоятельность народов, лишенных ее в ходе войны. Национальным группам, не пользовавшимся политической самостоятельностью до войны, гарантируется возможность свободно решить вопрос о своей принадлежности к тому или другому государству или о своей государственной самостоятельности путем референдума. Обеспечиваются права национальных меньшинств. Предусматривался также отказ от контрибуций².

Это была программа заключения демократического мира. Она обеспечивала справедливое урегулирование всех территориальных вопросов, то есть решение их исходя из интересов населения соответствующих обла-

¹ См. «Известия» № 235, 25 ноября 1917 г.

² См. «Документы внешней политики СССР», т. I, М., 1957, стр. 60-61.

стей. Эта программа полностью соответствовала интересам и латышского народа. Осуществление ее дало бы ему возможность действительно свободно решить вопрос о своей государственной принадлежности. В частности, огромное значение для выяснения действительной воли латышского народа имел бы вывод из Курляндии и Риги германских оккупационных войск. О действительно свободном волеизъявлении населения в Курляндии и Риге в условиях германского оккупационного режима не могло быть и речи.

Германские условия мира сводились к тому, чтобы добиться отторжения от России Польши, Литвы, Курляндии, Лифляндии и Эстляндии и присоединения их к Германии¹.

Во многом задавал тон при выработке этих условий Пангерманский союз, представлявший наиболее агрессивные круги Германии. В частности, он категорически предостерегал от предоставления народам захваченных Германией территорий права на самоопределение. Руководящий комитет Пангерманского союза принял на своем заседании 25—26 ноября (8—9 декабря) 1917 г. специальное решение о том, что он «усматривает в признании этого права за латышами, эстонцами и литовцами особую угрозу, ибо это может помешать освоению новых восточных территорий...»²

Таким образом, германская программа мира коренным образом отличалась от советской. Если Советское правительство предлагало заключить справедливый и демократический мир, то есть мир без аннексий и контрибуций, то германское правительство, наоборот, стремилось к завершению войны подписанием захватнического, грабительского мирного договора.

Германская делегация не решилась сразу же отклонить советские предложения о заключении справедливого и демократического мира. Поэтому глава германской делегации Кюльман согласился 12(25) декабря положить главные пункты советских предложений в основу мирных переговоров. Но при этом Кюльман сделал оговорку о том, что предложения советской делегации могут быть

¹ См. *Ф. И. Нотович*, *Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914—1918 гг.*, Л., 1947, стр. 66.

² *А. Норден*, *Между Берлином и Москвой*, М., 1956, стр. 108.

приняты Германией лишь в том случае, если с ними согласятся в определенный срок и другие участвующие в войне государства¹.

Принятие германской делегацией советских условий имело немаловажное значение. Но оговорка Кюльмана показывала, что, воспользовавшись нежеланием стран Антанты заключать всеобщий мир, германская делегация попытается в дальнейшем отказаться от своего согласия с советскими предложениями.

Уже на следующий день, 13(26) декабря, во время неофициальной беседы член германской делегации генерал Гофман заявил советскому представителю, что Германия понимает мир без аннексий иначе, чем советская делегация. Германия отказывается очистить Польшу, Литву и Курляндию.

Учитывая наличие у Германии захватнических планов, советская делегация потребовала 14(27) декабря первоочередного обсуждения на конференции территориальных вопросов мирного договора. Советская делегация предложила на заседании политической комиссии включить в договор следующий пункт:

«В полном согласии с открытым заявлением обеих договаривающихся сторон об отсутствии у них завоевательных планов и о желании заключить мир без аннексий, Россия выводит свои войска из занимаемых ею частей Австро-Венгрии, Турции и Персии, а державы Четверного союза — из Польши, Литвы, Курляндии и др. областей России.

В соответствии с принципами российского правительства, провозгласившего права всех без исключения народов, живущих в России, на самоопределение, вплоть до отделения, населению этих областей дана будет возможность вполне свободно в ближайший, точно определенный срок решить вопрос о своем присоединении к тому или другому государству или об образовании самостоятельного государства. При этом в самоопределяющихся областях недопустимо присутствие каких-либо войск, кроме национальных или местной милиции.

Впредь до решения этого вопроса управление этими областями находится в руках избранных на демокра-

¹ См. «Мирные переговоры в Брест-Литовске», т. 1, М., 1920, стр. 9—10.

тических началах представителей самого местного населения.

Срок эвакуации в связи с обстоятельствами — началом и ходом демобилизации армии — определяется специальной военной комиссией»¹.

Германская делегация сразу же представила свой контрпроект. В ст. 1 его демагогически заявлялось, что Германия согласна вывести свои войска после окончания войны и демобилизации русской армии из всех оккупированных ею областей России, «поскольку это не будет противоречить ст. 2». Однако во второй статье германского проекта договора содержались условия, которые сводили на нет содержание ст. 1. Ст. 2 предусматривала, что Советское правительство должно признать решения об отделении от России, принятые различными «органами», существовавшими на оккупированной территории России².

Германское правительство пыталось прикрыть свои захватнические планы в отношении Польши, Литвы, Латвии и Эстонии ссылками на самоопределение народов, прибегнув к грубому извращению важнейшего принципа, выдвинутого Советским правительством. Упомянутые в германском проекте договора «решения» об отделении от России не были приняты в результате всеобщего и свободного опроса населения занятых германскими войсками районов. Это были решения различных «органов», созданных самими же германскими оккупационными властями. Они выражали интересы германских империалистов, но отнюдь не населения Латвии. Советское правительство не могло согласиться с таким, явно извращенным, толкованием права народов на самоопределение.

Таким образом, в переговорах сразу же выявились весьма существенные разногласия между позициями обеих сторон.

Переговоры в Брест-Литовске были 15(28) декабря 1917 г. прерваны. Советская делегация вернулась в Петроград. Совет Народных Комиссаров вновь обратился к странам Антанты с предложением о заключении всеобщего мира. Но и на этот раз его обращение оказалось безрезультатным.

¹ «Мирные переговоры в Брест-Литовске», т. 1, стр. 28—29.

² См. там же, стр. 29.

27 декабря 1917 г. (9 января 1918 г.) мирные переговоры возобновились. Германская делегация сразу же заявила, ссылаясь на отсутствие согласия стран Антанты заключить мир на общих для всех стран условиях, что ее декларация от 12(25) декабря стала недействительной. Это означало, что она отказалась от своего согласия на заключение мира без аннексий и контрибуций.

Начался второй период переговоров, когда германская делегация стала открыто добиваться осуществления своих захватнических планов. Германская делегация подняла вопрос о том, на какие из оккупированных территорий должно быть распространено право народов на самоопределение. Член делегации Кюльман заявил, что это право не может быть распространено на территории, которые уже якобы воспользовались этим правом и отделились от России¹. Германская делегация считала, что Польша, Литва, Курляндия, Рига и Моонзундские острова уже высказались за отделение от России и это остается лишь записать в мирном договоре.

Что касается Латвии, то германская делегация приводила следующие решения различных «органов» об отделении от России: решение «Курляндского народного собрания» от 8(21) сентября 1917 г.; решение Рижской городской думы от 14(27) декабря, к которому присоединились купеческая управа Риги, Большая гильдия, 60 обществ Риги и т. д.²

Посмотрим, что это были за «органы», которые принимали от имени латышского народа «решения» об отделении от России.

В «Курляндское народное собрание» германская делегация переименовала состоявший почти из одних немецких баронов Курляндский ландтаг. Правда, к участию в заседании ландтага от 8(21) сентября 1917 г. для видимости было привлечено небольшое количество тщательно отобранных германскими оккупационными властями предателей латышского народа, сотрудничавших с оккупантами. Таким образом, если это заседание ландтага и было кем-то уполномочено представлять население Курляндии, то только германскими оккупационными

¹ См. «Мирные переговоры в Брест-Литовске», т. 1, стр. 71.

² См. там же, стр. 95. (В выступлении германского представителя ошибочно указывалось, что решение Рижской городской думы было принято 11(24) декабря.)

властями, но никак не латышским народом. Заседание Курляндского ландтага, принявшее нужное оккупационным властям решение, длилось всего 10 минут, никаких дебатов на нем не допускалось, а само решение было признано принятым даже без голосования.

Считать решение Курляндского ландтага выражением воли населения Курляндии, естественно, было невозможно.

Что же касается решения Рижской городской думы от 14(27) декабря, то достаточно указать, что члены ее также никем не избирались, а были назначены после захвата Риги германскими оккупационными властями. Поэтому считать ее полномочной выступать от имени латышского народа также не приходится. Упомянутые же германской делегацией купеческая управа Риги и Большая гильдия состояли почти из одних представителей немецкого купечества, а под 60 обществами Риги имелись в виду различные мелкие объединения рижских немецких горожан, вплоть до спортивных, охотничьих обществ и пожарных команд.

Решения Курляндского ландтага, Рижской думы, купеческой управы Риги и других упомянутых немцами «органов» были грубой фальсификацией стремлений латышского народа, предпринятой германскими империалистами для оправдания их захватнических планов в отношении Латвии.

Германские власти попытались также заручиться поддержкой латышских буржуазных и мелкобуржуазных партий.

Представители латышских буржуазных партий вручили германским оккупационным властям 5(18) декабря 1917 г. инспирированную самими этими властями просьбу о разрешении созвать в Риге собрание для определения дальнейшей судьбы латышского народа. Просьба была подписана представителями всех латышских буржуазных партий: «Крестьянского союза» (Ульманис, Вальтер), меньшевиков (Скуенек), народной партии, как демагогически назвали свою группировку самые реакционные, монархические круги латышской буржуазии, ориентировавшиеся в это время на кайзеровскую Германию (Красткалн), и др.¹

¹ Историко-дипломатический архив (ИДА), ф. 38 г, оп. 1, д. 60, л. 10.

Германские оккупационные власти ответили уже на следующий день, сообщив о своем согласии на созыв собрания. Собрание состоялось в Риге 9(22) декабря 1917 г. Однако в нем приняли участие лишь сторонники народной партии, представлявшей крайне незначительную часть латышской буржуазии.

Собравшаяся кучка предателей приняла решения, которые в корне противоречили национальным интересам латышского народа. В обращении собрания к командующему германскими войсками говорилось: «Латышский народ стремится к созданию самостоятельного Балтийского государства, которое было бы освобождено от прежних государственных связей...» Одновременно собрание просило германское правительство принять на себя защиту интересов населения Латвии на переговорах в Брест-Литовске¹. Осуществление этого решения привело бы к фактическому поглощению Прибалтики кайзеровской Германией.

Немецкие оккупационные власти понимали, что это решение, принятое кучкой предателей латышского народа, может вызвать в стране серьезные волнения. Поэтому они строго запретили печатание или распространение любыми другими путями принятых на собрании решений.

Решения этого сборища все же стали общеизвестны и действительно вызвали бурю негодования латышского народа.

Против агрессивных планов германского правительства в отношении Латвии решительно выступили Центральный Комитет Социал-демократии Латвии и Исполнительный комитет Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии. Они опубликовали 24 декабря 1917 г. (6 января 1918 г.) Декларацию о самоопределении Латвии, в которой заявляли решительный протест против утверждения австро-германской делегации в Брест-Литовске, будто население Латвии высказывало желание отделиться от России. «Если же представители центральных держав,— говорилось в Декларации,— все же не откажутся от своего ложного утверждения, тогда предлагаем сделать испытание и вывести из Латвии как немецкие, так и русские войска и разрешить тогда всем местным жителям свободно самоопределиться.

¹ ИДА, ф. 38 г, оп. 1, д. 60, л. 16.

Если представители Германии и Австрии не нагло лгали, а сами верят, что большинство населения желает отделиться от России или даже присоединиться к Германии, то они не могут возражать против такого испытания»¹.

Рижские большевики выпустили нелегальные листовки (общим тиражом в 125 тыс. экземпляров), разоблачавшие предательство интересов латышского народа². 24 декабря 1917 г. (6 января 1918 г.) в Риге по призыву большевиков состоялась массовая демонстрация протеста против попыток отторжения Латвии от России.

Советская делегация на мирной конференции не могла согласиться с утверждением германских представителей, что население Польши, Литвы, Курляндии и Риги уже высказалось за отделение от России. Она не оставила камня на камне от приведенных германской делегацией «доказательств». Советская делегация настойчиво добивалась предоставления населению оккупированных территорий действительной возможности свободно определить свою судьбу.

Однако германские милитаристы не собирались отказываться от своих захватнических планов.

Германская делегация отклонила советское требование о том, чтобы самоопределение имело форму всенародного опроса, то есть референдума. Она настаивала на признании права на определение судьбы оккупированных территорий за существующими там органами власти (земскими советами и ландтагами), соглашаясь лишь на их некоторое расширение. Когда же советская делегация предложила пригласить на конференцию представителей этих органов, чтобы выяснить, кого они представляют, то германская делегация категорически отклонила это предложение.

5(18) января 1918 г. на конференции Гофман разложил на столе карту и попросил членов советской делегации ознакомиться с ней. На карте были жирной линией отмечены территории, отторгавшиеся от России. Они включали все захваченные Германией области. Кое-где предусматривалось даже некоторое «исправление» линии фронта. В частности, Германия потребовала переда-

¹ «Октябрьская революция в Латвии». Документы и материалы, Рига, 1957, стр. 324.

² Архив Института истории партии при ЦК КП Латвии, ф. 35, оп. 37—38, листовки за 1917—1918 гг.

чи ей не занятых германскими войсками районов Восточной Курляндии.

Ознакомившись с этой картой, советская делегация прервала переговоры и выехала в Петроград. Переговоры возобновились вновь лишь 17 (30) января, но никакого прогресса в них по-прежнему не наблюдалось.

Ситуация на конференции резко изменилась, после того как Германия заключила мирный договор с украинской Центральной радой. 27 января (9 февраля) 1918 г. Вильгельм II направил главе германской делегации Кюльману телеграмму, в которой он требовал немедленно поставить советскую делегацию перед выбором: «Заключение мира на моих условиях при одновременной эвакуации Лифляндии и Эстляндии или немедленное прекращение переговоров и отказ от перемирия»¹.

Эта телеграмма означала, что Кюльман должен был не только решительно потребовать принятия выдвинутых ранее германским правительством условий, но и дополнительно предъявить требования о передаче Германии Лифляндии и Эстляндии.

В тот же день Кюльман заявил советской делегации, что пора кончать переговоры. Но о Лифляндии и Эстляндии он не упомянул. Как видно из телеграммы Кюльмана Гертлингу от 27 января (9 февраля), Кюльман опасался, что срыв переговоров из-за Лифляндии и Эстляндии может вызвать разрыв союза с Австро-Венгрией и резкое обострение внутреннего положения в Германии².

На следующий день, 28 января (10 февраля) 1918 г., Кюльман получил от Вильгельма II новую телеграмму, в которой тот приказывал немедленно предъявить советской делегации ультиматум. В ультиматуме должно было содержаться требование — принять германские условия и подписать мир до 8 часов вечера 10 февраля, а также немедленно отвести русские войска за линию Нарва — Псков — Двинск. В случае отказа советской делегации принять германские условия или затягивания подписания договора в 8 часов вечера должны были быть прерваны переговоры и прекращено действие перемирия. В таком случае, говорилось в телеграмме, германские войска будут двинуты к указанной линии³.

¹ ИДА, ф. 562, д. 27, л. 155—155а.

² Там же, л. 158.

³ Там же, л. 156—156а.

Выяснив в беседе с главой австро-венгерской делегации Черниным, что выполнение приказа Вильгельма II о предъявлении ультиматума может привести к заключению Австро-Венгрией сепаратного мира с Советской Россией, Кюльман не решился на такой шаг¹. Он ограничился предъявлением 28 января (10 февраля) требования о том, что «Россия обязуется по заключении мира немедленно очистить Лифляндию и Эстляндию от русских войск...»²

Решительные приказы Вильгельма II показывали, что в это время в Германии начинала брать верх военная партия, стремившаяся к возобновлению наступления на Востоке.

Советское правительство сделало во время переговоров в Брест-Литовске все возможное для защиты интересов населения оккупированных германскими войсками территорий, в том числе и интересов латышского народа. Вместе с тем нельзя было не учитывать факт полного развала старой русской армии. Военные действия не могли быть возобновлены. Если переговоры сорвались бы и германские войска перешли бы в наступление, Советская власть оказалась бы в состоянии смертельной опасности. Поэтому в случае если германская делегация, добиваясь немедленного подписания мира на выдвинутых ею условиях, предъявила бы ультиматум о принятии их, советская делегация была обязана подписать мир.

Однако Троцкий, возглавлявший в то время советскую делегацию в Брест-Литовске, заявил на конференции 28 января (10 февраля) 1918 г., что Советская республика отказывается от подписания мира на предлагаемых немцами условиях, что она объявляет состояние войны прекращенным и что ее армия демобилизуется.

Это было как раз то, чего добивались германские милитаристы, то есть разрыв переговоров. Но произошло это в столь выгодной для них форме, какой они и ожидать не могли. Переговоры были прерваны не ими, а Троцким. Отпал вопрос об ультиматуме, предъявление которого могло иметь весьма неприятные последствия и

¹ ИДА, ф. 562, д. 27, л. 157—158. (См. телеграмму Кюльмана Гертлингу от 10 февраля 1918 г.)

² «Мирные переговоры в Брест-Литовске», т. 1, стр. 201.

для самих германских милитаристов. Троцкий оказал германским милитаристам величайшую услугу.

Позиция, занятая Троцким в Брест-Литовске, поставила Советскую республику в чрезвычайно тяжелое положение. Отказом Троцкого подписать мир германские милитаристы решили воспользоваться для того, чтобы возобновить военные действия.

Вопрос о возобновлении военных действий обсуждался 31 января (13 февраля) на заседании коронного совета Германии. Вильгельм II, Гинденбург и Людендорф в один голос выступили за то, чтобы немедленно начать наступление на Восточном фронте с целью подавления Советской власти в России. Все выступление Вильгельма II пестрило такими выражениями, как «мы должны уничтожить большевиков как можно скорее», «с большевиками нужно покончить» и т. д. При этом Вильгельм II призывал действовать самым срочным образом, чтобы опередить англичан и американцев в деле установления господства над Россией.

В планы германских милитаристов входил, в частности, захват Северной Латвии и Эстонии.

Заседание закончилось решением о нападении на Советскую Россию¹.

Нарушив соглашение о перемирии, германские интервенты перешли 18 февраля 1918 г. в наступление по всему Восточному фронту. Немецкие войска захватили помимо других районов всю территорию Латвии.

В результате решительных мер по организации обороны страны, принятых Коммунистической партией и Советским правительством, германское наступление по направлению к Петрограду было остановлено. Осуществить свою основную цель — свергнуть Советскую власть в России — германским интервентам не удалось.

В ответ на переданное Германии заявление Советской России от 19 февраля о готовности принять условия мира, предъявленные германской делегацией в Брест-Литовске, Советское правительство получило 23 февраля 1918 г. новый ультиматум. В нем говорилось, в частности, что Советская Россия должна признать отделение от нее Польши, Литвы, Курляндии, Риги и Моонзундских островов. Кроме того, Лифляндия и

¹ ИДА, ф. 562, д. 27, л. 180—188.

Эстляндия немедленно должны были быть очищены от советских войск и Красной гвардии и подлежали занятию германской полицией. До заключения всеобщего мира в руках германских войск должны были остаться также другие занятые ими русские территории, в том числе и Латгалия.

Предъявленные Германией новые условия мира были гораздо тяжелее прежних. Позиция, занятая в Брест-Литовске Троцким, дорого обошлась Советской республике. В руках германских оккупантов оказались значительные территории Украины и Белоруссии, а также вся Прибалтика. Миллионы населения испытывали неисчислимые бедствия и страдания. Было уничтожено величайшее завоевание и латышского трудового народа — Советская власть в Латвии.

С большим вниманием следил за судьбой латышского народа В. И. Ленин. Он выступил в эти дни по вопросу о Брестском мире перед находившимися в Петрограде латышскими стрелками. Ясно показав невозможность продолжения войны, В. И. Ленин закончил свою речь, как пишет один из участников собрания, словами: Мы должны спасти Советскую Россию для построения социализма в качестве путеводной звезды для западноевропейского пролетариата. Недалеко то время, когда и там будет революция. Тогда и ваша Латвия будет свободна от немецких завоевателей, тогда рухнут и все навязанные договоры¹.

Сколь тяжелы ни были предъявленные Германией условия, у Советского правительства не было иного выхода, как принятие их. 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске состоялось подписание этого «чрезвычайно унижительного, тяжелого и насильнического»² договора, навязанного Советской России германскими милитаристами.

От России отторгались Польша, Литва, Курляндия, Рига и Моонзундские острова. Германия получила право занимать своими полицейскими войсками Лифляндию и Эстляндию «до тех пор, пока общественная безопасность не будет там обеспечена собственными учреждениями страны и пока не будет там установлен государственный

¹ См. «Latvju revolucionarais strēlnieks», II sēj., Maskavā, 1935, 283—284. lpp.

² В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 506.

порядок». Кроме того, Германия сохраняла свои войска на оккупированной ею территории, находившейся восточнее указанной в договоре линии, до тех пор пока будет заключен всеобщий мир и полностью демобилизована русская армия¹. На основании этой статьи Германия получила право держать свои войска в восточной части Латвии — Латгалии.

3. Латвия под властью германских интервентов

Захватив Латвию, германские империалисты установили в ней жесточайший оккупационный режим. По Северной Латвии разъезжали карательные экспедиции во главе с немецкими баронами, вернувшимися в свои поместья, откуда они были изгнаны осенью 1917 г. Они зверски расправлялись с батраками и беднейшими крестьянами, взявшими помещичью землю в свои руки. Тюрьмы были переполнены политзаключенными, повсеместно на площадях, как в средневековье, появились виселицы. Людей арестовывали по малейшему подозрению, без предъявления каких-либо обвинений. Арестованных избивали на допросах до полусмерти, а потом, чтобы скрыть следы преступлений, «приговаривали» к смертной казни и поспешно расстреливали. Германским частям удалось ночью 24 февраля внезапно захватить недалеко от Ревеля 40 человек из 7-го латышского стрелкового полка. Через несколько дней почти все они были расстреляны. Остались живы только три стрелка, которым удалось бежать².

После захвата Валмиеры немецкие оккупанты повесили в городе члена уездного ревизионного комитета Дилле и расстреляли многих большевиков. Для всех большевиков, попадавших в руки немецких захватчиков на вновь занятой ими территории Латвии, была предназначена одна участь — смерть.

Все активные сторонники Советской власти, которые не успели эвакуироваться до прихода германских войск, вынуждены были скрываться. Создавались партизанские отряды, активно боровшиеся против интервентов.

¹ См. «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 121—122.

² J. Kaimiņš, *Latviešu strēlnieki cīņā par Oktobra revolūcijas uzvaru, Rīgā, 1957, 379. lpp.*

Оккупанты запретили все организации трудящихся, в том числе профсоюзы. Выходившие ранее газеты были закрыты, и устанавливалась строжайшая цензура. Разрешение издавать газету на латышском языке имела лишь группа Красткална — Вейнберга, открыто сотрудничавшая с оккупантами.

Интервенты усиленно проводили политику онемечивания Латвии. Целый ряд латышских начальных и средних школ был закрыт. В средних школах преподавание велось на немецком языке. В некоторых школах учителями были назначены немецкие унтер-офицеры, ни слова не понимавшие по-латышски. В церквях и школах было приказано молиться за Вильгельма II.

Фабрики и заводы Латвии бездействовали, найти работу в городах было невозможно. Оккупанты пользовались этим для вербовки латышских рабочих на рудники и железные дороги в Германию. Много людей было отправлено в Германию принудительным путем. Там они трудились буквально в каторжных условиях. В выпущенном в октябре 1918 г. обращении конференции коммунистических организаций оккупированных областей говорилось по этому вопросу: «Миллионы рабочих были выхвачены из оккупированных областей и как белые рабы вывезены в Германию, где под штыками работают как каторжные для обогащения германских помещиков и капиталистов. Условия этих работ самые ужасные. Рабочий день не ограничен, а плата и питание, как у арестантов; они заключены в рабочие казармы, которые представляют собой настоящие тюрьмы»¹.

Чрезвычайно тяжелым было положение в латвийской деревне, где помещики заставляли батраков работать за одни харчи.

8-часовой рабочий день на фабриках и заводах был отменен. Оккупанты ограбили Латвию, и без того сильно пострадавшую в ходе войны. Были конфискованы запасы продовольствия, имевшиеся в городах, а также отобрано все, чем располагали крестьяне. Оккупантами был взят на учет весь скот, и убой его мог производиться только с их разрешения. При этом $\frac{2}{3}$ лучшего мяса должно было сдаваться оккупантам. Был взят на учет

¹ «Правда» № 251, 20 ноября 1918 г.

еще на корню весь урожай 1918 г. Хищнически вырубались леса.

Настоящим бедствием стали всевозможные налоги. Их нужно было платить за каждую голову скота, за каждую кошку, собаку, канарейку, утку, курицу, за оконные шторы и даже за каждую застреленную ворону. Кроме того, с каждой коровы, овцы, курицы надо было сдавать определенное количество масла, шерсти и яиц¹.

Грабеж производился и непосредственно немецкими солдатами. О размерах, каких он достигал, свидетельствует, например, такой факт: 26 сентября большая группа вооруженных германских солдат окружила оба рынка в Валке и отобрала у крестьян привезенные ими товары².

В Латвии воцарился самый настоящий голод. В хлебе, выдававшемся городскому населению мизерными порциями, значительную долю составляла размолотая осина.

Германские империалисты не собирались ограничиться лишь временной оккупацией Латвии и ее разграблением. Они мечтали об окончательном захвате ее территории, присоединении ее к Германии.

Согласно мирному договору Германия должна была иметь в Лифляндии и Эстляндии лишь полицейские части. Дальнейшая государственная принадлежность этих областей определялась населением на основании свободного волеизъявления. Однако германское командование и не собиралось выводить из Лифляндии и Эстляндии свои части. Командующий германскими оккупационными войсками в Эстляндии генерал Зекендорф заявил по этому вопросу 9 апреля 1918 г.: «Немецкие войска не оставят Эстляндии, они остаются здесь для ее постоянной защиты, и их число будет в ближайшие дни даже увеличено... Вы скоро увидите в ревельском порту и у берегов Эстляндии также мощный германский флот, который останется тут для охраны побережья»³.

Германские империалисты считали, что наступило время для официального присоединения Прибалтики к Германии. Еще в 1915 г., заняв Литву и Курляндию, они

¹ См. «Исторический журнал» № 2—3, 1944, стр. 30.

² «Komunists» № 97, 5. X. 1918.

³ См. *M. Martna, Estland, die Esten und die estnische Frage*, Beten, 1919, S. 152.

решили образовать из них великое княжество Литовское и герцогство Курляндское, которые вошли бы в состав Германии на основе личной унии.

После захвата Лифляндии и Эстляндии германское правительство решило создать вместо Курляндского герцогства так называемое «Балтийское государство», в состав которого должны были войти Курляндия, Лифляндия и Эстляндия.

Тогдашние планы германского правительства в отношении Прибалтики изложены, в частности, в воспоминаниях Людендорфа. «Я предполагал распространить на Лифляндию и Эстляндию политику,— писал Людендорф,— которой мы до сих пор придерживались в Курляндии. Я стремился к объединению эстонцев и латышей... в одно государство, которым бы руководили немцы...»¹

К осуществлению этих экспансионистских планов германские империалисты приступили буквально на следующий же день после заключения Брест-Литовского мирного договора. Застрельщиками создания Балтийского государства выступили курляндские бароны. 8 марта 1918 г. состоялось заседание Курляндского ландтага, на котором было принято решение об объединении «балтийских земель» в единое государство, которое должно быть «присоединено на вечные времена к Германии»².

20 марта 1918 г. аналогичную резолюцию приняла назначенная германскими властями Рижская городская дума, а 10 апреля — Лифляндское земское собрание, состоявшее из строго отобранных немцами лиц.

Наконец 12 апреля 1918 г. было созвано объединенное земское собрание Лифляндии, Эстляндии, Риги и острова Эзель. Из 58 участников собрания 34 являлись представителями немецких баронов. Местное латышское и эстонское население в земском собрании «представляли» лица, подобранные оккупационными властями из среды германофильски настроенных волостных старшин, духовенства и городской буржуазии. Руководил собра-

¹ Э. Людендорф, Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., т. II, М., 1924, стр. 221.

² Ed. Rosenberg, Für Deutschtum und Fortschritt in Lettland, Riga, 1928, S. 43.

нием лифляндский ландмаршал барон фон Пильхау. На собрании были приняты следующие решения:

«1. Просить германского императора осуществлять и в будущем военную защиту Лифляндии и Эстляндии и оказывать им поддержку в осуществлении их отделения от России.

2. Выразить пожелание, чтобы из Лифляндии, Эстляндии и Курляндии, а также расположенных по соседству с ними островов и города Риги было создано монархически-конституционное государство с единой конституцией и единым управлением, связанное с Германией на основе личной унии с прусским королем...

3. Просить германского императора... чтобы между Германской империей или Прусским королевством и государством, которое будет создано из всех частей Прибалтики, были заключены необходимые конвенции, как-то: военная, валютная, по вопросам сообщения, таможенная, по вопросам мер и весов и другие»¹.

Таким образом, за отделение от России и создание Балтийского государства, тесно связанного с Германией, высказались как будто все части сколачивавшегося германскими оккупантами нового государства — Курляндия, Лифляндия, Эстляндия, остров Эзель и Рига.

Фактически же это было лишь решением немецких баронов и отдельных представителей связанной с ними латышской и эстонской сельской и городской буржуазии. Указанные решения находились в резком противоречии с интересами латышского и эстонского народов. Действительные стремления латышского и эстонского народов могли быть выяснены только путем проведения референдума.

В защиту интересов латышского и эстонского народов выступило Советское правительство. Ссылаясь на условия Брест-Литовского мирного договора, оно заявило 24 апреля 1918 г. германскому правительству решительный протест против подобных мер по определению судьбы Эстляндии и Лифляндии, мер «без действительного и вполне свободного волеизъявления всех народов, населяющих эти территории...»²

¹ *E. Dellingshausen*, *Im Dienste der Heimat*, Stuttgart, 1930, S. 269.

² «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 263.

Когда представители объединенного земского собрания Лифляндии и Эстляндии известили через германское правительство письмом от 13 мая 1918 г. Советское правительство о том, что это собрание приняло решение об отделении Лифляндии и Эстляндии от России, Советское правительство вновь выступило в защиту интересов латышского и эстонского народов.

В своей ноте от 26 мая 1918 г. оно снова заявило германскому правительству решительный протест против бесстыдного извращения воли латышского и эстонского народов. Советское правительство указывало, что представители эстляндского и лифляндского дворянства ни в коем случае не могут претендовать на право говорить от имени всего эстляндского и лифляндского населения и что «тысячи граждан городских и сельских округов Эстляндии и Лифляндии открыто протестуют против подобного искусственного и насильственного отторжения этих областей от России»¹.

27 августа 1918 г. был заключен новый договор Советской России с Германией, который дополнял условия Брест-Литовского мирного договора. При заключении договора германское правительство придавало большое значение тому, чтобы в него был включен пункт о признании отделения Эстляндии и Лифляндии от России. Лишь исключительно тяжелая обстановка, сложившаяся для советского народа в то время, вынудила Советское правительство согласиться с этим требованием германских империалистов².

20 октября 1918 г. было созвано заседание исполнительного комитета объединенного земского собрания Лифляндии, Эстляндии, Риги и острова Эзель, провозгласившее себя верховной властью в стране. В решении комитета указывалось, что он просит Германию оставить немецкие войска «для сохранения внутреннего спокойствия»³.

Образованием Балтийского государства, тесно связанного с Германией, германские империалисты добились осуществления своих захватнических планов в Прибалтике. Однако это никакого практического зна-

¹ «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 323.

² См. там же, стр. 440.

³ *E. Dellingshausen, Im Dienste der Heimat*, S. 341—342.

чения в дальнейшем уже не имело, так как революция в Германии и поражение ее в империалистической войне сорвали захватнические замыслы германских империалистов. Новое государство оказалось мертворожденным.

Наряду с юридическим оформлением присоединения Латвии к Германии немецкие империалисты усиленно занялись после заключения Брест-Литовского мира подготовкой к колонизации Латвии.

Германские империалисты начали осуществлять свои планы колонизации Прибалтики еще в 1915 г., когда они заняли Литву и Курляндию. Глава германской правительственной информационной службы, ярый проповедник захватнических планов германского империализма на Востоке П. Рорбах писал в своей книге «Россия и мы»: «Балтийские провинции и Литва в состоянии при проведении колонизации... прокормить по меньшей мере 15 миллионов человек!» Путем расселения в Прибалтике немецких колонистов, указывал Рорбах, она может быть «одним ударом сделана крепкой немецкой страной»¹.

Эти слова Рорбаха совершенно отчетливо свидетельствуют о стремлении германских империалистов к полному уничтожению латышской нации.

Непосредственной подготовкой колонизации Курляндии занимались на месте германские оккупационные власти. Они составили в 1915 г. специальный доклад «Курляндия под германским управлением», в котором подробно разбирался и вопрос о возможностях колонизации Курляндии. В докладе говорилось: «Германии нужна земля. Долгие годы мы вынуждены были искать ее далеко от родины... Теперь благоприятная судьба... бросает к нашим ногам землю, которую нам необходимо лишь удержать и колонизировать, и у нас будет новая, готовая, весьма ценная часть Германии»².

Активное участие в подготовке к колонизации Курляндии принимали также местные немецкие бароны. 16(29) августа 1915 г. Курляндский ландтаг принял решение о том, что в случае присоединения Курляндии к Германии немецкие бароны передадут германскому правительству для размещения немецких колонистов

¹ *P. Rohrbach*, *Russland und wir*, Berlin, 1915, S. 58, 69.

² «*Kurland unter deutscher Verwaltung*», Mitau, 1915, S. 15.

по пониженной цене одну треть площади своих поместий¹.

Новый размах получила подготовка к колонизации Латвии после захвата германскими войсками в феврале 1918 г. всей Латвии. В Берлине было создано специальное общество «Курляндия». Оно должно было заниматься размещением колонистов на землях, предоставленных для колонизации курляндскими баронами. Кроме того, оно и само должно было покупать при помощи германских банков землю в Курляндии. Планы оккупантов заключались в том, как писал курляндский барон Би-страм, чтобы «онемечить Курляндию в кратчайший срок»².

В целях скорейшего сосредоточения в распоряжении общества «Курляндия» достаточных земельных ресурсов Гинденбург издал 17 июня 1918 г. специальное распоряжение о колонизации Курляндии. В нем предусматривалось, что каждый курляндский помещик, владения которого достигают 360 га, обязан продать обществу «Курляндия» одну треть своих владений по их довоенной цене. Обществу «Курляндия» предоставлялось также преимущественное право на покупку любого земельного владения в Курляндии, поступившего в продажу³.

В сентябре 1918 г. германское правительство отправило в Прибалтику для изучения вопроса о ее колонизации правого социал-демократа Виннига, назначенного впоследствии генеральным уполномоченным германского правительства в Прибалтике.

Захват Прибалтики и других районов России, как уже указывалось, не исчерпывал планов германских империалистов в отношении Советской республики. Они по-прежнему мечтали о подавлении в России Советской власти.

Генерал Гольц, командовавший в то время войсками германских интервентов в Финляндии, пишет, что по приказу германского верховного главнокомандования к августу 1918 г. была завершена подготовка к наступлению на Петроград германских войск по обе стороны

¹ См. *Manteuffel-Katzdangen*, *Meine Siedlungsarbeit in Kurland*, Leipzig, 1941, S. VII.

² ИДА, ф. 38 г, оп. 1, д. 87, л. 166.

³ *A. Fortiņš, Vācbaltu politisko mērķu dokumentācija, Rīgā, 1932, 93.—102. lpp.*

Финского залива. Помощь им должен был оказать германский флот. Он указывает, что требовался только сигнал для начала операции¹. Однако германское правительство все же не решилось на осуществление этих планов.

Германские империалисты занялись также сколачиванием в Прибалтике русских контрреволюционных частей (так называемой Северной армии), которые они намеревались использовать для борьбы против Советской России. Центром формирования этих войск стал Псков, но вербовка солдат для них была широко развернута по всей Прибалтике. Особенно усиленно она проводилась в Даугавпилсе, Резекне и некоторых других городах Латвии. Германские власти передали этим войскам большое количество вооружения и боеприпасов, а также снабдили их деньгами. Тем самым было положено начало созданию в Прибалтике белогвардейских частей, которые затем в 1919 г. вошли в состав армии Юденича.

4. Борьба латышского народа против германских захватчиков

Несмотря на жесточайший оккупационный режим, установленный в Латвии германскими властями, латышский народ не капитулировал. Руководимый большевиками, он вел упорную, неустанную борьбу против германских захватчиков.

Когда германские войска начали 19 августа (1 сентября) 1917 г. наступление с целью захвата Риги, ЦК СДЛК принял решение о том, что в случае падения Риги все большевики должны остаться на месте в городе, чтобы вести агитацию по ту сторону фронта. В соответствии с этим решением в Риге остались многие члены ЦК, в том числе Ю. Данишевский, Я. Ленцман, Я. Шильф, Р. Эйхе и другие. Остались в городе и многие другие активные партийные работники: председатель Рижского совета Р. Эндруп, Я. Юрмалник, Д. Бейка и другие.

Работать в оккупированной Риге было чрезвычайно трудно. Город был объявлен на осадном положении. За

¹ *R. Goltz, Meine Sendung in Finnland und im Baltikum, Leipzig, 1920, S. 92.*

малейшую деятельность против оккупантов и даже за одно лишь осуждение их действий грозила смертная казнь или долголетняя каторга.

Тем не менее в Риге быстро были созданы нелегальные партийные организации. К ноябрю 1917 г. в городе работало уже около 20 нелегальных партийных ячеек с общим числом членов около 300 человек. Большевистская организация Риги приняла название группы «Спартак». 25 ноября состоялась рижская городская партийная конференция, наметившая ближайшие задачи рижских большевиков в новых условиях.

Рижские большевики развернули работу не только в самом городе. Они оказали большую помощь в укреплении партийных организаций в Курляндии. Установление и поддержание связей с курляндскими большевистскими организациями было связано с огромными трудностями. Выезд из Риги в Курляндию был категорически запрещен оккупантами, не разрешалось даже перемещение из одной волости Курляндии в другую. Но большевикам удалось преодолеть эти препятствия. Большую работу по установлению связей между рижской организацией и партийными организациями Курляндии проделал Я. Озолс.

Большевики активно откликались на все важнейшие события в оккупированной части Латвии. Они развернули агитационно-разъяснительную работу. В конце ноября 1917 г. ими была выпущена листовка «Да здравствует революция». Начали выходить нелегальные газеты «Биедрс» («Товарищ») и «Спартак». В связи с созванным германскими властями в Риге 9(22) декабря 1917 г. сборищем контрреволюционеров рижские большевики выпустили листовки «Вас предают!», «Долой слуг империалистов!» и «На улицу, товарищи и граждане!» В них разоблачалось предательство интересов латышского народа небольшой кучкой местной буржуазии, население Риги призывалось провести 24 декабря 1917 г. (6 января 1918 г.) демонстрацию протеста против попыток отрыва Латвии от России и присоединения ее к Германии¹.

Чтобы сорвать демонстрацию, германские власти произвели накануне ее, ночью, массовые аресты. Было

¹ Архив Института истории партии при ЦК КП Латвии, оп. 37—38, листовки за 1917—1918 гг.

арестовано свыше 100 человек, в том числе несколько членов ЦК СДЛК и других активных партийных работников. Несмотря на эти репрессии, в назначенный день в Риге состоялась крупная демонстрация протеста. Демонстрация была разогнана вооруженной силой, среди ее участников были убитые и раненые.

Зверства немецких оккупантов не заставили латышский народ отказаться от дальнейшей борьбы. Они лишь усилили ненависть к германским оккупантам и еще больше сплотили народные массы вокруг большевиков для дальнейшей борьбы. Только в январе 1918 г. большевиками было издано по крайней мере восемь листовок общим тиражом в 235 тыс. экземпляров, пять были отпечатаны на латышском языке, две — на немецком и одна — на латышском и немецком языках¹.

21 января (3 февраля) 1918 г. в Риге состоялись новая демонстрация и митинги. Демонстранты снова подверглись вооруженному нападению. После каждой демонстрации, а также после появления очередных листовок производились новые и новые аресты. Часть арестованных была расстреляна, другие приговорены к различным срокам каторги и тюремного заключения, еще больше брошено в концентрационный лагерь.

Рижская партийная организация постоянно росла. В феврале 1918 г. в ней насчитывалось уже свыше 750 членов.

В Лифляндии, занятой германскими оккупантами в феврале 1918 г., также немедленно были созданы нелегальные большевистские организации, установлена связь между ними. Уже 7 апреля 1918 г. состоялась нелегальная конференция большевистских организаций Лифляндии, создавшая партийные органы².

Широкая волна революционных выступлений латышских трудящихся масс прокатилась 1 мая 1918 г. В городах и селах Латвии были распространены десятки тысяч большевистских листовок, вывешены красные знамена.

В конце мая 1918 г. в Риге нелегально собралась XVI партийная конференция Социал-демократии Латышского края. На конференции были приняты важные

¹ Архив Института истории партии при ЦК КП Латвии, ф. 35, оп. 38, листовки за 1918 г.

² «Latvijas Komunistiskās Partijas VI kongresa protokoli», Izd. «Spartaks», 1920, 17. lpp.

решения по вопросам тактики, агитации и пропаганды. «Социал-демократия Латышского края,— писала в те дни газета «Спартак»,— существует и действует не только во всех районах Латвии, но, пробравшись через проволочные заграждения и сквозь ряды жандармов и национальных шпионов, она вновь добилась своего организационного и идейного сплочения...»¹

Латышские большевики поддерживали постоянные связи с нелегальными большевистскими организациями других оккупированных немцами областей Советской России. В августе 1918 г. был создан специальный орган, координировавший работу нелегальных большевистских организаций Польши, Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии и Эстонии. 19—24 октября 1918 г. в Москве под руководством Я. М. Свердлова состоялась конференция представителей этих организаций. Конференция обсудила вопросы о тактике и лозунгах коммунистических партий в оккупированных районах, о работе среди германских солдат, о подготовке к вооруженному восстанию².

Широкие размеры получило в Латвии партизанское движение. Партизанские отряды, поддерживаемые местным населением, постоянно росли и крепили и предпринимали все более активные действия против оккупантов.

Командующий германскими войсками в Прибалтике Кирхбах издал в марте 1918 г. приказ, в котором указывалось: «Я приказываю бороться с партизанскими организациями без всякой пощады»³. Но подобные приказы не могли устроить латышских партизан. Партизанские отряды продолжали расти и превращались во все более грозную силу.

Давал знать о себе также рост революционного движения в германских войсках. Германская армия шла быстрыми шагами к своему развалу. Этому в значительной степени содействовало соприкосновение немецкой армии на Востоке с Советской Россией.

Широкою революционную и антивоенную пропаганду среди германских солдат вели латышские большевики. Важнейшие большевистские листовки издавались не

¹ «Spartaks» № 6, 1918.

² «Документы по истории гражданской войны в СССР», т. 1, М., 1941, стр. 421.

³ «Разгром немецких захватчиков в 1918 году». Сборник документов, М., 1943, стр. 80.

только на латышском, но и на немецком языке. Для немецких солдат выпускались газеты и брошюры. С января по октябрь 1918 г. только в Риге общий тираж листовок на немецком языке составил свыше 250 тыс. экземпляров¹.

В германских войсках все чаще стали наблюдаться случаи отказа солдат подчиниться приказам о переезде на Западный фронт, повседневным явлением стал переход германских солдат на сторону Красной Армии как в одиночку, так и целыми группами². «Подавление революции в красной Латвии, Финляндии и на Украине,— писал В. И. Ленин,— стоило Германии разложения армии»³.

Факт быстрого разложения оккупационных войск в Прибалтике в 1918 г. были вынуждены признать также сами германские империалисты. В официальном обзоре послевоенных боев германской Восточной армии, написанном на основании документальных материалов военного министерства Германии, говорилось по этому поводу следующее: «8-я армия подверглась большевистскому разложению в весьма сильной степени, причем также и в тылу, так как со времени революции 1905 г. латышское и эстонское население было резко большевистским»⁴.

Настроение германских войск на Восточном фронте весьма отчетливо охарактеризовано в письме германского солдата Людвиг Шредера своим родителям. «Всем нам наплевать,— писал Шредер,— получим ли мы Курляндию или нет, был бы только мир»⁵.

Разложение германской Восточной армии становилось к осени 1918 г. все более заметным. Чувствовалось, что господству германских империалистов в Прибалтике приближался конец.

Латышские большевики стали выпускать воззвания с призывом готовиться к решающим боям. В воззвании «К годовщине социалистической революции» указывалось,

¹ Архив Института истории партии при ЦК КП Латвии, ф. 35, оп. 38, листовки за 1918 г.

² См. «Известия» № 228, 19 октября 1918 г.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 67.

⁴ «Darstellungen aus den Nachkriegskämpfen deutscher Truppen und Freikorps. Erster Band. Die Rückführung des Ostheeres». (В дальнейшем: «Die Rückführung des Ostheeres»), Berlin, 1936, S. 129.

⁵ См. Ф. И. Нотович, Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914—1918 гг., стр. 181.

что революция в России не осталась без влияния на другие страны. Весь мир чреват революцией, предстоят новые революционные бои. «К этим боям,—говорилось в воззвании,—должны быть готовы и мы. Одновременно с международной революцией мы должны *восстать* против господства немецких юнкеров и латышских богачей, против паразитического «Балтийского государства»... Вся власть должна быть взята в руки Советов рабочих и безземельных крестьян. Латвия должна стать социалистической Советской Латвией»¹.

В начале ноября 1918 г. в Германии разразилась революция. Германские империалисты были вынуждены признать себя побежденными. 11 ноября 1918 г. в Компьене между Германией и Антантой было подписано соглашение о перемирии. Это являлось предвестником того, что наступает время освобождения Латвии от власти германских оккупантов.

¹ Архив Института истории партии при ЦК КП Латвии, ф. 35, оп. 38, д. 8.

**РАЗГРОМ ИНОСТРАННЫХ ИНТЕРВЕНТОВ
И МЕСТНОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ.
ВОССТАНОВЛЕНИЕ В ЛАТВИИ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ**

(Ноябрь 1918 г.— май 1919 г.)

**1. Антисоветский союз стран Антанты
с Германией**

Окончание империалистической войны и заключение 11 ноября 1918 г. перемирия между Антантой и Германией внесли коренные изменения в международную обстановку. Смертельная схватка между двумя могущественными группами империалистов, продолжавшаяся свыше четырех лет, окончилась.

Поражение Германии и ее союзников имело для Советской республики важнейшее положительное значение. Советская Россия получила возможность аннулировать грабительский Брест-Литовский мирный договор, прекратить платежи по контрибуции Германии и повести открытую военную и политическую борьбу за освобождение территории России, оккупированной германскими войсками.

Большое значение для Советской России имели революции в Германии и Австро-Венгрии, а также бурное нарастание революционного кризиса в других странах Европы. Российская Советская республика приобретала союзника на международной арене в лице европейского революционного движения.

Успешно справившись с задачей поражения своих германских конкурентов, Антанта получила возможность перебросить свои силы на борьбу против первого в мире социалистического государства.

Международное положение России, временно улучшившееся весной 1918 г. в связи с заключением Брест-Литовского мира, вновь серьезно осложнилось. На Стра-

ну Советов грозил обрушиться союз капиталистов всех стран во главе с империалистами США, Англии и Франции. В. И. Ленин говорил: «...никогда наше положение не было так опасно, как теперь. Империалисты были заняты друг другом. И теперь одна из группировок сметена группой англо-франко-американцев. Они главной задачей считают душить мировой большевизм, душить его главную ячейку, Российскую Советскую Республику»¹.

Вооруженная интервенция стран Антанты против Советской России резко усилилась буквально на следующий же день после заключения ими перемирия с Германией. Излагая позицию, занятую американскими, английскими и французскими империалистами после разгрома Германии, президент США Вильсон заявил в ноябре 1918 г.: «Союзные державы не имеют более намерения придерживаться пассивной тактики по отношению к большевизму. В нем они видят единственного врага, против которого следует ополчиться»².

Политика Антанты по отношению к Советской России изложена тут со всей циничностью. Оказывается, открытая вооруженная интервенция на севере, востоке и юге России, начатая иностранными империалистами еще весной 1918 г., была лишь «пассивной тактикой по отношению к большевизму»!

США продолжали держать в Европе и после разгрома Германии огромную армию, насчитывавшую почти 2 млн. солдат. Член палаты представителей США Грин открыто заявлял в конгрессе США 2 января 1919 г., что «эта армия, которая оставляется в Европе, будет, очевидно, использована для выполнения жандармских функций... для осуществления жандармского контроля над Россией»³.

Вооруженная интервенция стран Антанты приняла с конца 1918 г. огромные масштабы. На севере Советской России еще весной 1918 г. были высажены английские, французские и американские войска. В Сибири начал наступление против Советской республики Колчак, войска которого были обеспечены вооружением, присланным из США, Англии и Франции. В Закавказье наступа-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 142.

² «Правда» № 258, 28 ноября 1918 г.

³ «Congressional Record», v. 57, part I, p. 958.

ли англичане, в Одессе и Севастополе высаживались французы и англичане.

Для того чтобы полностью замкнуть это кольцо вокруг Советской России, страны Антанты приняли меры к организации интервенции также со стороны Прибалтики, доступ к которой открылся для союзников после поражения Германии. Севернее Финского залива действовали белофинны. Что же касается территории к югу от Финского залива, то единственной вооруженной силой, которая могла выступить против Советской России в этом районе, были германские войска — вчерашний враг Антанты.

Кроме того, правящие круги стран Антанты не без основания опасались, что в случае вывода из Прибалтики германских войск в Эстонии, Латвии и Литве могла быть установлена Советская власть.

Дипломатические представители США, Англии и Франции в Швеции и Дании, имевшие поручение следить за развитием событий и в Прибалтике, доносили своим правительствам о возможности установления Советской власти в случае вывода германских войск. Американский поверенный в делах в Швеции Уайтхауз телеграфировал своему правительству 12 октября 1918 г. следующее: «Американские, английские и французские официальные лица, с которыми я беседовал, придерживаются того мнения, что эвакуация германских и австрийских войск из этих областей (Прибалтики и Украины.— В. С.) немедленно приведет к беспорядкам и непосредственной опасности большевистского наступления. Поэтому в случае перемирия с центральными державами *не следует настаивать на эвакуации этих территорий до того, когда мы будем в состоянии послать туда союзные войска* (подчеркнуто мной.— В. С.)»¹.

Касаясь непрерывного потока подобного рода телеграмм, направлявшихся правительству США, В. И. Ленин говорил 6 ноября 1918 г.: «Мы знаем, что правительство Вильсона засыпали телеграммами с просьбой о том, чтобы оставить немецкие войска в Польше, на Украине, Эстляндии и Лифляндии, потому что, хотя они и враги

¹ «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918, Russia», (в дальнейшем: «Foreign Relations of the U. S., 1918, Russia»), v. II, p. 838.

германского империализма, но эти войска делают их дело: они подавляют большевиков. Дайте уйти им только тогда, когда появятся антантофильские «освободительные войска», чтобы душить большевиков»¹.

Страны Антанты рассчитывали предупредить установление Советской власти в Прибалтике лишь одним путем: сохранением там германских войск.

Поэтому, заключая с Германией перемирие, американские, английские и французские империалисты решили одновременно вступить с ними в союз для борьбы против Советской России. Предварительные переговоры между представителями стран Антанты и Германии показали, что германские империалисты, со своей стороны, были вполне согласны принять в союзе со странами Антанты участие в войне против Советской республики. Германская делегация по ведению переговоров о перемирии сама обратила внимание представителей стран Антанты на то, что немедленная эвакуация занятой германскими войсками территории России приведет к переходу там власти в руки большевиков.

Ст. 12 соглашения о перемирии между странами Антанты и Германией от 11 ноября 1918 г., специально посвященная вопросу о выводе германских войск с оккупированных ими территорий других государств, предусматривала, что германские войска должны покинуть эти территории только тогда, когда «союзники признают, что для этого настал момент, приняв во внимание внутреннее положение этих территорий»².

Ст. 12 соглашения о перемирии оформила *антисоветский военный союз стран Антанты с их вчерашним врагом — Германией*. Государственный секретарь США Лансинг прямо заявил, что «союзные и объединившиеся державы являются на основе перемирия союзниками Германии в прибалтийских провинциях»³.

Империалисты всех стран объединили, таким образом, свои силы для подавления первого в мире социалистического государства. Началась совместная борьба не-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 129.

² «Международные отношения. 1870—1918 гг.». Сборник документов, М., 1940, стр. 390.

³ «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, Paris Peace Conference, 1919» (в дальнейшем: «Foreign Relations of the U. S., P. P. C., 1919»), v. IV, p. 691.

давно всевавших между собой империалистических держав против Советской республики. Над Страной Советов нависла серьезная опасность.

2. Создание иностранными интервентами антинародного буржуазного правительства в Латвии

Империалисты стран Антанты, добившись победы над Германией, решили взять определение дальнейшей судьбы оккупированных ею западных окраин России, в том числе и Прибалтики, в свои руки.

Они намеревались со временем сменить германские оккупационные войска и занять Прибалтику своими частями. Переговоры по этому вопросу начались немедленно после заключения перемирия, о чем свидетельствует, например, дневник начальника штаба германского Восточного фронта генерала Гофмана. В записи, сделанной им 13 ноября 1918 г., отмечается, что идут переговоры с Антантой, которая хочет привести в Прибалтику свои войска.

По договоренности между союзниками Прибалтика была признана «сферой влияния» Англии. Политика английских империалистов в Прибалтике определялась прежде всего тем, что они стремились задушить Советскую власть в России. Но в то же время в их планы не входило восстановление «единой и неделимой» России, они мечтали об ослаблении ее. «Англии хотелось,— констатировал В. И. Ленин,— дележа России...»¹ Английские империалисты спешили воспользоваться временной слабостью России, чтобы отторгнуть ее окраины, в том числе и Прибалтику, и прибрать их к рукам. Они стремились использовать буржуазию отторгнутых от России окраин в борьбе за свержение Советской власти в центральных районах Советской республики.

Политика расчленения России проводилась английскими империалистами еще в начале 1918 г. Поверенный в делах Англии в Петрограде Линдлей заявил 28 февраля 1918 г. представителю латвийской буржуазии Сескису: «Боритесь за независимую Латвию, и я

¹ В. И. Ленин, Соч. т. 31, стр. 201.

верю, что вы достигнете своей цели»¹. Под этой независимостью Линдлей понимал закабаление Латвии. Беззастенчиво вмешиваясь во внутренние дела Советского государства, английские империалисты взяли на себя финансирование сепаратистской деятельности латышской буржуазии. Выяснив у Сескиса, что латышской буржуазии требуется на пропаганду и содержание созданного ею Латышского буржуазного совета 50 тыс. рублей в месяц, Линдлей вручил Сескису 28 февраля 1918 г. аванс на 4 месяца в сумме 200 тыс. рублей². В августе 1918 г., когда эти деньги были израсходованы, другой представитель английского правительства, генеральный консул Англии в Москве Локкарт снова вручил Сескису 200 тыс. рублей³.

Официальная точка зрения Англии по вопросу об отторжении Латвии от России была высказана министром иностранных дел Англии Бальфуром. 23 октября 1918 г. Бальфур принял представителя латвийской буржуазии Мееровица, заявившего ему о стремлении латышской буржуазии к отделению Латвии от России. Бальфур сразу же ответил Мееровицу, что английское правительство решило признать временно до мирной конференции Латышский буржуазный совет, созданный буржуазными партиями Латвии, латвийским правительством⁴.

Что касается позиции французского правительства, оно, как и правительство Англии, возлагало надежды на свержение в России Советской власти, на победу иностранных интервентов и русских белогвардейцев.

Однако французское правительство высказывалось за восстановление «единой и неделимой» России. В. И. Ленин говорил, характеризуя политику французских империалистов, что им нужна «сильная Россия царского типа». Франция не могла в то время особенно рассчитывать на захват окраин России. Она возлагала гораздо больше надежд на возвращение займов, предоставленных ею царскому правительству, а ослабление России могло этому лишь помешать. Сильная Россия была

¹ *J. Seskis, Latvijas valsts izcelšanās pasaules kara notikumu norisē Rīgā, 1938, 134. lpp.*

² Там же, стр. 133.

³ Там же, стр. 151, 155.

⁴ *Līgotņu Jēkabs, Latvijas valsts dibināšana, Rīgā, 1925, 396. lpp.*

нужна Франции также в качестве союзницы в случае новой угрозы со стороны Германии.

Вместе с тем французское правительство считало, что стремление к восстановлению «единой и неделимой» России вовсе не препятствовало ему оказывать помощь буржуазии национальных окраин России. Французские империалисты надеялись, что после восстановления буржуазного правительства России оно сможет подчинить себе национальные окраины бывшей Российской империи.

Этими соображениями предопределялась та помощь и поддержка, которую оказывало в 1918 г. французское представительство в России латвийской буржуазии. Тогдашний французский посол в России Нуланс писал впоследствии, что представители латвийской буржуазии, явившиеся к нему в декабре 1917 г., встретили у него теплый прием и что им была оказана «активная помощь». В апреле 1918 г. по указанию Нуланса, переехавшего к этому времени в Вологду, управляющий французским посольством в Петербурге Бинэ выдал представителю латвийской буржуазии Сескису 100 тыс. рублей¹. В июле 1918 г. Сескис получил от французского посольства новую ссуду в размере 71 тыс. франков².

Особенно следует остановиться на политике Соединенных Штатов Америки.

США, наживаясь на военных заказах, резко увеличили в годы первой мировой войны свою мощь. Они далеко обогнали все другие государства и заняли в капиталистическом мире господствующее положение. Американская газета «Нью-Йорк уорлд телеграм» писала по этому вопросу: «Наше первенствующее положение обусловлено... нашей экономической мощью. Государство, контролирующее торговлю и кредит, контролирует весь мир...»³ При определении позиции стран Антанты по тому или иному вопросу последнее, решающее слово принадлежало правительству США. Так обстояло дело и при выработке политики стран Антанты по отношению к Советской России. Она предопределялась позицией США.

¹ J. Seskis, Latvijas valsts izcelšanās pasaules kara notikumu norisē, 140. lpp.

² ИДА, ф. 38 г., оп. 5, д. 128, л. 358.

³ См. А. Клод, Куда идет американский империализм, М., 1951, стр. 42—43.

Какова же была эта позиция?

Правящие круги Соединенных Штатов Америки испытывали лютую ненависть к установленным в России новым, социалистическим порядкам. С первых же дней Октябрьской революции они делали все, что только было в их силах, для подавления в России Советской власти. Они начали открытую вооруженную интервенцию, оказывали огромную помощь деньгами и военными материалами русским белогвардейцам.

Одновременно США добивались ослабления, расчленения России, в том числе отторжения от нее Прибалтики. Правительство США предпочитало, однако, открыто не излагать свои планы расчленения России. Это разоблачило бы все ее демагогические заявления о «бескорыстной дружбе» и «симпатиях» к русскому народу. Предание гласности американских планов расчленения России могло подорвать также позиции Колчака, Деникина и других главарей русской контрреволюции, выступавших под лозунгом восстановления «единой и неделимой» России.

Агрессивный характер политики США отчетливо выражен в комментариях к пресловутым «четырнадцати пунктам» Вильсона¹, обнародованным им в начале 1918 г.

В комментариях предусматривалось: отторжение от России всех ее западных окраин; создание на отторгнутых от России территориях послушных империалистам западных держав буржуазных правительств, которые с готовностью обратились бы к США с «просьбой о поддержке». Последнее дало бы американским империалистам возможность утверждать, что они имеют «законные основания» для вмешательства во внутренние дела народов этих территорий. Кроме того, в комментариях значилось и предоставление этим правительствам всей необходимой «помощи», в том числе и военной, чтобы они могли держать в узде свои народы, равно как и принимать активное участие в походе Антанты против Советской республики.

Государственным департаментом США в январе 1919 г. была составлена специальная карта расчленения России. В приложении к ней указывалось: «Всю Россию

¹ См. «Архив полковника Хауза», т. IV, М., 1944, стр. 151—152.

следует разделить на большие естественные области, каждая со своей особой экономической жизнью. При этом ни одна область не должна быть достаточно самостоятельной, чтобы образовать самостоятельное государство»¹.

Таким образом, мы видим, что расчленение России было одной из основных составных частей политики США по «русскому вопросу». Оно должно было облегчить закабаление американскими империалистами как резко ослабленной таким путем России, так и отторгнутых от нее областей.

Господствующее положение, которое занимали США среди других капиталистических государств, предопределило первенствующую роль США и в определении политики этих государств по отношению к Советской России. США возглавили союз капиталистических стран, обрушившихся против первой в мире социалистической державы.

* *
*

Первое время после поражения Германии правительства США, Англии и Франции, не имевшие в Прибалтике собственных представителей, осуществляли свою политику в Латвии через германские оккупационные власти. Договариваясь с германским правительством о том, что оно оставит в Прибалтике свои войска «для борьбы с большевиками», правительства США, Англии и Франции указали ему те меры, которые германские власти должны были осуществить там. Они обязали Германию сколотить в Прибалтике из представителей буржуазии местные правительства и помочь им сформировать свои войска.

Германские оккупационные власти с усердием взялись за осуществление возложенных на них задач, что отчасти объяснялось стремлением Германии выслужиться перед победителями. Кроме того, германское правительство имело в отношении Прибалтики и свои собственные, далеко идущие планы, которые оно надеялось осуществить под предлогом выполнения задач, возложенных на Германию странами Антанты.

¹ D. H. Miller, My Diary at the Conference of Paris, v. IV, p. 219.

Несмотря на поражение Германии в войне, германские империалисты продолжали мечтать о сохранении своего господства в Прибалтике, дальнейшей эксплуатации ее экономических богатств, о защите интересов немецких баронов. В специальном разъяснении германского верховного командования относительно условий перемирия указывалось, что «ни в национальном, ни в экономическом отношении Германия не заинтересована в быстрой эвакуации восточных областей, в особенности Украины и Прибалтики... Следует продолжать вывоз сельскохозяйственных продуктов и сырья»¹.

Правители Германии задумывались также над тем, как бы сохранить свое фактическое господство в Прибалтике и после вывода германских войск.

В этих целях они решили сговориться с теми кругами местной буржуазии, которые, опасаясь установления в Латвии Советской власти, готовы были пойти на соглашение с германскими империалистами, чтобы под защитой их штыков сохранить свои классовые привилегии.

Осуществление планов германских империалистов было возложено на германские оккупационные власти в Прибалтике, во главе которых был поставлен член германской социал-демократической партии А. Винниг. Хотя Винниг считался «социалистом», взгляды его ничем не отличались от позиции самых заядлых германских милитаристов.

Германские правые социал-демократы продолжали на Востоке старую захватническую политику германских империалистов.

Чтобы облегчить Виннигу выполнение возложенных на него задач, ему была передана вся полнота власти в Прибалтике. 14 ноября 1918 г. он был назначен генеральным уполномоченным германского правительства в Прибалтике.

Приехав в конце октября 1918 г. в Ригу, Винниг быстро сумел войти в доверие представителей латышских буржуазных политических партий. Одновременно Винниг заручился поддержкой немецких баронов.

Винниг занимался в Прибалтике, таким образом, двойной игрой: перед латышами он пытался представить себя «деятелем», не имеющим каких-

¹ «Die Rückführung des Ostheeres», S. 19—20.

либо империалистических намерений; перед немецкими баронами он, наоборот, имел возможность раскрыть свою действительную империалистическую душу. Этого не скрывает, между прочим, и сам Винниг. «Согласно моему поручению,— признавал Винниг,— я должен был неоднократно вести двойную игру»¹.

Как же германское правительство мыслило удержать Прибалтику в своих руках в новых условиях?

После поражения Германии и свержения Вильгельма II планы присоединения Прибалтики к Германии на основе личной унии отпали. Приходилось считаться также с предстоящим выводом из Прибалтики германских войск. Поэтому Винниг решил попытаться привлечь на сторону Германии все основные буржуазные политические партии Латвии. Он рассчитывал образовать из их представителей местное буржуазное правительство и провозгласить «независимость» Латвии. Винниг надеялся, что соответствующим подбором членов правительства и заключением с ним ряда соглашений ему удастся превратить созданное им латвийское буржуазное государство в послушную марионетку Германии.

Какую же позицию в этих условиях занимала латышская буржуазия?

Она выступала в это время за отделение Латвии от Советской России и образование буржуазного латвийского государства.

Таким образом, планы Виннига совпадали в этот период с намерениями латышской буржуазии.

Следует, однако, отметить, что стремление латышской буржуазии к выделению из состава России впервые возникло лишь после Великой Октябрьской социалистической революции. До ноября 1917 г. латышская буржуазия считала, что Латвия должна оставаться в составе России. Латышская буржуазная газета «Дзимтепес Вестпесис» писала 12 февраля 1915 г., что «каждого латыша, помышляющего о создании какого-то самостоятельного государства, «большой» или «маленькой» Латвии, надо было бы рассматривать как ненормального». Характерно в этом отношении также заявление, сделанное по поручению Ульманиса и других лидеров основной латышской буржуазной партии «Крестьянский союз»

¹ A. Winnig, Der weite Weg, Hamburg, 1932, S. 424.

еще в октябре 1917 г. будущим министром иностранных дел буржуазного правительства Латвии Мееровицем на состоявшемся в Петрограде совещании представителей латышской буржуазии. Мееровиц заявил, что «Крестьянский союз» «против независимой Латвии и за федерацию с Россией...»¹ До октября 1917 г. требования латышской буржуазии в отношении самоопределения не шли дальше требования автономии в составе России.

Позиция латышской буржуазии изменилась только после Великой Октябрьской социалистической революции в России. Она считала необходимым принять решительные меры к тому, чтобы сплотить свои силы для борьбы за сохранение в Латвии капиталистических порядков, для борьбы против установления Советской власти. 17 (30) ноября 1917 г. латышские буржуазные партии и организации, находившиеся в неоккупированной немцами части Латвии, образовали так называемый Латышский буржуазный совет, который принял 17 (30) января 1918 г. решение о необходимости отделения от Советской России и создания «независимой Латвии». Один из лидеров «Крестьянского союза» Вальтер писал впоследствии, касаясь изменений, происшедших в это время в позиции латышской буржуазии, что если раньше среди латышской буржуазии и существовала так называемая «русская ориентация», то теперь «какие-либо отношения с большевистской Россией были уже немыслимы»².

Латышская буржуазия отчетливо понимала, что ввиду явно революционного настроения латышских народных масс она без иностранной помощи не сможет ни взять власть в Латвии в свои руки, ни удержать ее. Ради сохранения своего господства над латышским народом она была готова на любое предательство национальных интересов Латвии.

Выступая на заседании Временного национального совета 17(30) ноября 1917 г., председатель бюро этого совета Гольдман сообщил, что им уже установлены связи с английскими, французскими и американскими представителями в Петрограде и что переговоры с ними сле-

¹ P. Zālīte, *Kā Latvija tapa, vai kā piepildījās tautas pašnoteikšanās ideja?*, Rīgā, 1928, 54. lpp.

² M. Walter, *Lettland, seine Entwicklung zum Staat und die baltischen Fragen*, Rom, 1923, S. 342.

дует продолжить, так как первые встречи показали, что можно рассчитывать на их поддержку. Эта поддержка означала получение подачек за предательство национальных интересов, за продажу Латвии.

Посетив 30 декабря 1917 г. шведского посла в Петрограде Брендстрема, представители Латышского буржуазного совета Гольдман и Сескис предложили шведскому правительству даже принять на себя протекторат над Латвией¹.

Однако часть латышской буржуазии считала, что требовалась гораздо более крепкая рука, чтобы держать в узде революционный латышский народ. Таких взглядов придерживались, например, члены реакционной народной партии. Лидер этой партии Вейнберг считал, что в Латвии необходимо было установить такие порядки, при которых не было бы и тени демократизма, а государственная власть безраздельно находилась бы в руках латышской буржуазии. «Но ее влияние на народные массы,— признавал Вейнберг, касаясь латышской буржуазии,— недостаточно сильно для того, чтобы она одна могла властвовать над всем народом. Если ей пришлось бы одной стоять на собственных ногах, то пролетариат быстро убрал бы ее. Свое положение... латышская буржуазия может сохранить только в том случае, если она будет опираться на сильную монархию». Поскольку самодержавия в России не стало, Вейнберг выступил за присоединение Латвии к кайзеровской Германии².

Так латышская буржуазия подыскивала надежную силу, которая помогла бы ей удержать власть над трудовым народом.

К осуществлению своих планов отторжения Латвии от Советской России латышская буржуазия приступила в ноябре 1918 г. Она опасалась, что Германия, потерпев поражение в войне, должна будет вывести свои войска из оккупированных ею районов России. Это могло привести к восстановлению в Латвии Советской власти. Чтобы воспрепятствовать такому развитию событий, латышская буржуазия решила немедленно провозгласить

¹ J. Seskis, *Latvijas valsts izcelšanās pasaules kara notikumu norisēs*, 89—90. lpp.

² «Rīgas Latviešu avīze» № 17, 21. I. 1918.

отделение Латвии от России и создать буржуазное правительство. Это правительство могло бы затем обратиться к другим государствам с просьбой о помощи в «поддержании порядка» в стране, то есть в подавлении революционного движения латышского народа.

Германская оккупационная армия в Латвии находилась в ноябре 1918 г. в состоянии сильнейшего разложения, но она все же представляла собой известную силу. Латышская буржуазия была крайне заинтересована в том, чтобы использовать ее в борьбе с народными массами. Поэтому она установила тесные связи с германскими оккупационными властями во главе с Виннигом. Германские империалисты, преследуя, разумеется, прежде всего свои собственные цели в Латвии, охотно согласились оказать латышской буржуазии военную помощь для предотвращения установления в Латвии Советской власти.

Вместе с латышской буржуазией шли на сговор с германскими империалистами также и латышские меньшевики. 17 ноября 1918 г. представители основных буржуазных партий Латвии вместе с меньшевиками образовали в Риге так называемый Народный совет, претендовавший на роль высшего органа власти в стране и в демагогических целях принявший такое название. Следует сказать, что буржуазные партии Латвии отчетливо понимали свою слабость и непопулярность среди народных масс. Они не могли забыть того факта, что на последних выборах в Латвии им удалось набрать всего около 20% голосов. Поэтому латышская буржуазия придавала огромное значение тому, чтобы привлечь к участию в Народном совете меньшевиков. Несмотря на крайнюю слабость последних, буржуазия все же надеялась придать этим Народному совету несколько более «представительный» характер.

Латышские меньшевики с готовностью пошли на сотрудничество с буржуазией в осуществлении коварных антинародных планов отделения Латвии от Советской России и в создании буржуазного латвийского государства. Буржуазные партии и меньшевики были единого мнения относительно того, что сильнейшая латышская политическая партия — партия большевиков не должна привлекаться к участию в Народном совете. А ведь за большевиками шло 72% населения Латвии! Буржуаз-

ный Народный совет, созданный для провозглашения «независимости» Латвии, был сформирован, таким образом, без учета воли почти трех четвертей населения Латвии. Он не имел поэтому никакого права выступать от имени латышского народа. Даже Винниг признавал, что «сколачивание Народного совета было целиком и полностью сделкой партий за спиной у народа. Мнение народа не спрашивали»¹.

Тем не менее 18 ноября 1918 г. Народный совет с согласия того же Виннига провозгласил «независимую» Латвию и создал буржуазное временное правительство Латвии во главе с лидером «Крестьянского союза» Ульманисом. Министром внутренних дел был назначен член той же партии Вальтер².

Народный совет принял манифест, в котором были заложены основы общественно-политических порядков буржуазной Латвии. В манифесте специально оговаривалось, что временное правительство «не имеет права изменить... существующий социальный строй»³, то есть оно должно было бороться за сохранение в Латвии капиталистических порядков. 2 декабря 1918 г. глава буржуазного правительства Ульманис выступил на заседании Народного совета с правительственной декларацией. Он заверил представителей латышской буржуазии и иностранных империалистов, что правительство сделает все возможное, чтобы сохранить капиталистические порядки в Латвии неизменными.

Латышские меньшевики в состав буржуазного правительства не вошли. Они опасались, что участие в буржуазном правительстве окончательно подорвет их и так весьма шаткие позиции. Они маскировались «оппозицией» по отношению к правительству, пытаясь втереться в доверие народных масс. Фактически же меньше-

¹ A. Winnig, Am Ausgang der deutschen Ostpolitik, S. 60.

² То, что буржуазное латвийское государство было образовано с ведома германских оккупационных властей, видно из официального обзора послевоенных боев германских войск на Востоке. В нем говорилось: «С согласия германских властей было образовано латышское национальное государство» («Die Rückführung des Ostheeres», S. 136). Командующий германскими войсками в Прибалтике Гольц писал в начале 1919 г., что правительство Ульманиса «было создано два месяца тому назад отступающими германскими властями» (R. Goltz, Meine Sendung in Finnland und im Baltikum, S. 127).

³ «Latvijas tautas padome», 1. puse, Rīgā, 1920, 6. lpp

вики безоговорочно поддерживали буржуазное правительство.

Один из лидеров латышских меньшевиков — Б. Калниньш писал впоследствии: чтобы не дать коммунистам лишнюю возможность представить их «в качестве приспешников буржуазии», меньшевики сочли тактически более целесообразным не принимать участия в правительстве¹.

Буржуазия могла положиться на латышских социал-предателей без всяких опасений, так как бороться против «своей» буржуазии они не собирались и своим врагом ее не считали. Лидер латышских меньшевиков Мендер открыто признавал: «Первый наш враг — коммунисты, на втором лишь месте немецкий барон!» Латышскую буржуазию он не упоминал среди своих врагов. Более того, латышские меньшевики были готовы на заключение с ней союза в борьбе против большевиков. Они не отказывались в этой борьбе даже от союза с германскими империалистами и немецкими баронами. Латышские меньшевики действительно объединились с местной буржуазией и германскими империалистами и «начали,— как признает Б. Калниньш,— энергичную борьбу с коммунистами»².

Латышская буржуазия, учитывая собственную слабость, была, со своей стороны, чрезвычайно заинтересована в сотрудничестве с меньшевиками. Она считала, что меньшевики могут принести ей огромную пользу.

В. И. Ленин писал: «Практически доказано, что деятели внутри рабочего движения, принадлежащие к оппортунистическому направлению,— лучшие защитники буржуазии, чем сами буржуа. Без их руководства рабочими буржуазия не смогла бы держаться»³.

Латышские социал-предатели играли, таким образом, важнейшую роль в сохранении в Латвии буржуазных порядков и в подавлении революционных стремлений латышского пролетариата. Они вступили тайно, за спиной у народа в союз с буржуазией, чтобы попытаться совместными усилиями укрепить в Латвии буржуазные порядки. Были распределены и роли: буржуазия

¹ В. Калниньш, *Latvijas socialdemokratijas piecdesmit gadi*, Stockholm, 1956, 198. lpp.

² Там же.

³ В. И. Ленин, *Соч.*, т. 31, стр. 206.

должна была действовать кнутом, а меньшевики обманывать народ демагогическими фразами. В результате совместных усилий буржуазии и ее агентуры в рабочем классе — меньшевиков и было провозглашено латвийское буржуазное государство.

Чтобы укрепить позиции латышских меньшевиков, Винниг выпустил из тюрем всех их сторонников, арестованных в годы войны германскими оккупационными властями в Латвии за политическую деятельность. Когда же Винниг обратился к меньшевикам за советом о том, освобождать ли арестованных большевиков, латышские социал-предатели посоветовали ему «оставить их лучше и впредь за решеткой»¹.

Ввиду такой предательской политики, проводившейся меньшевиками, не удивительно, что Виннигу удалось сговориться с ними без особого труда. Лидер латышских меньшевиков Мендер был, как писал Винниг, «искренним сторонником прогерманской политики»².

Винниг сговорился, таким образом, и с представителями латышской буржуазии, которые образовали временное правительство, и с лидерами меньшевиков. Он был убежден, что его коварные планы начинают осуществляться.

Однако Винниг несколько переоценил «дружбу» Ульманиса, Вальтера и других лидеров «Крестьянского союза» по отношению к Германии. С самого начала первой мировой войны и вплоть до октября 1917 г. латышская буржуазия энергично призывала народ к борьбе с германскими империалистами. Именно под этим лозунгом ею создавались и латышские стрелковые полки. Латышской буржуазии было теперь нелегко изменить свою позицию и пойти на сговор с германскими империалистами, который окончательно подрывал ее позиции в народе. Поэтому большинство латышских буржуазных партий гораздо охотнее прибегло бы в борьбе против собственного народа к помощи стран Антанты. Но последние не имели в Прибалтике своих вооруженных сил. В этих условиях перед латышской буржуазией стояла дилемма: примириться с восстановлением в Латвии Советской власти после ухода германских войск или

¹ А. Winnig, Am Ausgang der deutschen Ostpolitik, S. 12.

² Там же, стр. 38.

пойти на сговор с германскими империалистами. Латышская буржуазия решила на союз с теми самыми германскими империалистами, против которых она выступала в период 1914—1917 гг.

В. И. Ленин писал: «когда... дело доходит до частной собственности капиталистов и помещиков, они забывают все свои фразы о любви к отечеству и независимости... Когда дело касается до классовых прибылей, буржуазия продает родину и вступает в торгашеские сделки против своего народа с какими угодно чужеземцами... Таков закон классовых интересов, классовой политики буржуазии во все времена и во всех странах»¹.

Латвийское буржуазное правительство было создано, таким образом, в результате сговора латышской буржуазии с иностранными интервентами. С волей самого латышского народа никто из них при этом не считался. А подавляющее большинство народа резко возражало против отделения от России и создания «независимой» буржуазной Латвии. Народные массы относились к временному буржуазному правительству, держащемуся у власти лишь при помощи иностранных штыков, открыто враждебно. Это вынуждена была признать и латышская буржуазия. Так, буржуазная газета «Яунайс Лайкс» писала, что «фактическое положение вещей ясно показывает, что за нашим временным правительством народные массы не стоят, что в этот ужасный момент временное правительство стоит одно, без масс»².

К аналогичным выводам пришли также представители стран Антанты, побывавшие в это время в Латвии, в том числе английский адмирал Синклер. В донесении американского поверенного в делах в Дании Осборна госдепартаменту США от 7 января 1919 г. говорилось о секретных докладах Синклера английскому правительству: «Он рисует полнейшую неспособность временных правительств Эстонии и Латвии справиться с создавшимся кризисом. Население относится к правительствам безучастно...»³

Правительство Ульманиса держалось лишь на немецких штыках, и вся фактическая власть в стране нахо-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 9.

² «Jaunais Laiks», 30.XII.1918.

³ «Foreign Relations of the U. S., 1919, Russia», p. 666.

дилась в руках не временного правительства, а германских оккупационных властей. Винниг мог продолжать вывоз из Латвии запасов хлеба, мяса, жиров, одежды и обуви¹, хотя в них крайне нуждалось местное население.

Бесправное и зависимое положение правительства Ульманиса еще больше усугублялось тем, что оно, лишенное поддержки народа, не имело своих собственных денежных средств и находилось на полном содержании у германских оккупационных властей. Сохранились расписки, которые свидетельствуют о том, что германские власти регулярно выплачивали Ульманису субсидии. Согласно этим распискам, Ульманис 17 и 23 декабря и 4 января получал от Виннига на содержание государственного аппарата ссуды по полмиллиона марок каждую². «Латвия жила,— писал Винниг,— под защитой германских штыков, на германские деньги и германском хлебе»³.

Таким образом, буржуазное латвийское государство, созданное при прямом участии иностранных интервентов, с первого же дня своего существования оказалось в полной зависимости от них. Ненавистное народу буржуазное правительство могло существовать лишь под прямой защитой германских войск.

К ноябрю 1918 г. в Прибалтике находилось большое количество германских солдат. По официальным данным, 8-я германская армия, размещенная в Эстонии и Латвии, насчитывала в своем составе 6 пехотных дивизий, 1 кавалерийскую бригаду и 9 отдельных полков⁴. Однако после получения сведений о революции в Германии и заключения перемирия с Антантой германская Восточная армия уже не была боеспособной. Германское правительство, правда, требовало, чтобы войска оставались на занимаемых ими позициях, но солдаты отказывались повиноваться. В войсках начались волнения. С офицеров солдаты срывали погоны, а самых ненавистных из них убивали. Избирались солдатские советы, имелись случаи захвата советами власти в отдель-

¹ A. Winnig, Am Ausgang der deutschen Ostpolitik, S. 81.

² ИДА, ф. 70, д. 18, л. 4—6.

³ A. Winnig, Am Ausgang der deutschen Ostpolitik, S. 77.

⁴ «Die Rückführung des Ostheeres», S. 130.

ных воинских частях. Солдаты требовали немедленной отправки их домой¹.

Военный министр Германии Носке дал следующую характеристику состояния 8-й армии: «8-я армия, состоявшая в основном из запасных старших возрастов, была совершенно деморализована. Многие части заявили о самороспуске и добились отправки их домой»². Майор Франц, бывший в ноябре 1918 г. начальником штаба 8-й армии, признавал, что настоящей причиной такого состояния войск было «разложение армии социалистической заразой, революцией»³.

При наличии подобного настроения германских солдат страны Антанты, равно как и латышская буржуазия, не могли особенно рассчитывать на длительное сохранение германских войск в Прибалтике и на использование их для борьбы против Советской России. Поэтому перед иностранными интервентами и латышской буржуазией встал вопрос о создании в Латвии новых боеспособных войск, которые могли бы заменить отступавшие германские части. Было принято решение о создании в Латвии ландесвера, который должен был формироваться из сыновей местных немецких баронов, латышской городской и сельской буржуазии, а также из находившихся в Латвии русских белогвардейцев.

7 декабря 1918 г. между правительством Ульманиса и Виннигом было заключено по этому вопросу специальное соглашение. В нем предусматривалось, что ландесвер должен состоять из 18 латышских, 7 немецких и 1 русской роты и насчитывать 6 тыс. человек. Германские оккупационные власти обязались предоставить латвийскому правительству в кредит необходимое ландесверу вооружение и обмундирование, а также денежные средства⁴.

Ландесвер мог получить вооружение и обмундирование в любом количестве. Основная проблема заключалась в проведении мобилизации солдат и офицеров. Временное правительство решило начать с набора командного состава. В этих целях 17—20 декабря 1918 г.

¹ «Отечественная война против германских оккупантов в 1918 году». Сборник документов, М., 1941, стр. 38, 41—42.

² G. Noske, Von Kiel bis Kapp, Berlin, 1920, S. 175.

³ «Tägliche Rundschau» № 474, 25.IX.1919.

⁴ ИДА, ф. 38а, д. 27, л. 2—7.

в Риге была объявлена мобилизация офицерского и сержантского состава. Ульманис надеялся, что офицеры и сержанты — воспитанники реакционной царской армии — с готовностью станут на сторону буржуазного правительства. Однако эти надежды не оправдались. По мобилизации явилось только 300 человек¹. Для создания намеченных 18 латышских рот необходимо было объявить всеобщую мобилизацию. Но на это Ульманис не решился. Он опасался, что созданные таким путем войска могут выступить против него самого.

Взгляды латвийского буржуазного правительства по этому вопросу были изложены министром внутренних дел Вальтером. Отвечая на сделанное ему предложение о проведении всеобщей мобилизации, Вальтер был вынужден признать, что «это невозможно», так как народ, в особенности молодежь, являются сторонниками большевиков². Министр обороны Залит также не мог не признать в одном из своих выступлений на заседании правительства, что «латышский народ настроен резко большевистски, что не позволяет создать надежную армию»³. Министр торговли и промышленности С. Паэгле равным образом признавал, что намеченная в Рижском уезде и в самой Риге всеобщая мобилизация отпала, ибо «массы были тут уже слишком сагитированы против нового национального независимого строя — в пользу большевизма»⁴.

Опасаясь всеобщей мобилизации, буржуазное правительство Латвии принялось за вербовку добровольцев. Но и тут результаты оказались весьма плачевными. С трудом удалось сформировать в Риге до конца 1918 г. несколько рот общей численностью около тысячи солдат и офицеров. Медленно шло также сколачивание немецких и русских частей. В немецкие части ландсвера удалось набрать к концу 1918 г. лишь около тысячи добровольцев⁵. Формированием в Риге русских белогвардейских войск занимался с ноября 1918 г. полковник Родзянко, но, убедившись в безнадежности

¹ P. Bērziņš, *Latvijas brīvības cīņas, 1918—1920, Rīgā, 1928, 11. lpp.*

² P. Zālīte, *Vācu varas pastari Latvijā, Rīgā, 1925, 39. lpp.*

³ «Cīņa» №148, 24.VI. 1952.

⁴ Sp. Paegle, *Kā Latvijas valsts tapa, 236. lpp.*

⁵ P. Bērziņš, *Latvijas brīvības cīņas, 6.—7. lpp.*

этого дела, он перебрался в конце декабря 1918 г. в Эстонию.

Созданные в Риге латышские части были снабжены германскими властями необходимым вооружением и снаряжением. Кроме того, правительство Ульманиса систематически получало от германских оккупационных властей деньги на содержание этих частей и выплату жалования их личному составу. Из сохранившихся расписок видно, что в ноябре и декабре 1918 г. и в начале января 1919 г. Ульманис получил от германских оккупационных властей на содержание войск (помимо указанных выше сумм, переданных ему для нужд самого правительства) 2250 тыс. марок (22 ноября 1918 г.— 200 тыс. марок, 10 декабря 1918 г.— 500 тыс., 19 декабря 1918 г.— 500 тыс., 20 декабря 1918 г.— 50 тыс., 30 декабря 1918 г.— 500 тыс., 2 января 1919 г.— 500 тыс.)¹.

Правительство Ульманиса не ограничилось, однако, помощью со стороны Германии, тем более, что германская защита оказалась недостаточно надежной. Оно решило обратиться за помощью также к странам Антанты. Ульманис предпринял 4 декабря 1918 г. поездку в Таллин, чтобы установить там связи с англичанами. 6 декабря 1918 г. он направил командующему английскими военно-морскими силами на Балтийском море письмо с просьбой о помощи. Ульманис указывал в этом письме, что германские войска находятся в стадии разложения, а само временное правительство не имеет совершенно никаких вооруженных сил.

В связи с этим Ульманис просил прислать в Латвию союзные сухопутные и военно-морские силы, а также военные материалы².

Одновременно Ульманис решил обратиться за помощью также к США. В этих целях он отправился из Таллина в Гельсингфорс, где передал свою просьбу представителям американского правительства. Кроме того, председатель Народного совета Чаксте поехал в Стокгольм. Из донесения американского посланника в Швеции Морриса государственному секретарю США от 18 декабря 1918 г. видно, что представители латвийско-

¹ ИДА, ф. 70, д. 18, л. 7—12.

² ИДА, ф. 38а, д. 12, л. 39.

го правительства обратились к нему с просьбой разместить в латвийских портах — Риге, Лиепае и Вентспилсе — военные корабли стран Антанты, а также предоставить Латвии вооружение и боеприпасы¹.

Английские и американские империалисты сразу же поспешили на помощь латвийской буржуазии. Необходимые приготовления были сделаны ими заблаговременно. Так, 20 ноября 1918 г. у помощника министра иностранных дел Англии Сесия состоялось специальное совещание, на котором были разработаны подробные планы интервенции в Латвии и Эстонии. Представители английского правительства дали обещание помочь Ульманису деньгами, вооружением, продовольствием, а также обувью и одеждой.

28 ноября 1918 г. в Балтийское море прибыла крупная английская военно-морская эскадра, насчитывавшая свыше 20 кораблей². В состав эскадры входили крейсера «Кардифф», «Каллипсо», «Кассандра», «Караток», девять эскадренных миноносцев и другие корабли³.

1 декабря 1918 г. эта эскадра под командованием адмирала Синклера бросила якорь на рейде Лиепайского порта. Несколько торпедных катеров вошли в Лиепайский военный порт, а часть их команд высадилась на берег.

Из Лиепай эскадра Синклера направилась в Таллин, а 17 декабря 1918 г. прибыла в Ригу. Вместе с Синклером в Ригу приехал также представитель министерства иностранных дел Англии Босенкет, бывший до войны английским консулом в Риге. 18 декабря состоялось совещание членов временного правительства Латвии с Синклером и Босенкетом. В результате совещания было опубликовано сообщение о том, что часть английской флотилии останется постоянно в Риге. Кроме того, английское правительство обещало предоставить временному правительству Латвии вооружение и другие необходимые для создания латвийской армии материалы, а также любыми другими путями поддержать его борьбу против большевиков⁴.

¹ «Foreign Relations of the U. S., 1918, Russia», v. II, p. 860—861.

² «Berliner Tageblatt» № 611, 29. XI. 1918.

³ «Deutsche Tageszeitung» № 610, 30. XI. 1918.

⁴ «Pagaidu Valdības Vēstnesis» № 2, 23. XII. 1918.

Основная часть эскадры Синклера вернулась 19 декабря 1918 г. в Лиенау, которая стала одной из основных баз английских военно-морских сил на Балтийском море. Здесь Синклер повторил свои обещания об оказании латвийской буржуазии всемерной помощи. Он заявил, что в ближайшие дни с согласия своего правительства он высадит на берег значительное количество инструкторов «для организации и обучения латвийской армии». Он обещал также снабдить ее вооружением и боеприпасами. Кроме того, Синклер заявил, что для осуществления этих целей «английская флотилия будет постоянно находиться в Лиенау»¹.

Вслед за английской флотилией в Лиенау прибыли также американские и французские военные корабли.

Были приняты первые меры также к укреплению германских войск. Началось формирование добровольческих частей из германских солдат, соглашавшихся продолжать воевать. 21 ноября 1918 г. было отдано распоряжение о создании добровольческой «железной бригады», переименованной впоследствии в «железную дивизию». Но добровольцев находилось мало.

Положение буржуазного правительства Латвии становилось с каждым днем все более критическим. В начале декабря 1918 г. красные латышские стрелковые полки перешли в стремительное наступление, чтобы освободить Латвию от германских оккупантов. Стрелки быстро приближались к Риге. Германские войска не в состоянии были оказать красным латышским стрелкам сколько-нибудь серьезное сопротивление.

22 декабря 1918 г. Ульманис был вынужден признать на заседании правительства, что существование буржуазной Латвии находится под серьезной угрозой. Одновременно Ульманис сообщил на этом заседании: командование германских войск в Прибалтике заявило ему о своем стремлении создать в Латвии боеспособные германские войска для борьбы против Красной Армии. Вместе с тем указывалось, что для усиления притока добровольцев необходимо, чтобы германским солдатам, которые будут принимать участие в борьбе против Красной Армии на территории Латвии, было предостав-

¹ «Jaunākās Ziņas» № 32, 24. XII. 1918.

лено латвийское гражданство и право на поселение в Латвии. Окончательного решения по этому вопросу, однако, принято не было. Из дебатов, развернувшихся на этом заседании, видно, что членам правительства было ясно, что согласие с предложением командования германскими войсками поставит под угрозу существование латышского буржуазного правительства. Последнее сознавало, что принятие германских солдат в латвийское гражданство и получение ими права на поселение в Латвии означало бы предоставление им значительного количества земли. Это, бесспорно, вызвало бы новую волну народного гнева, так как в земле крайне нуждалось безземельное и малоземельное крестьянство Латвии. Поэтому правительство Ульманиса решило, прежде чем согласиться на эти условия, еще раз попытаться получить помощь от союзников¹.

Ульманис немедленно передал представителю министерства иностранных дел Англии Босенкету новую просьбу своего правительства о помощи. В ответ Босенкет созвал специальное совещание, на которое были приглашены также Винниг и представитель командования германской 8-й армии. Совещание состоялось 23 декабря 1918 г. на английском крейсере «Приисес Маргарит». От командования германской 8-й армии на совещании присутствовал начальник штаба армии подполковник Бюркнер. Английские представители заявили на совещании, что на основании соглашения о перемирии они выдвигают следующие требования: германское правительство должно сохранить в Прибалтике достаточное количество вооруженных сил, чтобы удерживать занимаемые ими позиции, в том числе города Валку, Валмиеру, Цесис, Крустпилс, Бауску и Елгаву; если какой-нибудь район, занимаемый в настоящее время германскими войсками, окажется утраченным, то он должен быть ими снова занят; германское командование должно передать английским представителям сведения о дислокации своих войск и предоставить им возможность контроля за выполнением предъявленных требований. При этом они пригрозили, что если их требования не будут выполнены, то это повлечет за собой

¹ ИДА, ф. 38а, д. 1, л. 23—24.

весьма серьезные последствия для Германии при заключении мирного договора¹.

Латвийское буржуазное правительство обратилось еще раз за помощью к Соединенным Штатам Америки. 27 декабря 1918 г. министр иностранных дел Мееровиц направил Вильсону специальное послание с просьбой о помощи. Это было открытое приглашение иностранных интервентов в Латвию. В телеграмме говорилось, что США должны принять участие в военной интервенции в Латвии, чтобы иметь свободный доступ в порты Прибалтики, локализовать большевистскую опасность и создать «санитарный кордон»².

Положение буржуазного правительства Латвии оставалось тем временем по-прежнему критическим. Обещанной Антантой быстрой и решительной помощи оно не получило. Правительство Ульманиса решило пойти на новое предательство интересов латышского народа, согласившись на выдвинутые германскими войсками условия оказания «помощи» буржуазной Латвии. Оно предоставило германским войскам право на поселение в Латвии.

Опасаясь, что предоставление прав гражданства и земельных участков германским солдатам может вызвать бурю негодования трудящихся масс против него и его правительства, Ульманис решил хотя бы частично возложить ответственность за эти действия на весь Народный совет. Вопрос о заключении договора с уполномоченным германского правительства был поставлен им на обсуждение межфракционного бюро Народного совета. Межфракционное бюро одобрило заключение договора. Весьма энергично поддерживали планы привлечения германских добровольцев для борьбы против Советской власти латышские меньшевики, в который раз предавая интересы трудового народа страны. Согласно решению межфракционного бюро добровольцы должны были получить право на латвийское гражданство. Межфракционное бюро поручило временному правительству заключить с германскими военными властями договор по этому вопросу³.

¹ «Rote Fahne» № 1, 1.1.1919.

² ИДА, ф. 38а, д. 4, л. 141.

³ *Sp. Paegle*, Kā Latvijas valsts tapa, 236. lpp.

29 декабря 1918 г. между правительством Ульманиса и Виннигом, назначенным 26 декабря 1918 г. германским послом в Латвии, был заключен соответствующий договор. В первом пункте договора указывалось: «Временное правительство Латвии заявляет о своей готовности предоставить всем иностранным военным служащим, которые по крайней мере в течение 4 недель примут участие в рядах добровольческих войск в борьбе за освобождение территории Латвии от большевиков, по их просьбе полные права латвийского гражданства»¹.

Подписанием этого договора был совершен новый акт прямого предательства латышской буржуазией интересов всего латышского народа. В целях защиты своих классовых привилегий латышская буржуазия заключила явно антинациональный военный союз со злейшими врагами латышского народа — германскими империалистами.

В Германии в это время началась энергичная вербовка добровольцев. Было создано специальное вербовочное бюро «Балтенланд», работавшее в тесной связи с военным министерством Германии.

В Риге контрреволюция вела лихорадочную подготовку к предстоящим боям. Были приняты поспешные меры к тому, чтобы положить конец отступлению германских войск и укрепить их боеспособность. Тогда же прибыли крупные части английских моряков. Рисуя положение в Риге в эти дни, член правительства Ульманиса С. Паэгле писал: «Вооруженные английские матросы и офицеры целыми полками шагали по рижским улицам, а командование английским флотом, представители местных германских властей и штаба латвийской армии обсуждали планы обороны Риги. Договорились, что часть матросов английской эскадры совместно с отделениями латышских солдат будут защищать западную часть Риги, в то время как германские войска вместе с ландесвером будут оборонять восточную часть Риги. Кроме того, английская эскадра обязалась участвовать в обороне Риги своей артиллерией»².

Так недавние враги — английские и германские империалисты — готовились вместе с немногочисленными белолатышскими частями к совместным действиям против латышских красных стрелков, приближавшихся к Риге.

¹ ИДА, ф. 38а, д. 27, л. 10.

² *Sp. Paegle, Kā Latvijas valsts tapa*, 236.—237. lpp.

Одновременно иностранные интервенты обрушивались против латышского пролетариата. Весьма энергичные меры принимались английскими и германскими интервентами в целях подавления революционного движения в Риге. В связи с открыто подготавливавшимся большевиками восстанием рижских рабочих в Риге были расклеены 29 декабря 1918 г. объявления следующего содержания: «От временного правительства.

Представитель Англии велел сегодня сообщить: части города, в которых начались бы беспорядки, будут обстреливаться из орудий английских военных кораблей»¹.

Однако никакие угрозы не могли воспрепятствовать росту революционного движения трудящихся. В ночь на 30 декабря в результате работы, проведенной большевиками в сформированных правительством Ульманиса войсках, две роты этих войск восстали. Правительство Ульманиса, не будучи в состоянии подавить это выступление собственными силами, обратилось за помощью к английским и немецким войскам. На следующий день, рано утром, части ландсвера и германских войск окружили казармы восставших и предъявили им ультиматум о сдаче. Однако восставшие отказались подчиниться. Тогда англичане начали обстрел казарм артиллерией своих военных кораблей. Латышские солдаты вынуждены были сдаться, из 191 арестованного 10 были расстреляны.

Так английские и германские империалисты помогали латышской буржуазии топить в крови революционное движение латышского народа, боровшегося за свержение ига своей и иностранной буржуазии и установление в Латвии Советской власти. Они грубо вмешивались во внутренние дела латышского народа, с оружием в руках пытались установить над ним власть ненавистного ему буржуазного правительства. Германские и английские империалисты направили свои войска против красных латышских стрелков, начавших освобождение Латвии. Они обстреливали из орудий военных кораблей рижских рабочих, поднявшихся на борьбу против своих угнетателей. Кровью латышского трудового народа залили интервенты землю Латвии.

¹ «Jaunākās Ziņas» № 36, 31.XII. 1918.

3. Восстановление в Латвии Советской власти

Поражение Германии в войне и разразившаяся там революция непосредственно отразились на положении в Прибалтике.

Советское государство получило возможность аннулировать навязанный ему германскими империалистами грабительский Брест-Литовский мирный договор. 13 ноября 1918 г. ВЦИК принял специальное постановление по этому вопросу, в котором говорилось: «Всероссийский ЦИК сим торжественно заявляет, что условия мира с Германией, подписанные в Бресте 3 марта 1918 года, лишлись силы и значения. Брест-Литовский договор (равно и Дополнительное соглашение, подписанное в Берлине 27 августа и ратифицированное ВЦИК 6 сентября 1918 г.) в целом и во всех пунктах объявляется уничтоженным». В постановлении провозглашалось, что трудящиеся массы России, Лифляндии, Эстляндии, Польши, Литвы, Украины, Финляндии, Крыма и Кавказа «призваны ныне сами решать свою судьбу...

Приветствуя население всех областей, освобожденных от ига германского империализма, Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика зовет трудящиеся массы этих областей к братскому союзу с рабочими и крестьянами России и обещает им полную, до конца идущую поддержку в их борьбе за установление на их землях социалистической власти рабочих и крестьян»¹.

По получении сведений о начале революции в Германии центральное бюро финляндской, эстонской, латвийской, литовской, украинской, белорусской и польской компартий обратилось к народам оккупированных германскими войсками областей с призывом к немедленному восстанию, к созданию Советов и организации Красной гвардии².

Революционное движение в Латвии сразу же приняло весьма широкий размах. Нелегальная типография большевиков «Спартак» выпустила листовку «Всем трудящимся», призывавшую рабочих быть готовыми по первому

¹ «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 565—567.

² См. «Правда» № 248, 16 ноября 1918 г.

зову партии подняться на борьбу против германских оккупантов¹.

Уже 12 ноября 1918 г. большевики созвали в Валке массовое собрание рабочих, которое приняло решение немедленно приступить к восстановлению Советской власти. На собрании был избран организационный комитет по подготовке и проведению выборов в Совет рабочих депутатов.

В Риге 17 ноября 1918 г. большевики организовали массовое собрание рабочих, на котором присутствовало около 5 тыс. человек. На собрании была принята резолюция с требованием перехода всей власти в руки Советов. На следующий день, 18 ноября 1918 г., когда латышская буржуазия провозглашала «независимую Латвию», в Риге было проведено уже несколько массовых собраний рабочих, организованных Рижским комитетом большевиков. Был создан организационный комитет по выборам Рижского Совета рабочих депутатов.

18—19 ноября 1918 г. в Риге нелегально была проведена XVII конференция СДЛК. Основными вопросами, обсуждавшимися на конференции, были: 1) о текущем моменте и задачах партии и 2) о вооруженном восстании.

В решении о текущем моменте и задачах партии, принятом конференцией, говорилось, что «англо-американский империализм желает помешать присоединению к России оккупированных Германией областей (Украины, Прибалтики, Литвы и т. д.). Высадкой десантов в Черном и Балтийском морях он спешит на помощь буржуазии оккупированных областей, чтобы заменить немецко-австрийские войска своими войсками и, таким образом, окружить социалистическую Россию со всех сторон. Это означало бы не только сохранение оккупационной власти и дальнейшее порабощение рабочего класса в Прибалтике, на Украине и т. д., но и тяжелый удар по революции в России и Германии». Поэтому пролетариат оккупированных областей, говорилось в резолюции, должен объединить все свои силы для того, чтобы свергнуть при помощи вооруженного восстания оккупационный режим и господство местной буржуазии, взять власть в свои ру-

¹ Архив Института истории партии при ЦК КП Латвии, ф. 35, оп. 38, д. 12.

ки и объединиться с социалистической Россией до того, пока не прибыли банды англо-американских империалистов.

В резолюции указывалось, что необходимо привлечь германские войска на свою сторону или по крайней мере нейтрализовать их; поднять на активную борьбу под руководством партии самые широкие массы народа; немедленно начать восстановление Советов рабочих и безземельных крестьян; разоружить полицию, жандармов и белогвардейцев; немедленно вооружить рабочих, освободить политических заключенных; вести беспощадную борьбу с центром контрреволюции — Народным советом¹.

Решения XVII конференции СДЛК имели огромное значение для мобилизации сил латышского городского и сельского пролетариата на изгнание из страны германских оккупантов, свержение господства латышской буржуазии и установление в Латвии Советской власти. После конференции революционное движение латышского пролетариата развернулось с еще большей силой.

Сразу же после конференции был создан Военно-революционный комитет Латвии, на который были возложены подготовка и практическое осуществление вооруженного восстания. Возглавляли ВРК члены Центрального Комитета партии Я. Шильф (Яунзем) и Я. Зуковский (Теодор).

В течение нескольких дней военно-революционные комитеты были созданы также в Валке, Гулбене, Валмиере, Цесисе и других местах. В городах и селах Латвии начали создаваться и восстанавливаться Советы депутатов рабочих и безземельных крестьян. В Риге 24 ноября состоялось большое собрание рабочих, которое решительно протестовало против попыток латышской буржуазии сговориться с иностранными империалистами. 1 декабря 1918 г. там состоялся ряд массовых собраний рабочих, на которых избирались депутаты в состав Рижского Совета. Одновременно в городе была проведена демонстрация. Основными лозунгами демонстрантов были: «Долой власть оккупантов!», «Вся власть рабочим Советам!»

По просьбе буржуазного правительства Ульманиса германские войска произвели нападение на демонстрантов и участников собраний. Германскими войсками было разогнано также созванное 1 декабря 1918 г. первое

¹ «L. K. P. 25 gadi», Maskavā, 1929, 433.—434. lpp.

заседание Рижского Совета рабочих депутатов. В городе производились массовые аресты.

Нелегальная типография «Спартак» выпустила специальную листовку под названием «Рабочие, будьте бдительны», посвященную событиям 1 декабря 1918 г. В листовке говорилось: «Первого декабря было положено начало террористическому курсу нового правительства... Уже целую неделю национальная полиция хватается на улицах рабочих, задерживает прохожих, окружает и обыскивает целые улицы, но безрезультатно. Бурю сетями не поймать. Можете буйствовать сколько вам угодно, рижских рабочих вам не разоружить! Бодрее к работе! Не далек тот час, когда оружия угнетения будут обращены против угнетателей»¹.

10 декабря 1918 г. Рижский Совет, в который было избрано 140 депутатов, нелегально собрался на новое заседание. Был избран Исполнительный комитет Рижского Совета во главе с прежним председателем Совета Р. Эндрупом.

Бурно развивалось революционное движение также в другом крупнейшем городе Латвии — Лиенае. Немаловажное значение имел при этом тот факт, что вслед за восстанием германских моряков в Киле произошло восстание на германских военных кораблях в Лиенае. На кораблях были подняты красные флаги, офицеры были разоружены и лишены власти². Революция охватила также германские сухопутные войска в Лиенае. 11 ноября состоялось собрание германских солдат, избравшее солдатский совет³.

Активно выступил лиенайский пролетариат. 15 ноября 1918 г. в Лиенае был образован Совет рабочих депутатов. 6 декабря 1918 г. в городе по инициативе портовых рабочих и железнодорожников была проведена однодневная всеобщая забастовка, происходили массовые демонстрации и митинги, в которых участвовало свыше 10 тыс. человек. Лиенайские рабочие принимали на митингах резолюции протеста против разгона 1 декабря Рижского Совета рабочих депутатов. Они требовали вывода германских войск и установления Советской власти. Герман-

¹ Архив Института истории партии при ЦК КП Латвии, ф. 38, оп. 33, д. 11.

² A. Winnig, Der weite Weg, S. 430—431.

³ A. Winnig, Am Ausgang der deutschen Ostpolitik, S. 32—33.

скому правительству была послана телеграмма, содержащая протест против вывоза оккупационными властями из Латвии запасов продовольствия, равно как и требование о немедленном выводе немецких войск.

Германские оккупационные власти в Лиепае, встревоженные все возрастающим размахом революционного движения, решили последовать примеру своих рижских коллег. 10 декабря 1918 г. было произведено вооруженное нападение на лиепайских рабочих, собравшихся на очередной митинг. По рабочим был открыт огонь, 4 человека были убиты, десятки ранены. Еще больший размах получили аресты рабочих¹.

Если в течение первых двух-трех недель после революции в Германии революционное движение в Латвии могло развиваться относительно свободно и кое-где большевики даже вышли из подполья, то с первых чисел декабря 1918 г. положение снова резко ухудшилось. Кровавые репрессии германских оккупационных властей в Риге, Лиепае и других местах, возглавлявшиеся социал-демократом Виннигом, опять загнали латышских большевиков в подполье. Однако это не могло сорвать подготовку к вооруженному восстанию. Располагая крепкими подпольными организациями и опираясь на поддержку подавляющего большинства трудящегося населения страны, большевики уверенно готовились к решающим боям.

Повсюду созывались митинги и собрания трудящихся, избирались Советы, формировались вооруженные дружины, в ряде мест (в Айзпутском и Кулдигском уездах) уже 11 ноября произошли восстания. Отряды рабочих, организованные большевиками, разоружали латышских белогвардейцев, захватывали железнодорожные станции, телеграф и другие важные опорные пункты. Некоторые отряды, организованные латышскими большевиками (в Руене, Мазсалаце), были настолько крупными и сильными, что совершали даже открытые нападения на германские войска.

На помощь латышскому пролетариату, боровшемуся в тылу у германских войск, спешили из Советской России красные латышские стрелки.

Латышские стрелки представляли собой в это время довольно крупную силу. В феврале 1918 г. они были вынуждены покинуть территорию Латвии. Однако стрел-

¹ «Большевик Советской Латвии» № 23, 1948, стр. 47.

ковые части не утратили своей боеспособности и могли быть использованы Советским правительством для борьбы с контрреволюцией, как преданные большевикам, дисциплинированные и обладавшие большим боевым опытом войска: в 1918 г. они принимали участие в подавлении восстания левых эсеров в Москве и других местах, боролись против Каледина, белополяков, Краснова, американских, английских и других интервентов.

13 апреля 1918 г. части латышских стрелков были объединены в латышскую стрелковую дивизию, командующим которой был назначен командир 5-го латышского стрелкового полка Я. Вацетис. После аннулирования Брест-Литовского договора латышские стрелки стали сосредотачиваться у границ Латвии. В начале декабря 1918 г. они перешли в стремительное наступление против германских войск. 9 декабря был освобожден Даугавпилс, 18 декабря — Валка.

Повсеместно население страны оказывало помощь красным латышским стрелкам. При их приближении трудящиеся, руководимые большевиками, поднимали восстания против оккупантов и брали власть в свои руки. Восстания произошли в Валмиере, Цесисе и в других местах.

14 декабря 1918 г. было образовано Советское правительство Латвии во главе с П. И. Стучкой¹. 17 декабря 1918 г. оно выпустило манифест, в котором провозглашалось восстановление в Латвии Советской власти. В манифесте возвещалось об отмене частной собственности на землю, о введении 8-часового рабочего дня. Было предусмотрено удовлетворение также ряда других насущных требований трудящихся.

В заключение в манифесте говорилось: «Мы сознаем, что на этом трудном пути и в этой тяжелой борьбе мы не одни, за нами стоит *Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика, с которой и впредь мы останемся тесно связанными...* (подчеркнуто мной.— В. С.)»².

¹ П. И. Стучка—видный деятель Коммунистической партии Латвии (в 1904 г.). На VIII и IX съездах РКП(б) избирался в состав ЦК РКП(б). В ноябре 1917 г. был назначен народным комиссаром юстиции Советской России, с 1923 г. до смерти (1932 г.) — председатель Верховного Суда РСФСР. П. И. Стучка — автор многочисленных работ по вопросам советского права.

² П. Стучка, Пять месяцев Социалистической Советской Латвии, ч. II, Псков, 1921, стр. 7.

Латышский народ мог надеяться на успех в борьбе за Советскую власть только в тесном союзе с народами других братских советских республик, и прежде всего с русским народом.

Отношения латышского народа с другими народами Советской страны строились на принципах дружбы, равенства и взаимной помощи. В основе их лежала ленинская национальная политика, безоговорочное признание за каждым народом полного права на национальное самоопределение вплоть до выделения из состава России и образования собственного государства. В. И. Ленин неоднократно указывал, что только беспрекословное признание этого принципа может послужить действительно прочной базой для настоящего, основанного на полном доверии союза между народами бывшей Российской империи.

Осуществление этого принципа получило свое выражение в признании 22 декабря 1918 г. Советом Народных Комиссаров РСФСР независимости Советской Латвии.

24 декабря 1918 г. это решение было утверждено ВЦИКом¹.

Создание Советского правительства Латвии было важным событием в истории революционного движения латышского пролетариата. Советское правительство стало организующим и мобиливающим центром, поднимавшим вместе с Коммунистической партией латышский народ на борьбу против иностранных интервентов и латышской буржуазии, способствовавшим быстрейшей победе Советской власти в Латвии.

Советское правительство Латвии обращалось к германскому правительству и через Советы немецких рабочих и солдатских депутатов к германскому народу, требуя прекращения зверств и террора германских оккупационных властей в Латвии, немедленного вывода из страны германских войск.

25 декабря 1918 г. Советское правительство Латвии направило Берлинскому, Гамбургскому, Мюнхенскому и другим Советам рабочих и солдат Германии телеграмму, в которой оно разоблачало зверства и хищения, чинимые германскими оккупационными войсками в Латвии, и

¹ См. «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 621—622, 627—628.

требовало принятия мер к скорейшему выводу из Латвии германских войск. В телеграмме говорилось:

«В настоящее время мы находимся накануне восстания рижских рабочих. И в это время в Риге появились немецкие солдаты, роты так называемой «железной» дивизии, вместе со сбежавшими из Лифляндии и Эстляндии немецкими землевладельцами, различными черными элементами и французско-английскими империалистами, готовясь к избиению рижских рабочих. С этой целью на башнях церквей, на крышах и других удобных местах установлены пулеметы и пушки. Если это было сделано по условиям навязанного перемирия, то заявите об этом открыто, чтобы сами солдаты знали, что они на благо англо-французскому империализму по приказанию Вильсона направляются с оружием против пролетариата Латвии». Советское правительство Латвии уверено, указывалось далее в телеграмме, что Советы рабочих депутатов Германии произведут давление на германское правительство, чтобы заставить его немедленно отозвать свои войска из Латвии¹.

1 января 1919 г. Советское правительство Латвии направило ноту английскому правительству, в которой выразило протест по поводу присутствия в Риге английских военных кораблей².

3 января 1919 г. была разослана новая телеграмма «Всем, всем!», в которой Советское правительство Латвии решительно протестовало против подавления английскими и германскими интервентами вооруженной силой восстания солдат в Риге. «Не дело «демократической» Англии и революционной Германии,— говорилось в телеграмме,— обстреливать беззащитные рабочие кварталы Риги боевыми снарядами... Неужели германский и английский рабочий народ не поднимет свой голос протеста против подобных безобразий?»³

Тем временем успешно продолжалось наступление красных латышских стрелков. К концу декабря 1918 г. ими была освобождена уже половина территории Латвии. Стрелки приближались к Риге. Крупные силы германских

¹ См. П. Стучка, Пять месяцев Социалистической Советской Латвии, ч. II, стр. 15—16.

² См. «Документы внешней политики СССР», т. II, М., 1959, стр. 10—11.

³ Там же, стр. 13—14.

войск заняли укрепленные позиции севернее Риги, созданные ими еще осенью 1917 г. В новогоднюю ночь латышские стрелки начали штурм этих позиций. 1 января 1919 г. немецкие войска, занимавшие эти позиции, были разбиты, и стрелки продолжали продвижение к Риге.

В эти дни рижский пролетариат заканчивал последние приготовления к вооруженному восстанию. Господству иностранных интервентов и латышской буржуазии в Риге приближался неминуемый конец. Буржуазное правительство Латвии поспешно скрылось из Риги и переехало в Елгаву, а затем в Лиепаяю. Покинула Рижский порт также английская военно-морская эскадра.

Восстание рижских рабочих, организованное и возглавленное большевиками, началось 2 января 1919 г. В ночь на 3 января восставшие заняли центр города, железнодорожный вокзал, почту и другие важные пункты. К утру 3 января в их руках находились также мосты через Даугаву. У вокзала, русского театра, мостов и в ряде других мест произошли упорные и кровопролитные бои.

Командующий английской военно-морской эскадрой в Риге адмирал Синклер с глубокой досадой сообщал в Лондон, что «к восставшим присоединилось некоторое количество латышей из войск, вооруженных англичанами»¹.

3 января 1919 г. в Ригу вошли красные латышские стрелки. Частями, разгромившими немецкие войска на подступах к городу, руководил прославленный командир латышских стрелков большевик Ян Фабрициус. Рижские рабочие устроили красным стрелкам восторженную встречу. В Ригу прибыло Советское правительство Латвии. Рига стала столицей Советской Латвии.

Все более энергично поднималось на борьбу за свое освобождение также население Курляндии. 25 декабря 1918 г. в Лиепаве состоялась новая всеобщая забастовка. Главным требованием бастовавших была передача власти в руки рабочих. На вокзале собрался массовый митинг². В конце 1918 г. лиепайские большевики организовали нелегальную типографию и начали издавать газету «Коммунист». Для работы среди масс большевики создали несколько легальных организаций: кооператив «Циня»,

¹ «Foreign Relations of the U. S., 1919, Russia», p. 666.

² См. «Правда» № 283, 27 декабря 1918 г.

профсоюзы и страховые общества на крупнейших предприятиях города¹.

В последних числах декабря 1918 г. в зале Литовского общества было созвано массовое собрание лиепайских рабочих. На собрании возникли резкие разногласия между подавляющим большинством его участников, которое было настроено большевистски, и присутствовавшими на нем представителями меньшевиков по вопросу о задачах лиепайского пролетариата. Потерпев поражение, меньшевики решили обрушить против собравшихся вооруженную силу. Покинув собрание, они вызвали части германских оккупационных войск, которые разогнали присутствовавших. Несколько человек были при этом убиты и ранены².

Предательские действия меньшевиков еще раз показали их действительное лицо как прямых пособников буржуазии.

29 декабря 1918 г. в Елгаве состоялась конференция рабочих и безземельных крестьян Курляндии. На ней присутствовало около 70 делегатов от 50 волостей. На конференции был зачитан манифест Советского правительства Латвии и принято решение о том, что это правительство признается единственным законным правительством Латвии. Конференция призывала трудящихся активно поддерживать Советскую власть и всеми средствами бороться против буржуазного правительства и германских оккупационных властей. Конференция единодушно, при нескольких воздержавшихся, признала себя высшей властью в Курляндии и избрала свой исполнительный орган.

Лиепайский Совет рабочих депутатов заслушал на своем заседании 12 января 1919 г. сообщение о Елгавской конференции. Была принята предложенная большевиками резолюция. Старый, меньшевистский исполком был распущен, и вместо него избран новый, большевистский исполнительный комитет.

В начале января 1919 г. красные латышские стрелки приступили к освобождению Курляндии, томившейся под властью германских оккупантов еще с 1915 г. 9 января они освободили Елгаву, а затем важный портовый город

¹ I. Pinksis, G. Freibergs, V. Lejiņš, *Revolucionārā Liepāja, Rīgā*, 1955, 56. lpp.

² Там же, стр. 58.

на Балтийском море — Вентспилс. При приближении латышских стрелков в Елгаве, Вентспилсе и в ряде других городов Курляндии произошли вооруженные восстания рабочих.

Солдаты сформированной в Елгаве белолатышской роты, получив приказ отправиться в Лиепая, разбежались. Другая рота войск, сформированная в Тукуме, перешла на сторону местного пролетариата. Тукумские рабочие под руководством большевиков взяли власть в городе в свои руки еще до прихода красных латышских стрелков.

К середине января 1919 г. почти на всей территории Латвии была восстановлена Советская власть. В руках германских войск и Ульманиса оставался лишь небольшой плацдарм в районе Лиепай.

Столь быстрая победа Советской власти в Латвии была не случайной. Она была подготовлена всем ходом исторического развития Латвии, особенно же событиями в 1917—1918 гг. Бои за Советскую власть в Латвии в конце 1918 г.— начале 1919 г. были прямым продолжением революционных боев латышского пролетариата в дни Великой Октябрьской социалистической революции. Открытые попытки германских империалистов отторгнуть Латвию от России и присоединить ее к Германии, зверства германских оккупантов и немецко-балтийских баронов, предательство латышской буржуазии — все это еще больше обострило в течение 1918 г. классовые противоречия в Латвии, усилило ненависть трудящихся к немецким оккупантам и латышской буржуазии, революционизировало рабочих и крестьянскую бедноту. Большое значение имел также тот факт, что латышские большевики располагали такой серьезной военной силой, как красные латышские стрелки. Наконец, важнейшее значение имела поддержка латышского пролетариата Советской Россией.

4. Осуществление социалистических мероприятий в Латвии в 1919 г.

Восстановление Советской власти в Латвии в декабре 1918 г.— январе 1919 г. было крупнейшей победой латышского трудового народа. Страна была освобождена

от ига иностранных империалистов. Немецкие бароны и местная буржуазия лишились своей власти над латышским народом. Трудящиеся взяли свою судьбу в собственные руки. В стране было создано действительно народное правительство, выражавшее интересы и чаяния трудящихся. Советское правительство Латвии со всей энергией сразу же взялось за социалистическое преобразование страны.

Слом старой государственной машины на местах происходил в Латвии в конце 1918 г. гораздо быстрее и легче, чем в 1917 г. Это объяснялось тем, что органы власти, существовавшие в Латвии при немецкой оккупации, опирались фактически на голую вооруженную силу. Поэтому одновременно с отходом германских войск, как правило, распадались и созданные оккупантами местные органы власти.

Главная задача трудящихся заключалась в скорейшем создании органов своей власти — Советов. Немедленно после освобождения того или иного района проводились выборы местных Советов (волостных и уездных). Участие в выборах принимали рабочие и безземельные крестьяне. Подавляющее большинство во всех местных Советах получили большевики.

Уже через 10 дней после освобождения Риги, 13 января 1919 г., открылся I съезд Советов Латвии. На съезде присутствовало 705 делегатов, представлявших население всех городов и уездов Латвии.

Съезд открыл глава Советского правительства Латвии П. Стучка. Выступивший затем Я. М. Свердлов от имени ВЦИК горячо приветствовал латышский трудовой народ. «Товарищи,— говорил Я. М. Свердлов,— едва ли с какой-либо другой частью бывшей Российской империи связаны мы так тесно, как связаны мы с красной Латвией. Тысячи из лучших товарищей, изгнанные из Латвии полчищами германского империализма, на территории Советской России сохранили в целостности свои организованные силы и вместе с нами боролись против общего врага...

Центральный Исполнительный Комитет Советов признал самостоятельность Латвии. Но это не значит, что мы не по-прежнему близки. Мы знаем хорошо, что един-

ство, которое соединяет нас, ничем и никогда нарушено быть не может»¹.

Съезд принял ряд важнейших решений. Он утвердил манифест, изданный Советским правительством Латвии 17 декабря 1918 г., и одобрил его деятельность. Была единогласно принята Конституция Социалистической Советской Республики Латвии, в основу которой была положена Конституция РСФСР. Съезд избрал ЦИК Латвии в составе 60 члспов и 20 кандидатов. Почетными членами ЦИК Латвии были избраны В. И. Ленин, Я. М. Свердлов и главы правительств других братских советских республик. Этим латышский народ подчеркивал свои тесные узы дружбы с русским и другими народами Советской страны.

Съездом была выработана структура Советского правительства Латвии. Все комиссариаты были объединены в группы или советы. Восемь экономических комиссариатов (промышленности, земледелия и др.) образовали Совет народного хозяйства. Из Военного комиссариата, Комиссариата внутренних дел и Комиссариата юстиции был образован Совет революционной борьбы. Комиссариаты социального обеспечения, народного здравоохранения и народного просвещения образовали Совет социального обеспечения и народного просвещения.

Председателем Советского правительства Латвии и одновременно председателем Совета народного хозяйства был назначен П. Стучка, председателем Совета революционной борьбы — Я. Ленцман, председателем Совета социального обеспечения и народного просвещения — Я. Берзин, председателем Военно-революционного Совета Латвии — Ю. Данишевский.

Согласно Конституции Советской Латвии Советы создавались в каждом уезде и в каждой волости.

Съездом единогласно была принята резолюция «Об отношениях с Россией», в которой указывалось, что съезд «поручает Советскому правительству Латвии выработать основные положения о взаимных отношениях между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Латвией, исходя из единодушного мнения латышского трудового народа, что Латвия и Советская Россия должны жить в самом тесном брат-

¹ См. П. Стучка, Пять месяцев Социалистической Советской Латвии, ч. I, стр. 11—12.

ском союзе и совместно бороться против вмешательства иностранных империалистов и за всеобщую победу власти трудового народа»¹.

1—6 марта 1919 г. состоялся VI съезд Социал-демократии Латышского края. В его работе приняло участие 180 делегатов с решающим голосом, представлявших 9093 членов партии. СДЛК была переименована в Коммунистическую партию Латвии. Съезд утвердил новый устав партии. Программой партии было решено считать программу, которая будет принята на VIII съезде РКП(б), открывавшемся в Москве 18 марта 1919 г. Съезд принял решение о вхождении КПЛ в Коммунистический Интернационал.

Коммунистическая партия и Советское правительство Латвии начали свою деятельность в исключительно тяжелых условиях: страна была разорена и разграблена германскими оккупантами, огромные разрушения причинила война. Четвертая часть уездов Латвии была почти полностью опустошена. В Елгавском уезде осталось менее 20% жителей, в Баускском — 24%, в Тукумском — 28%. Было разрушено огромное количество жилых и хозяйственных помещений. Земля была изрыта траншеями, покрыта проволочными заграждениями, полна не взорвавшихся снарядов и гранат. Посевная площадь сократилась в целом по Латвии на 35—40%, а в ряде волостей в 1918 г. была засеяна лишь меньшая часть пахотной земли. Молочный скот был почти полностью истреблен, а лошади реквизированы для нужд германской армии.

Еще хуже было положение в городах, особенно в Риге. Отступая, германские власти вывезли из города все и так мизерные запасы имевшегося продовольствия. Население Риги сократилось с 517 тыс. до 212 тыс. человек. Фабрики и заводы бездействовали: не было ни сырья, ни топлива. Рабочие не имели работы, а тем самым и средств к существованию.

«Большая часть страны,— говорил В. И. Ленин о положении в Латвии в докладе на заседании пленума Моссовета,— переживала такие бедствия, о которых московские рабочие не имеют представления,— бедствия

¹ «Сіца» № 11, 21.I.1919.

нашествия и многократного опустошения деревень движущимися толпами войск»¹.

Но латышских большевиков не могли устрашить трудности. «Разумеется,— писала газета «Циня»,— трудно, очень трудно начинать хозяйничать в пустыне. Начинать на пустом месте. Но руки рабочих способны творить чудеса»².

Трудности созидательной работы усугублялись тем, что в Латвии продолжались военные действия. Чтобы заняться восстановлением народного хозяйства страны, требовалось прежде всего положить конец войне. Поэтому 8 февраля 1919 г. Советское правительство Латвии обратилось к правительствам стран Антанты и Германии с предложением о заключении мира. В телеграмме Советского правительства говорилось:

«Наше Советское Правительство, опираясь на рабочий класс, составляющий более $\frac{4}{5}$ всего не только городского, но и сельского населения, стремится к мирному созидательному труду, чтобы неустанной работой излечить раны войны, обильно нанесенные многострадальной Латвии. Поэтому оно согласно начать переговоры с любой страной о заключении любого соглашения»³.

Ответа на это обращение не последовало. Американские, английские, французские и германские империалисты не приняли мирного предложения Советской Латвии.

Но Советское правительство настойчиво продолжало борьбу за мир. Не получая ответа от правительств капиталистических стран, оно стало обращаться прямо к народам государств, участвовавших в интервенции в Латвии. Так, председатель Советского правительства Латвии П. Стучка послал ряд телеграмм правительству и трудовому народу Германии. В них выражался протест по поводу переброски в Латвию новых регулярных германских частей. «Очевидно,— писал Стучка,— германские военные власти действуют вопреки воле трудового народа...» В телеграмме указывалось, что латышский народ решительно протестует против отправки в Латвию новых германских войск и рассчитывает «на поддержку со стороны германского трудового народа»⁴.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 231.

² «Сіпа» № 2, 9.I.1919.

³ «Документы внешней политики СССР», т. II, стр. 68.

⁴ Там же, стр. 97.

Советское правительство Латвии протестовало также против германской интервенции в Латвии, применения немецкими войсками удушливых газов и т. д.

Телеграммы Советского правительства Латвии печатались в прогрессивных германских газетах и доходили таким образом до самых широких слоев германского народа. Это содействовало все большему распространению в Германии требований о выводе из Латвии германских войск и прекращении участия их в интервенции в Прибалтике.

Советскому правительству Латвии не удалось добиться прекращения интервенции. Империалисты Запада не хотели мира. Они делали все от них зависящее для подавления Советской власти в Прибалтике.

Продолжение интервенции чрезвычайно затрудняло деятельность Советского правительства Латвии в социалистическом строительстве. И все же Советская власть с величайшей энергией принялась за решение вставших перед ней важнейших задач.

Прежде всего были приняты меры к ликвидации голода, к обеспечению хлебом армии, городов и наиболее разоренных районов. 10 января 1919 г. был издан закон о продовольственном налоге. Крестьяне должны были сдать государству с гектара засеянной в 1918 г. площади по 6 пудов зерна. В каждый уезд было направлено по два представителя Комиссариата продовольствия, которые оказали уездным Советам большую помощь в организации на местах продовольственного аппарата. Осуществить декрет о 6-пудовом продовольственном налоге удалось лишь в незначительной степени, так как еще в конце 1918 г. германские оккупационные власти реквизировали у большинства крестьян весь урожай 1918 г. В то же время было выяснено, что, если у беднейших и средних крестьян хлеба действительно не было, то у серых баронов¹ имелись крупные запасы припрятанного хлеба. Поэтому было решено перейти к продразверстке, согласно которой подлежали реквизиции все излишки хлеба, имевшиеся у крестьян. При проведении продразверстки местным Советам пришлось встретиться с ожесточенным сопротивлением латышского кулачества.

¹ Серыми баронами латышский народ называл, в отличие от немецких баронов, латышское кулачество.

При активной помощи крестьянской бедноты продразверстка все же была успешно проведена. Были также конфискованы запасы продовольствия, имевшиеся у городской буржуазии, в том числе в различных буржуазных торговых объединениях, у частных лавочников и т. д.

Население большинства сельских районов было обеспечено минимально необходимым количеством хлеба до нового урожая.

Учитывая резкий недостаток продовольствия в городах, Советское правительство провело большую работу по организации его правильного распределения. 30 января была введена государственная хлебная монополия и установлена твердая государственная цена на хлеб. Хлеб распределялся через созданные рабочими кооперативы строго по карточкам. Рабочие, выполнявшие тяжелую физическую работу, и дети в возрасте от 6 до 16 лет получали максимальную норму — 300 г хлеба в день; не работавшие — четвертую часть этой нормы. Но положение с хлебом было настолько тяжелым, что иногда и эта норма выдавалась только один раз в неделю. Огромное значение в таких условиях играли созданные в Риге общественные столовые, где рижане могли ежедневно получить порцию супа. Эти столовые обслуживали в день до 185 тыс. человек, то есть подавляющее большинство населения Риги.

Положение в Риге улучшилось только в конце марта — начале апреля, когда была получена помощь от братских советских республик — России и Украины. Несмотря на то что в Москве, Петрограде и других городах России было также весьма тяжелое положение с продовольствием, Советская Россия направила в конце марта в Латвию 60 вагонов хлеба, 30 вагонов сахара, керосин, спички, табак и ткани. Из Украины было отправлено в начале апреля около 150 вагонов продовольствия. Это была братская помощь русского и украинского народов трудящимся Латвии.

12 апреля 1919 г. с Дона в Даугавпилс для латышских стрелковых полков прибыл поезд в составе 28 вагонов зерна. В специальном приказе Реввоенсовета Латвии указывалось по этому поводу: «Поезд этот прислан 9-й армией в подарок армии Советской Латвии. Храбрые солдаты 9-й армии, разгромившие донскую контрреволю-

цию, не забыли в упоении своей победы своих друзей латышских стрелков, с которыми они рука об руку дрались когда-то в районе Поворино, Алексиково, Балашево против многочисленных отрядов Краснова...»¹

В середине мая в Ригу прибыли из России и Украины новые поезда с продовольствием. С помощью других советских республик снабжение городского населения было на некоторое время налажено.

Несмотря на все трудности, создаваемые продолжавшимися военными действиями и недостатком продовольствия, Советское правительство энергично взялось за осуществление ряда важнейших мероприятий по социалистическому преобразованию общества.

В первые же дни после прихода к власти Советское правительство Латвии установило рабочий контроль над банками и всеми действовавшими предприятиями. Национализировались предприятия бежавших контрреволюционеров, постепенно проводилась национализация банков, крупных предприятий, транспорта и т. д.

Согласно декрету о национализации банков были ликвидированы все старые банки, кредитные общества и сберегательные кассы и создан единый государственный Народный банк. При национализации банков были конфискованы все крупные вклады, превышавшие 10 тыс. рублей. Интересы мелких вкладчиков полностью оберегались. Национализация банков сразу же резко ослабила позиции местной буржуазии, лишила ее возможности использовать хранившиеся в банках средства для борьбы против Советской власти. В то же время она дала в руки Советского правительства весьма важный рычаг регулирования экономики страны.

Еще больше ослабил силу буржуазии установленный Советским правительством единовременный чрезвычайный подоходный налог. Им были обложены все капиталы, а также крупное недвижимое имущество в городах и деревне. Налог подлежал уплате в течение 10 дней, причем, если он уплачивался продуктами, то его размеры снижались в 6 раз.

Управление национализированными промышленными предприятиями взял в свои руки Комиссариат промышленности. Промышленность Риги находилась к моменту

¹ «Zinotājs» № 63, 7.V.1919.

установления Советской власти в крайне тяжелом состоянии, на рижских фабриках и заводах работало всего 3 тыс. рабочих. Комиссариат промышленности при активном участии рабочих начал восстанавливать предприятия. На 21 января было объявлено собрание бывших рабочих завода «Феникс». Явилось 300 человек. На собрании было решено приступить к восстановлению завода, начав с цеха сельскохозяйственных машин и литейной. В мае на заводе работало уже 470 человек. Начали восстанавливаться и другие заводы. На Балтийском вагоностроительном заводе в мае работало уже 600 человек, на лесопильном заводе Клеменса — 370 человек и т. д. Советское правительство Латвии основное внимание уделяло восстановлению в первую очередь тех предприятий, для которых на месте имелось необходимое сырье, то есть деревообрабатывающей, бумажной, льнопрядильной, льноткацкой промышленности и т. д. Предприятия восстанавливались не только в Риге, но и в других городах Латвии. Всего к маю 1919 г. было пущено около 100 фабрик, бездействовавших во время германской оккупации. Были приняты меры к регулярному снабжению предприятий сырьем и местным топливом (дровами, торфом). В мае 1919 г. в Риге работало уже около 10 тыс. рабочих.

Рабочий класс Латвии горячо поддерживал национализацию промышленных предприятий. Он по-хозяйски отнесся к народному добру. Рабочие собирали машины из частей старых, поломанных и выброшенных на свалку станков. И на таких машинах, не имея качественного сырья, они зачастую производили продукции больше, чем до войны при капиталистических порядках производилось на исправных станках. Чрезвычайно высокой была трудовая дисциплина.

Серьезное внимание Советское правительство Латвии уделяло восстановлению транспорта и связи. Отступающие германские войска привели в негодность все железнодорожные линии, взорвали мосты, перерезали и сорвали телеграфные провода, повалили огромное количество телеграфных столбов, сняли и увезли с собой телефонные аппараты. Восстановление транспорта и связи проводилось совместными усилиями войск и гражданского населения, в связи с чем эта работа была проделана в кратчайшие сроки.

Советское правительство Латвии, сосредоточив в своих руках управление всеми ключевыми отраслями народного хозяйства и опираясь на невиданный трудовой героизм народных масс, в короткие сроки справилось с трудностями. Безработица в городах была в основном ликвидирована. Наблюдался даже недостаток квалифицированной рабочей силы. Особенно остро чувствовалась нехватка строительных рабочих, в наибольшей степени страдавших от безработицы все предыдущие годы.

Крупные революционные преобразования произошли в латвийской деревне. Земля была национализирована. Она стала общенародным достоянием. Помещичьи имения были конфискованы. Засилию немецких баронов в Латвии был положен конец. 25 апреля 1919 г. Советское правительство Латвии издало декрет об изгнании баронов с территории Латвии. Так как балтийское дворянство, говорилось в декрете, является самым реакционным классом во всем мире, который в течение веков вел почти непрерывную бесчеловечную борьбу против латышского трудового народа, «лица дворянского происхождения вместе с родственниками должны покинуть пределы Латвии на вечные времена»¹.

После восстановления Советской власти были приняты меры к недопущению хищения имущества поместий со стороны хозяев соседних хуторов. Были организованы охрана имущества имений и учет наличного инвентаря. Имущество бежавших серых баронов было конфисковано.

В имениях размером свыше 100 га, в которых имелось достаточно инвентаря для обработки такой площади, создавались совхозы. Было создано 239 совхозов. Батраки, ставшие теперь рабочими совхозов, активно включились в организацию новых хозяйств. Для рабочих совхозов был установлен в среднем 8-часовой рабочий день (60 часов в неделю летом, 48 часов — осенью и весной и 36 часов — зимой) и твердая заработная плата.

Советское правительство Латвии уделяло созданию совхозов огромное внимание.

Имения, в которых не было сельскохозяйственного инвентаря, а также покинутые хозяйства серых баронов

¹ «Padomju varas konstitucionalie akti Latvijā», 189. lpp.

сдавались в аренду за твердо установленную невысокую плату. Советское правительство оказывало посильную помощь арендаторам, не имевшим своего зерна и инвентаря для обработки земли. Среди них была распределена значительная часть хлеба и инвентаря, имевшегося в хозяйствах, покинутых серыми баронами.

Весной 1919 г. Советским правительством Латвии была проделана огромная работа по подготовке и проведению весеннего сева, от успеха которого зависело обеспечение страны продовольствием в следующем году. Заблаговременно во всех уездах были созданы мастерские по ремонту сельскохозяйственных орудий. В результате к началу посевной кампании был приведен в порядок весь необходимый инвентарь.

Районы, которые не располагали достаточным количеством семян, были снабжены ими из правительственных запасов. Семена выдавались также прежним безземельным, получившим теперь в аренду земельные участки. Советским правительством Латвии была выделена на семена часть зерна первых эшелонов, посланных Украиной. В уездах, где беднейшие крестьяне не имели картофеля для посадки, необходимые количества его реквизировались у кулачества. В рижских столовых была организована заготовка верхушек картофеля (с ростками), что дало рабочим Риги возможность засадить картофелем в пригородах значительные участки пустовавшей земли.

Посевная кампания была проведена весьма успешно.

В решении аграрного вопроса в Латвии, однако, имели место серьезные ошибки. Уделяя основное внимание созданию совхозов, латышские большевики стали фактически на путь отказа от раздела конфискованных у помещиков земель среди безземельных и малоземельных крестьян.

Наряду с проведением экономических мероприятий Советское правительство Латвии осуществило важнейшие социально-политические и культурно-просветительские преобразования.

Было организовано дело социального обеспечения на случай болезни, утраты трудоспособности, безработицы и старости, введено бесплатное медицинское обслуживание.

Значительно расширилась сеть начальных школ. Было введено всеобщее бесплатное обучение детей с 8 до 14 лет. Число учащихся в школах увеличилось с 10 тыс. в январе до 23 тыс. в мае 1919 г. Рижский политехникум был значительно расширен и преобразован в университет. Были открыты академия художеств, консерватория, рабочий театр, опера, художественный театр и многие другие культурно-просветительные учреждения. Отделом искусств руководил в Советском правительстве Латвии писатель Андрей Упит.

Церковь была отделена от государства, вводилась гражданская регистрация брака, рождения и смерти.

Важнейшее место в деятельности Советского правительства Латвии занимала работа по организации обороны. Огромное значение имело укрепление боеспособности латышских стрелковых полков. В декабре 1918 г., когда началось освобождение Латвии, в составе латышских стрелковых полков насчитывалось около 20 тыс. солдат¹. По мере продвижения красных латышских стрелковых полков по стране они пополнялись в большом количестве новыми и новыми добровольцами. Впоследствии был издан декрет об обязательной воинской повинности. Армия Советской Латвии увеличилась более чем вдвое.

На помощь регулярным частям постоянно приходили также коммунистические и рабочие отряды, сформированные большевистскими организациями прифронтовых районов.

Латышским большевикам пришлось бороться и против внутренней контрреволюции. Большинство контрреволюционеров сбежало из освобождаемых латышскими стрелками районов вместе с немецкими оккупантами. Но часть их все же осталась на освобожденной территории. Эти контрреволюционеры организовывали саботаж, совершали диверсионные акты, занимались спекуляцией. В вылавливании и разоблачении контрреволюционеров и спекулянтов огромную помощь органам власти оказывали рабочие и крестьяне. Немало передовых рабочих вступило в те дни в рабочую милицию.

¹ Часть латышских стрелков продолжала сражаться с белогвардейцами и иностранными интервентами на других фронтах.

Восстановление Советской власти в Латвии в конце 1918 г. имело огромное значение в жизни латышского народа.

События, имевшие место в Латвии в 1917—1919 гг., показали, что только Советская власть могла дать действительную свободу трудовому народу страны, обеспечить пролетариату города и деревни необходимые условия жизни и создать прочную базу дальнейшего неуклонного улучшения их материального благосостояния и культурного роста.

Важное историческое значение борьбы латышского трудового народа за Советскую власть против иностранных интервентов в 1919 г. заключается также в том, что в союзе с другими народами России он внес свой вклад в дело защиты центральных районов Советской России от иностранных интервентов. Своей героической борьбой латышский пролетариат сыграл большую роль в срыве вынашивавшихся иностранными интервентами планов превращения Прибалтики в плацдарм для наступления на центральные районы России.

ИНОСТРАННЫЕ ИНТЕРВЕНТЫ — ДУШИТЕЛИ СВОБОДЫ И НЕЗАВИСИМОСТИ ЛАТЫШСКОГО НАРОДА

(Январь — июнь 1919 г.)

1. Разработка планов интервенции в Латвии на Парижской мирной конференции

Восстановление в Прибалтике в конце 1918 г.— начале 1919 г. Советской власти пришлось явно не по душе империалистическим правящим кругам стран Антанты. Они считали необходимым принять срочные меры к тому, чтобы подавить ее и снова установить в Прибалтике буржуазные порядки. Империалисты стран Антанты рассматривали это как одну из важнейших и первоочередных задач в разрабатывавшихся ими планах свержения Советской власти в России. Учитывая исключительно выгодное стратегическое положение Прибалтики, ее непосредственную близость к важнейшим центрам России, империалисты стран Антанты рассматривали эту область как военный плацдарм для вторжения в Советскую Россию.

Большое значение превращению Прибалтики в антисоветский военный плацдарм придавали американские империалисты. 14 декабря 1918 г. посланник США в Швеции Моррис телеграфировал в Вашингтон: «Наилучшим местом для военных действий против большевиков будут прибалтийские провинции и Финляндия. Их выдвинутое географическое положение, их порты и железные дороги, их близость к Петрограду., отсутствие укреплений на дорогах, ведущих к столице., трудности для большевиков в организации снабжения в этих уже опустошенных районах — все говорит в пользу подобных операций. *Войска союзников должны занять главные порты и города прибалтийских провинций...* (подчеркнуто мной.— В. С.)»¹.

¹ «Foreign Relations of the U. S., 1918, Russia», v. II, p. 858.

Вопрос о средствах и методах дальнейшего развертывания интервенции в России, в том числе и интервенции в Прибалтике, был подвергнут подробному обсуждению представителями американского, английского и французского правительств на совещании, состоявшемся в Лондоне в декабре 1918 г. Там вновь весьма отчетливо проявилось стремление стран Антанты использовать в борьбе с Советской Россией германские войска. Президент США Вильсон, премьер-министр Англии Ллойд Джордж и премьер-министр Франции Клемансо пришли к выводу о том, что «покорить Россию» возможно «лишь с помощью Германии». В решениях совещания говорилось, что Германия должна незаметно перейти «от жестокой борьбы к естественному сотрудничеству со всеми нами. Без Германии в Европе ничего нельзя сделать, а с ее помощью все окажется легким... Германию нужно пригласить помочь нам в освобождении России и восстановлении Восточной Европы»¹. Таким образом, вчерашние враги стран Антанты — германские милитаристы — были признаны «естественными союзниками» империалистов держав-победительниц в интервенции в Советскую страну, лицемерно называемой авторами резолюции «освобождением России».

Следует заметить, что еще соглашение о перемирии от 11 ноября 1918 г. обязало Германию продолжать на Востоке борьбу против Советской России. Однако германская Восточная армия оказалась в это время не в состоянии выполнить принятые на себя Германией обязательства. Она не смогла воспрепятствовать освобождению Красной Армией западных окраин России. Советская власть распространилась к началу января 1919 г. на Эстонию, Латвию, Литву, Белоруссию и значительную часть Украины. Это сильно взволновало империалистов Антанты. Не будучи в состоянии предпринять какие-либо меры своими собственными силами, они решили потребовать от Германии усиления ее войск в Прибалтике и активизации их действий.

24 декабря 1918 г. страны Антанты передали ноту германскому правительству. В ней содержалось строжайшее требование, с ссылкой на условия соглашения о перемирии, чтобы германские войска удерживали

¹ W. Churchill, *The World Crisis*, v. 5, London, 1929, p. 24—25.

Прибалтику в своих руках до тех пор, пока страны Антанты будут считать это необходимым¹. Это требование было настолько решительным и строгим, что в некоторых газетах появились сообщения, будто страны Антанты предъявили Германии ультиматум.

В своем ответе на ноту стран Антанты председатель германской комиссии по перемирию Эрцбергер заверил главнокомандующего союзными войсками маршала Фоша 1 января 1919 г., что Германия принимает все возможные меры к тому, чтобы остановить продвижение советских войск, и что и в дальнейшем германское правительство охотно будет продолжать борьбу с Советской Россией².

Для повышения боеспособности германских частей в Прибалтике требовалось время. Страны Антанты опасались, что Красная Армия успеет освободить на западе новые территории России, занятые оккупантами. Сильные удары были нанесены тогда Красной Армией по интервентам и на других фронтах. Поэтому главари капиталистического мира стали задумываться, как тем или иным путем приостановить дальнейшее распространение Советской власти еще до того, как будет закончена подготовка к переходу интервентов в решительное наступление.

Парижская мирная конференция, собравшаяся в середине января 1919 г. для того, чтобы заключить мир с Германией, занялась сперва другим вопросом, казавшимся империалистам стран Антанты гораздо более срочным и важным, а именно «русским вопросом».

«Русский вопрос» был подвергнут подробному обсуждению на заседаниях глав правительств и министров иностранных дел США, Англии, Франции, Японии и Италии, так называемого Совета десяти. 16—22 января 1919 г. Фош предложил Совету десяти свой план разрешения «русского вопроса». В воспоминаниях Ллойд Джорджа говорится об этом плане следующее: «Маршал полагает, что союзники проиграют войну, если не смогут удовлетворительно разрешить русский вопрос... Он высказывается за оказание активной помощи антибольшевистским элементам в России и всем ее соседям... Он готов даже принять германское сотрудничество — после

¹ «Deutsche Tageszeitung» № 2, 2.I.1919.

² Там же.

подписания прелиминарного мирного договора — и считает, что оно может быть очень ценным»¹.

Осуществление этого плана также требовало времени. Но ждать страны Антанты не могли: они были заинтересованы в том, чтобы немедленно остановить наступление Красной Армии. Затем можно было бы провести необходимую подготовку к осуществлению плана, изложенного Фошем. В связи с этим Ллойд Джордж внес на заседании 16 января 1919 г. предложение о том, чтобы пригласить представителей всех правительств, образованных на территории России, встретиться для переговоров, временно приостановив военные действия². Выяснилось, что империалисты стран Антанты не могли остановить распространение Советской власти при помощи силы. Поэтому они решили попытаться сделать это дипломатическим путем.

Страны Антанты направили 22 января 1919 г. обращение к представителям всех политических и военных группировок России. Им предлагалось прислать к 15 февраля 1919 г. своих делегатов на Принцевы острова. Одновременно страны Антанты требовали, чтобы на время конференции было заключено перемирие между приглашенными сторонами и прекращены всякие наступательные действия, имея в виду стремительно развивавшееся в то время наступление Красной Армии.

Приглашение Советской России на конференцию было прямым результатом крупных побед, одержанных на фронтах Красной Армией. Советское правительство не возлагало больших надежд на конференцию на Принцевых островах, но, верное своей мирной политике, оно сразу же заявило о согласии принять участие в ее работе.

Что же касается различных русских белогвардейских «правительств», то они категорически отказались встретиться с представителями Советской России. Несмотря на согласие Советского правительства принять участие в конференции, она была, таким образом, сорвана.

С той же целью — дипломатическим путем оказать давление на Советскую Россию — была предпринята поездка в Москву сотрудника американской делегации

¹ Д. Ллойд Джордж, Правда о мирных договорах, т. I, М., 1957, стр. 323.

² «Foreign Relations of the U. S., P. P. C., 1919», v. III, p. 583.

на Парижской мирной конференции Буллита. Советское правительство в переговорах с Буллитом вновь продемонстрировало свое искреннее желание к скорейшему прекращению военных действий. Однако к моменту возвращения Буллита в Париж в марте 1919 г. иностранным интервентам удалось проделать уже значительную работу по подготовке общего военного похода против Советской России: началось наступление Колчака. В перемирии они уже не нуждались. Это предрешило, как признавал впоследствии сам Буллит, провал его миссии¹.

Приостановка наступления Красной Армии не была единственной целью, которую преследовали англо-американские империалисты, выдвигая предложение о созыве конференции на Принцевых островах и при посылке в Москву Буллита. Они добивались осуществления в то же время и другой важнейшей задачи — расчленения России. Если бы было достигнуто соглашение о прекращении военных действий, то тем самым было бы укреплено и положение созданных на окраинах России буржуазных правительств.

Наряду с мерами по усилению действий германских войск в Прибалтике и попыткой остановить продвижение Красной Армии дипломатическим путем страны Антанты считали необходимым принять меры также к тому, чтобы ускорить создание в Прибалтике местных антисоветских войск.

Черчилль, выступая 15 февраля 1919 г. на заседании Совета десяти, предложил создать специальный орган — союзный совет по русским делам, который явился бы основным центром, возглавляющим борьбу международной контрреволюции за свержение в России Советской власти. В предложении Черчилля говорилось, что этот совет должен обсудить «практические возможности объединенных военных действий» против Советской России, в которых наряду со странами Антанты и русскими белогвардейскими войсками должны принять участие войска соседних с Россией буржуазных государств².

Предложение Черчилля, как писал Ллойд Джордж, было поддержано Фошем, который выдвинул план «ши-

¹ «The Bullitt Mission to Russia», New York, 1919, p. 90.

² W. Churchill, The World Crisis, v. 5, p. 173—174.

рокого наступления на Советскую Россию финнов, эстонцев, латышей, литовцев, поляков, то есть всех народов, живущих на окраинах России, под военным руководством союзников»¹. «Эти молодые войска,— заявил Фош на заседании Совета десяти 25 февраля 1919 г.,— сами по себе недостаточно хорошо организованные.., поставленные под единое командование, могут представлять собой общую силу, достаточную, чтобы разгромить войска большевиков и оккупировать их территорию. Если это будет сделано, 1919 год увидит конец большевизма...»²

Исключительный цинизм проявили при обсуждении вопроса о привлечении буржуазных государств Прибалтики к участию в интервенции в России американские империалисты. Они выражали готовность уплатить за кровь, которую пролили бы народы Прибалтики во время похода против Советской России. Представитель государственного департамента Уоррен указывал в составленном им меморандуме о репарациях, что если буржуазные правительства прибалтийских государств примут участие в антисоветской интервенции, в чем заинтересованы западноевропейские державы, «то им будут предоставлены некоторые возможности принять участие в получении репараций». Если же эта взятка не возымеет достаточного действия на буржуазные правительства прибалтийских государств, то Уоррен предлагал угрожать им тем, что репарации будут взысканы с них самих³.

Таким образом, страны Антанты считали буржуазные прибалтийские государства, в том числе и Латвию, немаловажными участниками подготавливавшегося ими антисоветского похода. Снабжение буржуазных правительств Прибалтики военными материалами они готовы были взять на себя. В меморандуме члена американской делегации в Париже Шелдона от 6 января 1919 г. говорилось по этому поводу: «Предполагается, что союзные правительства и правительство США намереваются оказать объединенную поддержку тем... правительствам,

¹ Д. Ллойд Джордж, Правда о мирных договорах, т. I, стр. 319.

² «Foreign Relations of the U. S., 1919, P. P. C.», v. IV, p. 122.

³ D. H. Miller, My Diary at the Conference of Paris, v. III, p. 103 -104.

которые настроены против большевиков и которые окружают центральное Советское правительство»¹.

Парижская мирная конференция, таким образом, уже в первые дни своей деятельности продемонстрировала, что она намерена принять все возможные меры, чтобы подавить Советскую власть в России. Участие в интервенции в Советской России по-прежнему должны были принимать, по мнению стран Антанты, также германские войска.

Большое значение конференция придала Прибалтике. Правящие круги Антанты намеревались превратить прибалтийские страны после подавления в них Советской власти в один из важнейших плацдармов для наступления в центральные районы Советской республики.

2. Формирование в Лиепае германских войск для участия в интервенции

Германское правительство, выполняя требования Антанты об усилении борьбы против прибалтийских советских республик, принимало срочные меры к укреплению боеспособности немецких войск в Прибалтике. Было бы, однако, неправильно предполагать, что германское правительство согласилось бы на выполнение этих требований, если оно само не было бы заинтересовано в сохранении своих войск в Прибалтике и участии их в интервенции в России. Подавление Советской власти в России стало после окончания войны на Западе основной целью империалистов как стран Антанты, так и Германии. Германское правительство по-прежнему стремилось к осуществлению своих старых экспансионистских планов на Востоке.

Укрепление германских войск в Прибалтике было решено провести путем вербовки добровольцев. Прежде всего вербовка была начата среди войск 8-й армии, расквартированной в Латвии. Однако здесь удалось набрать всего лишь 450 солдат и офицеров². Поэтому были приняты меры к организации вербовки добровольцев в самой Германии. Добровольцам было обещано высокое

¹ D. H. Miller, My Diary at the Conference of Paris, v. III, p. 220.

² «Die Rückführung des Ostheeres», S. 138, 154.

жалование: помимо обычных 30 марок, они должны были получать дополнительное вознаграждение в размере 150 марок в месяц и ежемесячную премию от 20 до 50 марок¹. Кроме этого жалования, выплачиваемого германской казной, добровольцы должны были получать с момента переезда через германскую границу 120 рублей в месяц за счет латвийского правительства². После 3-месячной службы им предоставлялся 14-дневный отпуск.

На помощь правительству поспешила вся правая германская печать. Ежедневно на ее страницах появлялись статьи, призывавшие демобилизованных германских солдат записываться в добровольческие части. Вербовочные бюро были открыты в Берлине, Бреславле, Данциге, Дрездене, Иене, Кенигсберге, Любеке, Мюнхене, Штутгарте, Штеттине и других городах. Уже в начале марта 1919 г. в Прибалтике находились добровольческие части майора Фишера, капитана Брандиса, капитана Рандова и другие.

В конце января 1919 г. было создано верховное командование «Север» со штабом в Вартенштайне (Восточная Пруссия). Верховное командование «Север» возглавил генерал Кваст, начальником штаба был генерал Сект, ставший впоследствии организатором германского рейхсвера. Командующим германскими войсками в Лиепае был назначен в начале февраля 1919 г. ярый реакционер, душитель революции в Финляндии генерал Гольц. Факт выдвижения германскими милитаристами на пост командующего столь явного реакционера не является случайным.

Цели, которые преследовали германские империалисты в Прибалтике, следует рассмотреть более подробно. Они надеялись воспользоваться тем обстоятельством, что страны Антанты оказались не в состоянии справиться с Советской Россией. Германские империалисты рассчитывали с помощью своих войск подавить Советскую власть в России, в результате чего Германия должна была получить в ней преобладающее влияние. Они надеялись заключить с новым реакционным правительством

¹ «Deutsche Tageszeitung» № 655, 25.XII. 1918.

² «Darstellungen aus den Nachkriegskämpfen deutscher Truppen und Freikorps. Zweiter Band: Der Feldzug im Baltikum bis zur zweiten Einnahme von Riga» (в дальнейшем: «Der Feldzug im Baltikum»), Berlin, 1937, S.140.

России, которое, по их планам, будет создано после свержения Советской власти, военный союз и при поддержке России добиться отмены кабальных условий перемирия, навязанных Германии странами Антанты. Гольц писал, что немцы должны «нанести вместе с Деникиным и Колчаком смертельный удар русским большевикам и... приобрести в лице будущей буржуазной России нового союзника против всемирной британской державы»¹.

Если германским милитаристам не удалось бы по тем или иным причинам претворить в жизнь весь этот план, то Гольц надеялся добиться хотя бы осуществления экспансионистских стремлений германских империалистов в Прибалтике.

Из Германии непрерывно прибывали в Прибалтику все новые и новые воинские части. В конце февраля 1919 г. прибыла 1-я гвардейская запасная дивизия, насчитывавшая 32 тыс. солдат². Она была размещена частично вдоль лиепайского фронта, частично в Северной Литве. Значительно была усилена набранными в Германии добровольцами также «железная дивизия». В начале марта она насчитывала около 4 тыс. солдат и офицеров³.

Что касается состава «железной дивизии», то это были самые оголтелые профессиональные головорезы из разваливавшихся германских регулярных войск, не имевшие и не желавшие иметь другой профессии, как убийство, грабеж и разбой.

Германское командование приняло меры также к усилению местного ландесвера, созданного на основе договоров правительства Ульманиса с Виннигом от 7 и 29 декабря 1918 г. В начале марта 1919 г. в ландесвере насчитывалось уже около 4500 человек⁴. Подавляющее большинство офицеров ландесвера составляли сынки местных немецких баронов, а солдат — германские добровольцы. Поэтому состав ландесвера фактически не отличался от состава «железной дивизии».

В Лиепе — единственном участке латышской земли, который остался в руках иностранных империалистов,—

¹ R. Goltz, *Meine Sendung in Finnland und im Baltikum*, S. 147.

² «Der Feldzug im Baltikum», S. 99.

³ Там же, стр. 32.

⁴ Там же, стр. 34.

был создан плацдарм, с которого они намеревались выступить против Советской Латвии. Здесь были собраны к весне 1919 г. довольно крупные германские вооруженные силы. По подсчетам американской миссии, в германских войсках в Прибалтике насчитывалось 73 тыс. солдат¹. Они были хорошо снабжены военными материалами, имели в своем распоряжении даже бронепоезда и самолеты. Эти войска ждали лишь приказа, чтобы двинуться в наступление.

3. Срыв лиепайскими рабочими попыток правительства Ульманиса укрепить свое положение

Буржуазное правительство Ульманиса после изгнания его из Риги переместилось в Елгаву, а через несколько дней — в Лиепаяу. Лишенное поддержки своего народа, оно все настойчивее стало добиваться помощи от иностранных империалистов.

Латвийское правительство начало открытый торг территорией и населением Латвии. Оно заявляло теперь о своей готовности предоставлять германским добровольцам не только латвийское гражданство, как это было предусмотрено в соглашении от 29 декабря 1918 г., но и землю для поселения².

Переговоры Виннига с Ульманисом о предоставлении земли германским добровольцам начались 4 января 1919 г. Винниг писал по поводу этих переговоров: «Предложения премьер-министра Ульманиса шли при этом дальше моих, так как мои предложения предусматривали предоставление от 60 до 80 лофштелей³ земли, а он, со своей стороны, считал необходимым предоставить от 100 до 120 лофштелей».

Остался нерешенным вопрос о том, для какого количества солдат потребуется земля. Разговор кончился тем, что решили подождать, какие результаты даст вербовка добровольцев в Германии. «С германской стороны, — заканчивает Винниг, — можно было считать, что латвийское

¹ «Foreign Relations of the U. S., P. P. C., 1919», v. XII, p. 138.

² «Vorwärts» № 455, 6.IX.1919.

³ Лофштель — мера земли, применявшаяся в Прибалтике. 1 лофштель = 0,4 га.

правительство дало фактическое согласие на предоставление земли»¹.

Таким образом, буржуазное правительство Латвии пошло на новое предательство интересов латышского народа. Оно выразило свое согласие на раздачу германским солдатам земли, в которой так нуждалось латышское безземельное крестьянство.

Буржуазное правительство Латвии, продолжая выпрашивать подачки у Германии, постоянно обращалось за помощью и к другой группе империалистов — к странам Антанты. Правительство Ульманиса приняло 8 января 1919 г. решение о поездке за границу нескольких министров с тем, чтобы добиться немедленной военной помощи от США, Англии, Франции и скандинавских государств. 12 января 1919 г. Ульманис направился в Копенгаген. Чего именно добивался он за границей, видно из телеграммы американской миссии в Копенгагене госдепартаменту США от 24 января 1919 г. В телеграмме сообщалось, что Ульманис ходатайствовал о присылке в Латвию союзных войск и размещении в Лиепае союзных военно-морских сил. Он просил разрешить ему набрать в странах Антанты 10 тыс. добровольцев для борьбы против Советской власти в Латвии. Кроме того, Ульманис просил предоставить Латвии вооружение, боеприпасы, продовольствие, а также заем, уплата которого гарантировалась бы латвийскими лесами. Наконец, он ходатайствовал о присылке в Прибалтику союзной миссии².

Ульманисом были приняты меры к заключению между прибалтийскими государствами договоров о совместных военных действиях против Советской России и координации действий между ними. 18 февраля 1919 г. был заключен военный союз между Латвией и Эстонией. Поскольку во власти буржуазного правительства Латвии находилась в то время лишь небольшая часть страны, в договоре было обусловлено право правительства Ульманиса на формирование белолатышских военных частей также и на территории буржуазной Эстонии. Эти войска должны были обеспечиваться военными материалами из запасов, предоставленных эстонскому буржуазному правительству странами Антанты³.

¹ «Rheinisch-Westfälische Zeitung» № 783, 2.X.1919.

² «Foreign Relations of the U. S., 1919, Russia», p. 667.

³ ИДА, ф. 38в, оп. 1, д. 31, л. 79—80.

Несколько позже, 1 марта 1919 г., был подписан договор между Ульманисом и буржуазным правительством Литвы. В нем предусматривалось, что «правительства Литвы и Латвии действуют согласно между собой в борьбе с большевиками»¹.

Все эти меры, принятые буржуазным правительством Латвии для получения помощи извне, сколько-нибудь серьезных результатов в деле укрепления его положения все же не дали. Со стороны народных масс оно по-прежнему не пользовалось ни малейшей поддержкой. Население страны продолжало относиться к самозванному буржуазному правительству с крайней враждебностью. Об этом свидетельствуют заявления представителей самого буржуазного правительства. В протоколе заседания правительства Ульманиса от 7 января 1919 г. говорилось: «Уполномоченный временного правительства в Гробиньском уезде и Лиепе Куршинский докладывает о внутреннем положении в Лиепе. Он находит, что положение в Лиепе опасно и что большинство латышского населения симпатизирует большевикам. Укрепить положение в городе можно лишь установлением военной диктатуры. Положение неблагоприятно также в сельских районах...»²

Германские оккупационные власти считали положение в Лиепе в середине января 1919 г. настолько опасным, что потребовали от германского верховного командования немедленной присылки в Лиепею нескольких немецких военных кораблей для усмирения восстания, которое могло вспыхнуть, по их мнению, в любой момент³.

Правительство Ульманиса, стремившееся к укреплению своего положения, уделяло большое внимание формированию в Лиепе белых латышских войск. Из Риги вместе с буржуазным правительством переехало в Лиепею лишь несколько сот солдат и офицеров. Добровольцев, желавших бороться против войск Советской Латвии, в Лиепе, как и в Риге, находилось очень мало. Не имея другой возможности создать свои собственные войска, Ульманис решил провести принудительную мобилизацию в сельских районах, прилегающих к Лиепе. Однако в результате агитации, проведенной большевиками,

¹ ИДА, ф. 383, оп. 1, д. 1, л. 3.

² «Сīņa» № 148, 24.VI.1952.

³ «Die Rückführung des Ostheeres», S. 154.

мобилизация окончилась провалом. Латышский буржуазный военный писака П. Берзиньш вынужден был признать, что «благодаря агитации коммунистов... призываемые граждане в установленное время в сборные пункты не явились»¹.

Более подробно ход мобилизации изложен в специальной записке соответствующих органов правительства Ульманиса от 25 февраля 1919 г.: «Мобилизация в трех прилегающих к Лиепае районах (10 февраля) дала сначала лишь 9 человек. Многие спрятались, другие ушли в Литву, большинство не обращало на мобилизацию никакого внимания и в случае необходимости собиралось оказывать сопротивление. Примерно 8 дней спустя настроения изменились. Из деревни явилось около 100 человек, но из их разговоров было видно, что они хотят вооружиться, в первую очередь против правительства, немцев и всей буржуазии. Большинство городских рабочих также решило явиться в случае призыва с тем, «чтобы повернуть оружие против правительства и немцев». Такое намерение продолжает существовать... Всеобщая мобилизация городских рабочих означала бы самоубийство правительства...»²

Каких-либо результатов организация белолатышских войск ни путем вербовки добровольцев, ни путем принудительной мобилизации дать не могла. Не могли спасти положения и латышские меньшевики. Правда, они предприняли попытку вербовки солдат для поддержки правительства Ульманиса среди своих сторонников, но их было не так уже много.

В латышских буржуазных войсках насчитывалось к 30 марта 1919 г. лишь 1400 человек. Таковы те до смешного мизерные военные силы, которые удалось сформировать правительству Ульманиса за целых 4 месяца своего существования. Держаться у власти, опираясь только на такие силы, и, тем более, удерживать ими фронт было совершенно невыносимо. К тому же и это войско, как признавали даже их организаторы, не отличалось особой благонадежностью. Одну роту пришлось даже расформировать.

Правительство Ульманиса, не имея поддержки в народе, все чаще стало прибегать для укрепления своей

¹ P. Bērziņš, Latvijas brīvības cīņas, 23. lpp.

² ИДА, ф. 38а, д. 33, л. 18.

власти к террористическим мерам. Особую роль в этой гнусной деятельности правительства Ульманиса была призвана сыграть созданная им военно-террористическая организация латышской буржуазии и кулачества — айзсарги, поставившая своей целью потопить в крови революционное движение трудящихся масс. При поддержке правительства Ульманиса и германских оккупационных властей вооруженные сынки латышской сельской и городской буржуазии стали планомерно терроризировать путем провокаций, шпионажа и убийства из-за угла рабочих, батраков и малоземельных крестьян.

Командующий германскими войсками Гольц констатировал, что «временное правительство развивалось все более и более по направлению к диктатуре. Чем меньше сторонников оно имело в народе, тем больше ему требовалось средств насилия, чтобы удержаться, хотя оно и опиралось на немецкие штыки и Антанту...»¹

Правительству Ульманиса не удалось привлечь народные массы Лиепая на свою сторону. Они твердо шли за большевиками.

Коммунистам приходилось работать в то время в Лиепаяе в исключительно тяжелой обстановке. Лиепайский Совет рабочих депутатов, где большевики имели большинство, был разогнан. Многие члены Совета, в том числе заместитель председателя исполнительного комитета Совета коммунист Клява, были арестованы. В городе находилось огромное количество германских солдат, которые следили за каждым шагом местных жителей.

Разоблачая террористический режим, установленный германскими оккупантами и латышской буржуазией, лиепайские коммунисты писали в листовке, расклеенной ими в городе 15 февраля 1919 г.:

«Советы безземельных подвергаются арестам, их члены дюжинами расстреливаются, сотни людей должны скрываться в лесах, чтобы избежать петли. Рабочие газеты запрещены. Юнкера устраивают погромы и расстрелы мирных собраний. Трупы, голод и ужасы характеризуют путь, по которому идет кровавое правительство Вальтера² с юнкерскими бандами»³.

¹ R. Goltz, *Meine Sendung in Finnland und im Baltikum*, S. 178.

² Ввиду отъезда Ульманиса правительство фактически возглавлял в это время Вальтер.

³ ИДА, ф. 38а, д. 33, л. 16.

Несмотря на исключительно трудные условия, сложившиеся в то время в городе, липайские большевики продолжали энергичную деятельность. Их вдохновляло установление Советской власти в Латвии. Деятельность Советского правительства Латвии, его первые шаги по преобразованию жизни в стране на новых, социалистических основах поднимали боевой дух трудящихся масс Лиепаи. Лиепайские рабочие, возглавляемые коммунистами, энергично готовились к тому, чтобы свергнуть власть интервентов и местной буржуазии в последнем томившемся под игом оккупантов уголке латышской земли.

Находясь повседневно среди трудящихся масс города, большевики разъясняли им предательскую политику буржуазного правительства Ульманиса, разоблачали его союз со злейшими врагами латышского народа — германскими империалистами. Большевики выпускали большое количество листовок. Если не было возможности отпечатать их, листовки переписывались от руки. Народ верил большевикам и шел за ними. К правительству Ульманиса народные массы относились с глубоким презрением и ненавистью. Американская миссия в Прибалтике была вынуждена признать в своем донесении по этому вопросу в Париж: «Нынешнее фактическое правительство Латвии является чрезвычайно слабым, и оно не имеет никаких полномочий от населения Латвии. Если имели бы место всеобщие выборы, оно было бы немедленно свергнуто»¹.

Большевики не ограничивались одной лишь агитацией. Они готовились к тому, чтобы с приближением к городу красных латышских стрелков поднять восстание в тылу у германских войск и тем самым помочь освобождению города. Лиепайские рабочие «ждали,— как указывается в обзоре послевоенных боев германской Восточной армии,— лишь подходящего момента, чтобы обрушиться на немцев»². Гольц признает в своих воспоминаниях, что немцы сидели в Лиепае, как на пороховой бочке³.

¹ «Foreign Relations of the U. S., P. P. C., 1919», v. XII, p.141.

² «Der Feldzug im Baltikum», S. 9.

³ R. Goltz, *Meine Sendung in Finnland und im Baltikum*, S. 124—125.

Трудящиеся Латвии настойчиво продолжали борьбу за изгнание из Лиепай иностранных интервентов и свержение власти местной буржуазии.

4. Миссии стран Антанты — организаторы антисоветского военного плацдарма в Лиепае

Весной 1919 г. страны Антанты направили в Прибалтику ряд военных, политических и экономических миссий. Главная задача, которую преследовали миссии, — это подавление Советской власти в Прибалтике.

Страны Антанты рассчитывали осуществить эту задачу прежде всего при помощи немецких ландскнехтов, которыми командовал генерал Гольц. В то же время миссии стран Антанты принимали энергичные меры к созданию в Прибалтике местных белых войск.

Весьма активную деятельность развили в Латвии английские империалисты, так как Прибалтика входила в английскую «сферу влияния». В декабре 1918 г. в Ригу приехал представитель министерства иностранных дел Англии Босенкет, а в начале 1919 г. в Лиепаю прибыл официальный представитель Англии при временном правительстве Латвии Уатсон. В то же время в Латвии появился английский майор Кинэн, занявшийся формированием латвийских белых войск. В конце мая 1919 г. в Прибалтику была направлена военно-политическая миссия Англии во главе с подполковником Таллентсом, насчитывавшая почти 40 человек¹.

Представители английского правительства в Прибалтике энергично принялись за организацию белолатышских войск и обеспечение их вооружением. Лишь в феврале — марте 1919 г. белолатышские войска получили в Лиепае от англичан около 5 тыс. винтовок и 200 пулеметов². Значительное количество вооружения было предоставлено англичанами также для тех белолатышских частей, которые начали формироваться весной 1919 г. на территории буржуазной Эстонии.

Весьма существенную поддержку для буржуазного правительства Латвии представляли военно-морские

¹ J. Gregory, *On the Edge of Diplomacy*, London, 1929, p. 187.

² «Der Feldzug im Baltikum», S. 92.

силы Англии в Балтийском море, насчитывавшие свыше 100 кораблей, в том числе 12 крейсеров и 20 миноносцев¹. 7 февраля 1919 г. английские крейсера произвели обстрел своими орудиями позиций красных латышских стрелков в районе Вентспилса.

Английские интервенты использовали Прибалтику и в качестве своей штаб-квартиры по ведению шпионажа и диверсионной деятельности в Советской России. В начале 1919 г. сюда прибыл «со специальной миссией» капитан британского флота Бойс, который стал с этого времени главным организатором подрывной деятельности английской разведки против Советской России.

Довольно активно действовали в Прибалтике также французские империалисты. В Лиенае были размещены французские военно-морские силы. В апреле 1919 г. в Прибалтику была направлена специальная французская военно-политическая миссия во главе с подполковником дю Парке, бывшим до этого французским военным атташе в Швеции. В чем заключались основные задачи этой миссии, видно из речи заместителя министра иностранных дел Франции Абрами в палате депутатов Франции 30 марта 1919 г. Абрами заявил, что французское правительство, как и правительства других союзных стран, намерено оказать окраинным правительствам деятельную помощь в борьбе против большевизма предоставлением им оружия, денег, обмундирования и продовольствия². Практическое осуществление этой задачи было возложено именно на миссию дю Парке.

Главную и руководящую роль в организации антисоветского военного плацдарма в Лиенае сыграли Соединенные Штаты Америки.

Государственный секретарь США Лансинг предложил Вильсону 10 февраля 1919 г. послать в Эстонию, Латвию и Литву специальную американскую миссию. Основным аргументом Лансинга при этом было то обстоятельство, что буржуазные правительства Прибалтики «ведут борьбу против большевизма»³.

¹ Ф. Д. Волков, Крах английской политики интервенции и дипломатической изоляции Советского государства, М., 1954 стр. 92.

² См. «Отчет Народного комиссариата по иностранным делам седьмому съезду Советов», М., 1919, стр. 23.

³ «Foreign Relations of the U. S., P. P. C., 1919», v. XII p. 36.

Президент США Вильсон согласился с мнением Лансинга. 12 марта 1919 г. было принято решение об отправке в Эстонию, Латвию и Литву специальной миссии во главе с подполковником Грином. В состав миссии входили подполковник Доули, бывший американский военно-морской атташе в Копенгагене Гейд и другие. Миссия состояла исключительно из военных лиц.

Интерес США к Прибалтике объяснялся прежде всего тем, что американское правительство считало ее, как уже указывалось, важнейшим плацдармом для подавления Советской власти в России. Грин писал, например, что о значении малых прибалтийских государств нельзя судить по таким факторам, как величина их территорий и количество населения,— значение этих государств гораздо больше. Это объясняется, отмечал он, географическим положением, которое делает их *«военным и экономическим ключом к внутренним районам России»*. Грин откровенно признавал, что малые прибалтийские государства являются удобным *«стратегическим плацдармом... для подготовки активного и агрессивного похода в целях подавления большевизма... (подчеркнуто мной.— В. С.)»*¹.

Отчитываясь в июле 1919 г. перед конгрессом США, Грин снова указывал, что «ключ к разрешению русского вопроса» «следует искать в прибалтийских государствах...»², имея в виду при этом подавление Советской власти в России.

Американская миссия начала свою деятельность в Прибалтике с подробного изучения состояния германских и белолатышских войск, а также положения на фронте. Для этого Грин предпринял поездку вдоль всей линии липайского фронта. Член миссии Грина подполковник Доули объехал также все остальные участки фронта в Прибалтике, начиная с Финляндии и кончая Польшей.

Ознакомившись с положением в Курляндии, американская миссия пришла к заключению, что единственной серьезной силой, боровшейся в Латвии против большевиков, были германские войска.

¹ «Foreign Relations of the U. S., P. P. C., 1919», v. XII, p. 207—208.

² «Report of the Mission to Finland, Esthonia, Latvia and Lithuania on the Situation in the Baltic Provinces», Washington, 1919, p. 27.

Она отмечала и в своем донесении в Париж от 20 апреля 1919 г., что в случае эвакуации германских войск Лиепая неминуемо перейдет «в руки большевиков». «Никакое временное правительство,— констатировалось в этом донесении,— не будет в состоянии содержать, вооружить, одеть и обеспечить достаточно крупные войска, чтобы удерживать большевиков»¹.

Поэтому американская миссия в Прибалтике делала все возможное для оказания помощи германским войскам. В частности, она придавала большое значение тому, чтобы наладить регулярное снабжение германских войск. В этих целях Грин добивался от правительств стран Антанты разрешения снабжать германские войска в Прибалтике морским путем, чему мешала в это время блокада, установленная английским флотом на Балтийском море. «До тех пор,— указывал Грин в своей телеграмме в Париж от 11 апреля 1919 г.,— пока Германия держит на поле боя войска для борьбы против большевиков, как это тут и имеет место согласно условиям перемирия, главная задача заключается в том, чтобы ей были предоставлены соответствующие возможности для снабжения этих войск...»² Грин повторяет это требование и в своем донесении от 12 апреля 1919 г., подчеркивая, что «это очень важно»³.

Американская миссия стала, кроме того, энергично требовать от своего правительства присылки в Лиепая военных материалов для обеспечения белолатышских войск. Это требование миссии было удовлетворено правительством США. Отношение американского правительства к продаже военных материалов буржуазным правительствам Прибалтики видно из переписки военного министерства США с госдепартаментом. 30 апреля 1919 г. исполняющий обязанности военного министра США Кроуэль обратился к государственному секретарю США за согласием на продажу буржуазным правительствам Финляндии, Эстонии и Латвии военных материалов⁴. Этот вопрос был поставлен на обсуждение американской делегации на Парижской мирной конференции, после чего исполняющий обязанности государственного

¹ «Foreign Relations of the U. S., P. P. C., 1919», v. XII, p. 146.

² Там же, стр. 139.

³ Там же, стр. 140.

⁴ «Foreign Relations of the U. S., 1919, Russia», p. 675.

секретаря США Полк ответил Кроуэлю, что американская «мирная» делегация «одобряет продажу винтовок Финляндии и большевистским частям Эстонии и Латвии»¹.

Член американской делегации на Парижской мирной конференции генерал Блисс писал в конфиденциальном письме государственному секретарю США 19 апреля 1919 г. по этому вопросу следующее: «Вооружение, которое мы привезли в Европу., мы собираемся распродать новым нациям... Мы продаем в кредит, размер которого будет зависеть от того, с каким успехом покупатели будут убивать... своих соседей. Стоимость наших ценных бумаг будет зависеть от того, насколько они будут запятнаны кровью...»²

Наряду со снабжением буржуазного латвийского правительства вооружением американская миссия уделяла большое внимание также организации самих белолатышских войск. 20 апреля 1919 г. Грин направил в Париж телеграмму, в которой излагал свой план создания белой латвийской армии. Он считал, что «Антанта должна обеспечить руководство, инструктаж, денежные средства, продовольствие, вооружение и все другие необходимые военные материалы, организовав соответствующую миссию из представителей одной из стран — Великобритании или Соединенных Штатов... Альтернативой этому является оккупация Курляндии союзными войсками...»³

Однако вскоре американская миссия была вынуждена признать, что при проведении мобилизации могли возникнуть серьезные трудности ввиду явно большевистского настроения населения страны⁴.

Американский военный атташе в Копенгагене полковник Солберт, посетивший в середине апреля Лиепая и прибывший затем в Париж, также предложил послать в Прибалтику союзные войска с тем, чтобы они заменили находящиеся там германские части. Если это неприемлемо, писал Солберт, то предлагается создать национальную латышскую армию. Если и это предложение не будет поддержано, то необходимо «недвусмысленно

¹ «Foreign Relations of the U. S., 1919, Russia», p. 678.

² D. H. Miller, My Diary at the Conference of Paris, v. VIII, p. 404—405.

³ «Foreign Relations of the U. S., P. P. C., 1919», v. XII, p. 147.

⁴ Там же, стр. 180.

обязать Германию удерживать большевиков вне пределов Латвии...»¹

Предложения Грина и Солберта были подвергнуты подробному изучению на заседаниях американской «мирной» делегации. 30 апреля 1919 г. американская делегация представила на рассмотрение «совета четырех» меморандум по вопросу о политике союзных держав в Прибалтике, в котором содержалось предложение о снабжении белых войск Прибалтики вооружением, продовольствием и денежными средствами².

В связи с меморандумом американской делегации «совет четырех» подверг 9 мая 1919 г. подробному обсуждению вопрос о политике стран Антанты в Прибалтике. На заседании было принято решение о создании специального комитета для детального изучения вопросов организации интервенции в Прибалтике. Комитету поручалось представить совету доклад по этому вопросу. 7 членов комитета из 11 были военными. Таким образом, уже самый состав комитета указывал, что он будет заниматься преимущественно военными вопросами.

23 мая 1919 г. представитель США в этом комитете Гувер сделал на заседании «совета четырех» доклад о результатах работы комитета. Он заявил: «Комитет пришел к заключению, что требуется военная помощь». Гувер предложил снабдить местные антисоветские войска оружием и продовольствием и предоставить им опытных руководителей³.

По предложению комитета «совет четырех» принял решение о необходимости ускорения организации местных антибольшевистских войск в Прибалтике. В этих целях было решено направить в Прибалтику специальную военную миссию стран Антанты. Что касается задач этой миссии, то в решении представителей стран Антанты говорилось, что «она должна будет давать правительствам Эстонии, Латвии и Литвы советы по всем вопросам, касающимся организации, снабжения и обучения местных сил и добровольцев, которых удастся привлечь из других стран. Эта миссия должна будет также

¹ Foreign Relations of the U. S., P. P. C., 1919», v. XII p. 655—656.

² «Foreign Relations of the U. S., P. P. C., 1919», v. IV, p. 153.

³ Там же, стр. 752.

давать вышеуказанным правительствам советы о наилучших методах борьбы с большевиками...»¹ Главой союзнической миссии был назначен английский генерал Гоф.

Верховный совет стран Антанты одобрил, таким образом, предложения, выдвинутые главой американской миссии в Прибалтике Грином в его донесении в Париж от 20 апреля 1919 г. Английские и французские империалисты присоединились к разработанным Грином планам организации местных антисоветских войск в Прибалтике.

Американские империалисты превратили Латвию в центр своей антисоветской шпионской и диверсионной деятельности. Из заявления министра финансов США в конгрессе в августе 1919 г. видно, что для подрывной работы в других государствах американское правительство ассигновало по бюджету 175 тыс. долларов². Не случайно в состав миссии Грина был включен опытный разведчик Гейд. До приезда в Латвию Гейд был американским военно-морским атташе в Копенгагене, являвшемся в годы войны одним из важнейших центров американской разведки в Северной Европе³.

Весьма энергичную деятельность развила в Латвии Американская администрация помощи (АРА).

Официально АРА должна была заниматься оказанием продовольственной помощи населению стран, пострадавших от войны. Фактически же основными задачами, поставленными американскими империалистами перед АРА, было оказание содействия в свержении Советской власти в России и в подавлении революционного движения в странах Европы, а также закабаление этих стран Соединенными Штатами Америки. Глава АРА Гувер указывал в меморандуме, представленном им в мае 1919 г. «совету четырех», что страны Антанты «должны приложить все усилия для оказания помощи Колчаку, Деникину, латышам, эстонцам, полякам и, наконец, финнам для нападения на Россию. Они должны предоставить им снабжение, деньги, инструкторов...»⁴

Американские империалисты придавали деятельности АРА исключительно большое значение. Вильсон писал

¹ «Foreign Relations of the U. S., P. P. C., 1919», v. IV, стр. 762.

² «Правда» № 181, 16 августа 1919 г.

³ После отъезда Грина из Прибалтики Гейд был назначен в октябре 1919 г. главой американской миссии в Прибалтике.

⁴ «Foreign Relations of the U. S., 1919, Russia», p. 116.

11 января 1919 г., что продовольственная помощь является ключом ко всей ситуации в Европе. Он указывал, что большевизм «не может быть остановлен силой, но он может быть остановлен продовольствием...»¹

Американская миссия в Прибалтике также доносила в Париж, что присылка по возможности большего количества продовольствия была крайне необходима для борьбы против распространения большевизма в Прибалтике. «Иначе,— писал Грин 12 апреля 1919 г.,— мы содействуем развитию большевизма позади фронта»².

Вопрос о поставках продовольствия для антибольшевистских сил Прибалтики был рассмотрен 11 марта 1919 г. на заседании американской делегации на Парижской мирной конференции. В соответствии с принятым решением Лансинг направил 12 марта 1919 г. в Вашингтон телеграмму, в которой говорилось: «Я полагаю, что Эстония, Латвия и Литва должны получить от Соединенных Штатов всю необходимую экономическую помощь»³.

Несколько дней спустя Гувер известил представителей буржуазного правительства Латвии на Парижской мирной конференции, что сенат США предоставил кредит для снабжения Латвии продовольствием. Но Гувер оговорил при этом, что погашение кредита должно быть гарантировано природными богатствами и собственностью латвийского государства. В то же время Гувер сообщил, что в Прибалтику для распределения продовольствия будет направлена специальная миссия⁴. Вскоре в Лиепая прибыла миссия АРА, насчитывавшая в своем составе 37 офицеров⁵.

8 апреля 1919 г. Гувер и представители правительства Ульманиса подписали в Париже соглашение об условиях поставок⁶. Уже 9 апреля 1919 г. в Лиепая прибыл первый транспорт американского продовольствия для антисоветских войск, находившихся на территории Латвии. С этого момента началось систематическое снабжение через АРА формирующихся в Латвии антисоветских

¹ «Organization of American Relief in Europe 1918—1919», California, 1943, p. 177.

² «Foreign Relations of the U.S., P. P. C., 1919», v. XII, p. 140.

³ «Foreign Relations of the U.S., 1919, Russia», p. 673.

⁴ ИДА, ф. 38а, д. 13, л. 231.

⁵ «The Memoirs of Herbert Hoover, Years of Adventure 1874—1920», New York, 1952, p. 370.

⁶ ИДА, ф. 38 г, оп. 5, д. 176, л. 19.

войск. Буржуазное правительство Латвии получило от АРА в 1919—1920 гг. продовольствия на 2600 тыс. долларов¹.

Весьма активную деятельность по снабжению белых латышских войск развернула в Прибалтике американская организация Красного Креста, перед которой официально стояли самые гуманные цели. 20 марта 1919 г. на заседании американской делегации на Парижской мирной конференции было принято решение о том, что американский Красный Крест должен оказать «немедленную экономическую помощь» небошевистским частям Латвии и Литвы². 4 апреля 1919 г. представитель американского Красного Креста полковник Ольдс пригласил к себе одного из членов латвийской делегации в Париже — К. Озолса и сообщил ему, что американский Красный Крест «решил оказать помощь латвийской армии, сражающейся с большевиками». В целях оказания этой «помощи» в Прибалтику прибыла многочисленная миссия американского Красного Креста во главе с полковником Райяном. Миссия состояла из 25 человек, из которых только двое были гражданскими лицами. В состав миссии входили 4 майора, 8 капитанов и 9 лейтенантов³.

Общее количество сотрудников американских миссий в Прибалтике превышало 100 человек. Почти все они являлись офицерами американской армии. Они занимались организацией снабжения антибольшевистских вооруженных сил, находившихся в Прибалтике, руководили их военными операциями против Красной Армии.

Являясь представителем главной, сильнейшей страны капитализма и опираясь на помощь, которую оказывали буржуазному правительству Латвии США, американская миссия занимала среди политических и военных миссий союзников в Прибалтике весной 1919 г. руководящее место.

«Американское влияние,— доносила американская миссия в Латвии в Париж 3 мая 1919 г.,— в настоящее время велико...» Грин утверждал даже, что «судьба страны зависит от позиции США». Что же касается английской миссии, то Грин отмечал, что она, правда, имеет серьезные заслуги в организации белых латвийских

¹ ИДА, ф. 38г, оп. 5, д. 176, л. 3.

² «Foreign Relations of the U. S., P. P. C., 1919», v. XI, p. 126.

³ ИДА, ф. 38г, оп. 1, д. 75, л. 25.

войск, но что влияние ее на политические события было менее значительным¹.

Командование германскими войсками, нередко осмеливавшееся не подчиняться распоряжениям английских и французских представителей в Прибалтике, было вынуждено считаться с указаниями американской миссии.

Таким образом, Соединенные Штаты Америки были главными организаторами антисоветского военного плацдарма в Лиепае. Под руководством американских империалистов в Латвии проводилась систематическая и планомерная работа по сколачиванию сил, предназначенных ими для участия в интервенции.

5. Активизация антисоветских сил в Курляндии

В конце февраля 1919 г. в районе Лиепайи интервенты проводили энергичную подготовку к тому, чтобы в ближайшее же время бросить свои силы против Советской Латвии.

Наступление германских войск было приурочено к первому походу Антанты, основную ударную силу которого представляли войска Колчака. 4 марта 1919 г. Колчак, располагавший крупной и хорошо обеспеченной армией, перешел в Сибири в стремительное наступление. Был дан приказ о наступлении и всем другим наймитам иностранных империалистов. Начался общий поход иностранных интервентов и русской контрреволюции против Советской России. Они действовали на Севере, Востоке, Юге и Западе. Советская республика оказалась в крайне тяжелом положении.

3 марта 1919 г. началось наступление германских войск в Курляндии. 19 марта 1919 г. они захватили Елгаву.

Успех германских войск объяснялся тем, что они имели большое численное превосходство в людских резервах над красными латышскими стрелками. 70-тысячной немецкой армии Советское правительство Латвии могло противопоставить лишь весьма ограниченные силы. Оно было в состоянии выделить для борьбы с германскими

¹ «Foreign Relations of the U. S., P. P. C., 1919», v. XII, p. 178 — 179.

полчищами лишь часть своих войск, так как необходимо было держать вооруженные силы и на других фронтах.

Одновременно серьезная угроза нависла над Советской Латвией с севера. В начале 1919 г. эстонская буржуазия, поддерживаемая английским флотом, финскими, шведскими и датскими добровольцами, а также русскими белогвардейскими частями, свергла в Эстонии Советскую власть. В марте 1919 г. эти войска организовали наступление против Советской Латвии. Между наступавшими в Курляндии германскими войсками и войсками, угрожавшими Советской Латвии с севера, поддерживался постоянный контакт в целях координации действий. «Естественной основой этих связей,— писал Гольц,— был тот факт, что большевики являлись нашим общим врагом»¹.

Характеризуя исключительно тяжелое положение, в котором оказалась в это время Советская Латвия, В. И. Ленин отмечал, что страны Антанты действуют там вместе с германскими империалистами и что они сочли момент весьма удобным для того, чтобы с помощью германских войск «усилить натиск с запада на истерзанную, измученную Латвию и угрожать нам»².

Подавление германскими войсками Советской власти в Курляндии сопровождалось кровавым белым террором. Лица, подозревавшиеся в сочувствии Советской власти, расстреливались без суда и следствия.

В Вентспилсе было расстреляно после его занятия германскими войсками 400 человек³. В Кулдиге лишь в течение нескольких дней после занятия ее немцами было убито 136 человек⁴. С особенной свирепостью кровавый террор развернулся в Тальсинском уезде, где за поимку каждого красноармейца или бывшего служащего советских органов власти была объявлена премия в размере 100 рублей. Вот некоторые данные о деятельности Тальсинского военного полевого суда. Были расстреляны Фрицис, Эда, Лизетте и Мария Чумал за активную поддержку Советской власти (Фрицис Чумал был председателем комитета имения, а Мария Чумал — кассиром этого комитета); Матис Бингевиц и Эрнест Блюмфельд —

¹ R. Goltz, Als politischer General im Osten, S. 126.

² В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 232.

³ «Der Bolschewismus und die Baltische Front», S. 47.

⁴ «Socialdemokrats» № 173, 4.VIII. 1929.

за сообщение органам Советской власти сведений о контрреволюционной деятельности немца Гюбнера; Эрнест Круминь — за службу в Красной Армии; Карл Блумфельд и Альма Вейсман — за «большевистскую агитацию»; Лизетте Круминь и Юле Янсон — за предоставление органам Советской власти сведений о контрреволюционной деятельности одного помещика; Андрей Берзинь, арестованный «ввиду тяжелых улик», был расстрелян «при попытке к бегству» и т. д.¹

Самое активное участие в установлении в Латвии режима кровавого террора принимали американские империалисты. Они считали, что США должны сыграть руководящую роль в подавлении революционного движения в Европе. Член конгресса США Рансдил с циничной откровенностью заявлял в конгрессе 25 февраля 1919 г.: «Жандармский контроль должен быть установлен над Европой, и Америка должна принять в этом участие»².

К убийствам, совершавшимся в Курляндии германскими войсками, имели самое непосредственное отношение и американские империалисты. Особенно ярко это проявилось во время разгула белого террора в Елгаве.

Об участии американцев в массовых убийствах латышей свидетельствует, например, опубликованная впоследствии в США статья американского лейтенанта Ф. Джонсона, заснявшего на пленку сцену расстрела в Елгаве 18 латышских большевиков. Джонсон писал, что 26 мая 1919 г., как только он прибыл со своим кино съемочным аппаратом в Елгаву, встречавшие его на вокзале 7 офицеров АРА сообщили, что уже в тот же день ему придется заснять на пленку казнь 18 большевиков. Вечером он отправился вместе с Грином и его адъютантом в тюрьму. Некоторые из осужденных были несовершеннолетними мальчиками. Перед расстрелом их заставили лечь на землю, и им был зачитан смертный приговор. Затем осужденные должны были выстраиваться по три человека на краю ямы. При этом автор статьи не может не признать исключительную мужественность их поведения. «Этот последний приказ,— писал Джонсон,— выполняется без какого-либо проявления трусости... На их лицах можно читать упрямое мужество. Один из маль-

¹ ЦГА Латвийской ССР, ф. 6033, д. 20, л. 140—141.

² «Congressional Record», v. 57, part 5, p. 4208.

чиков, когда подходит его очередь, бежит к яме бегом. Когда наш киноаппарат ловит выражение его лица, он сделал противную гримасу, издеваясь над палачами». Осуществляли приговор солдаты железной дивизии¹.

Германские империалисты, подавляя Советскую власть в Латвии, делали все возможное для укрепления там своих позиций.

Следует отметить, однако, что латышская национальная буржуазия, хотя и держалась у власти лишь при помощи германских штыков, ориентировалась все же прежде всего на страны Антанты. До тех пор, пока немецкие оккупанты не чувствовали себя в Лиепае еще достаточно крепко, им приходилось мириться с такой позицией латвийского правительства. Но в дальнейшем у германских империалистов росло желание иметь в Лиепае такое правительство, которое беспрекословно выполняло бы все их распоряжения. Свержение правительства Ульманиса и создание нового правительства, которое ориентировалось бы исключительно на Германию, было возложено на местных немецких баронов, чтобы внешне изобразить этот акт как чисто внутреннее дело Латвии.

Новое правительство должен был возглавить, согласно планам германских империалистов, бывший лифляндский ландмаршал фон Стрик. Осуществление технической стороны заговора было поручено офицеру германской разведки Штоку. Однако Ульманису удалось случайно узнать о подготавливавшемся заговоре. 18 февраля 1919 г. на прибывшем в Лиепаю пароходе при таможенном осмотре был обнаружен подозрительный пакет. В пакете оказались документы, в которых были изложены разработанные Стриком планы свержения латышского и эстонского буржуазных правительств и создания из Латвии и Эстонии балтийской монархии, в правительстве которой преобладающее влияние имели бы немецкие бароны. В пакете находилась, между прочим, совершенно секретная записка Стрика об устройстве этого государства, согласованная, как в ней указывалось, «с официальными органами Германии и фракциями рейхстага». В записке предусматривалось, что правительство балтийской монархии должно быть избрано лифляндским ландтагом. Если учитывать состав ландтага, это означало,

¹ «Latvijas Kareivis» № 38, 15.II.1924.

что оно было бы образовано почти исключительно из местных немецких баронов. Далее в записке говорилось, что в новом государстве «форма правления должна быть конституционно-монархической». Правительство этого государства должно было заключить с Германией различные соглашения (военную конвенцию, таможенную унию и др.). Подписание этих соглашений фактически привело бы к полному поглощению Латвии и Эстонии Германией.

Правительство Ульманиса, узнав о заговоре, немедленно отправило в страны Антанты телеграмму с просьбой о помощи. Заговор, который германские империалисты собирались провести внезапно и без особого шума, явно провалился.

Но германские империалисты не собирались мириться с правительством Ульманиса, не желавшим беспрекословно слушаться их. Началась усиленная подготовка нового заговора против Ульманиса, причем она проводилась на этот раз так, чтобы действовать наверняка. В Лиепаяу были вызваны с фронта ударные части ландесвера во главе с бароном Мантейфелем и отряд германских войск под командованием Пфэффера. 16 апреля 1919 г. эти части разоружили находившиеся в Лиепаяе латышские войска, разогнали правительство Ульманиса и захватили всю власть в Лиепаяе и прилегающем районе в свои руки.

Положение, создавшееся в связи с захватом германскими оккупантами всей власти в Лиепаяе, вызвало сильное беспокойство англичан, опасавшихся чрезмерного укрепления позиций Германии в английской «сфере влияния».

Английские империалисты были заинтересованы в том, чтобы использовать германские войска для подавления Советской власти в Латвии. Но в то же время они были серьезно озабочены попытками германского правительства добиться укрепления своих позиций в Латвии. Поэтому до тех пор, пока германские войска послушно выполняли возложенную на них странами Антанты задачу — подавление Советской власти, — германские войска встречали всяческую поддержку со стороны Англии. Но как только германское правительство принимало какие-либо меры в целях укрепления своих позиций в Латвии, это сразу же приводило к резким противоречиям между Англией и Германией и вызывало решительные

протесты со стороны английских правящих кругов. Английское правительство передало 23 апреля 1919 г. правительству Германии ноту с требованием «восстановить в Лиепае положение, существовавшее до переворота, совершенного недавно германскими войсками против латвийского правительства»¹.

Что касается позиции американского правительства в этом вопросе, то оно опасалось, что конфликт, возникший между латышской национальной буржуазией и германскими оккупационными властями, может сорвать начавшееся еще в марте наступление всех антисоветских сил, собранных в Курляндии. Оно считало необходимым срочно урегулировать противоречия между враждовавшими сторонами. Американские империалисты решили создать в Латвии правительство, которое обеспечило бы условия для сотрудничества латышской национальной буржуазии с германскими оккупационными властями. Как выше указывалось, Англия потребовала 23 апреля 1919 г. от Германии восстановления правительства Ульманиса. Америка же была согласна на компромисс, то есть на создание правительства, в котором наряду с членами старого правительства Ульманиса участвовали бы и немецкие бароны.

Несмотря на то что Прибалтика входила в «сферу влияния» Англии, американская миссия во главе с Грином сумела добиться того, что представители английского правительства в Прибалтике примирились с проводимой ею политикой.

В этом с особой отчетливостью проявилась та главенствующая роль, которую сыграли в интервенции в Латвии американские империалисты.

22 апреля 1919 г. Грин собрал в американской миссии в Лиепае специальное совещание, в котором принимали участие командующий английскими военно-морскими силами на Балтийском море адмирал Коуэн, командующий французской эскадрой капитан 1-го ранга Бриссон, представитель министерства иностранных дел Англии Уатсон и другие. Совещание приняло решение послать генералу Гольцу письмо с требованием, чтобы части Мантейфеля и Пфедффера, принимавшие участие в свержении правительства Ульманиса, были немедленно выведены из Лие-

¹ ИДА, ф. 330, оп. 1, д. 17, л. 29.

паи. После осуществления этих мер, говорилось в письме, союзные миссии будут рекомендовать своим правительствам «в целях энергичного продолжения войны против большевизма» оказывать поддержку лишь такому правительству Латвии, в котором будут представлены наряду с латышской буржуазией и местные немецкие бароны. Письмо подписал от имени всех присутствовавших Грин¹.

25 апреля 1919 г. Гольц вызвал к себе представителей немецких баронов и заявил им: «До обеда завтрашнего дня должно быть образовано новое правительство, иначе дело балтов² проиграно». Гольц подчеркнул при этом, что в состав правительства должны быть включены для видимости также представители латышей, но лишь из прогермански настроенных кругов³.

На следующий день, 26 апреля 1919 г., было создано новое правительство. Главой его был назначен предатель латышского народа, открытый германофил пастор Ниедра, еще в 1905—1907 гг. заслуживший ярую ненависть латышского народа своим участием в подавлении революционного движения в Латвии. Новое правительство состояло из четырех представителей немецких баронов и шести представителей явно прогермански настроенной части латышской буржуазии.

Состав нового правительства не удовлетворил американскую миссию, так как оно могло рассчитывать на поддержку лишь незначительной части латышской буржуазии. Грин же стремился к созданию такого правительства, которое могло бы объединить все контрреволюционные силы Латвии. Американская миссия проявила исключительную энергию и настойчивость, чтобы добиться изменения состава правительства. Грин принял на себя роль посредника между Ульманисом и Ниедрой. Он имел беседы с каждым из них, а 30 апреля 1919 г. устроил совещание, на котором присутствовали Ульманис и Ниедра. Грин добивался принятия Ульманисом и Ниедрой выработанного им плана создания компромиссного правительства. Несмотря на давление, оказанное Грином на Ниедру и Ульманиса, это совещание никаких результатов все же не дало.

3 мая 1919 г. страны Антанты предъявили решитель-

¹ «Foreign Relations of the U. S., P. P. C., 1919», v. XII, p. 176.

² Балты — немецкие бароны Прибалтики.

³ R. Goltz, Als politischer General im Osten, S. 114.

ное требование генералу Гольцу о создании коалиционного правительства. 6 мая участникам спора был вручен ультиматум: до ночи 7 мая должно быть достигнуто соглашение, «или же союзники порвут все отношения с ними и примут такие меры в отношении предоставления продовольствия, которые они сочтут необходимыми», то есть недвусмысленно был сделан намек на организацию экономической блокады. Срок ультиматума был продлен на 12 часов, но никакого соглашения так и не было достигнуто¹.

Таким образом, все попытки американской миссии образовать коалиционное правительство и тем самым добиться урегулирования противоречий между латышской национальной буржуазией и германскими интервентами успехом не увенчались. Германские империалисты, захватившие власть в свои руки, не хотели сдавать позиций.

Английское правительство направило 4 мая 1919 г. германским властям ноту с требованием сместить командующего германскими войсками в Латвии Гольца², надеясь этим заставить Германию пойти на уступки. Германское правительство отклонило это требование как вмешательство в его внутренние дела. Более того, чтобы одним ударом положить конец затянувшемуся конфликту, оно пригрозило в своей ответной ноте странам Антанты 9 мая 1919 г. выводом из Латвии своих войск³.

Страны Антанты, заинтересованные в сохранении в Латвии германских войск, пошли на попятную. Они фактически отказались от всех своих требований о создании компромиссного органа власти. С молчаливого согласия стран Антанты правительство Ниедры, созданное германскими оккупационными властями, стало хозяином в Курляндии.

6. Подавление Советской власти в Риге и Северной Латвии

В конце марта 1919 г. красным латышским стрелкам удалось остановить на расстоянии нескольких десятков километров от Риги наступление германских полчищ.

¹ «Report of the Mission to Finland, Esthonia, Latvia and Lithuania on the Situation in the Baltic Provinces», Washington, 1919, p. 21.

² ИДА, ф. 330, оп. 1, д. 17, л. 34.

³ Там же, л. 36, 37.

Прекращение продвижения германских войск вызвало сильное недовольство среди латышской контрреволюции, а также империалистов США, Англии и Франции. Латышская буржуазия стала упрашивать командование германских войск возобновить наступление, чтобы захватить столицу Советской Латвии Ригу. 22 марта 1919 г. Ульманис, будучи еще главой правительства, явился к Гольцу с ходатайством о занятии Риги. Немецкое командование обещало Ульманису выполнить его просьбу. Позже с аналогичным ходатайством к Гольцу обратился Ниедра.

С требованием о занятии Риги обращались к командованию германских войск в Латвии также американские, английские и французские империалисты.

Тот факт, что американская миссия требовала от германского командования продолжения наступления и занятия Риги, подтверждает в своих воспоминаниях генерал Гольц¹.

Глава Американской администрации помощи (АРА) Гувер сообщает в своих мемуарах, что им в середине мая 1919 г. была отправлена телеграмма Гольцу с требованием занятия Риги. Ответ Гольца был положительным².

На занятии Риги немецкими войсками настаивали также английские и французские империалисты. 11 апреля 1919 г. требование о скорейшем занятии Риги было предъявлено Гольцу командующим английской военно-морской эскадрой в Лиепае адмиралом Синклером, а затем и главой французской военной миссии в Каунасе Ребу. В случае занятия Риги Синклер обещал снять препятствия, которые еще существовали в снабжении германских войск в Прибалтике морским путем.

18 апреля 1919 г. министерство иностранных дел Германии направило германской комиссии по перемирию в Спа телеграмму для передачи представителям стран Антанты, в которой сообщалось, что Германия приветствует инициативу Синклера и Ребу и «готова к наступлению на балтийском и литовском фронтах в соответствии с предложениями Синклера и Ребу». В телеграмме ставился вопрос об участии в наступлении на Ригу

¹ *R. Goltz, Meine Sendung in Finnland und im Baltikum, S. 190.*

² «*The Memoirs of Herbert Hoover, Years of Adventure 1874—1920*», p. 374.

английских и американских войск и военно-морских сил. «Желательно обсудить также,— указывалось в телеграмме,— всю совокупность действий против большевиков на балтийском, литовском и польском фронтах; между нами и союзными и присоединившимися государствами следовало бы выработать точную договоренность об осуществлении этого мероприятия»¹. На следующий день содержание этой телеграммы было сообщено представителям стран Антанты.

О большом значении, какое придавали американские, английские и французские империалисты быстрейшему захвату германскими войсками Риги, свидетельствует также и тот факт, что 9 мая 1919 г. этот вопрос был подвергнут обсуждению на заседании представителей стран Антанты в Париже.

Член американской делегации Гувер предложил распределить обязанности следующим образом: «Немцы должны действовать на суше, согласуя свои действия с английским флотом, который будет действовать с моря»². Таким образом, американское правительство добивалось прямого военного сотрудничества английских и германских вооруженных сил и интервенции в Латвии.

Прежде чем возобновить наступление, Гольц решил согласовать свои планы и намерения с германским правительством. В этих целях он отправился 9 мая 1919 г. в Берлин. Из мемуаров Гольца видно, что социал-демократическое правительство Германии полностью одобрило его планы и, в частности, санкционировало захват Риги³.

В эти дни на востоке Советской России развивались серьезные события. Красная Армия нанесла Колчаку в апреле—мае 1919 г. решительное поражение. Началось отступление белых по всему фронту.

Чтобы помочь Колчаку отвлечь часть войск Красной Армии с Восточного фронта, страны Антанты решили организовать наступление на других участках. Распоряжение об активизации военных действий получили войска Юденича. 13 мая они перешли из Эстонии в наступление на Петроград. Собирались в поход также белые эстонские войска. Военный представитель Эстонии в Лиенае сообщил в первой половине мая 1919 г. герман-

¹ ИДА, ф. 330, оп. 1, д. 17, л. 28.

² «Foreign Relations of the U. S., P. P. C., 1919», v. IV, p. 691.

³ R. Goltz, Als politischer General im Osten, S. 118.

скому командованию, что эстонские войска намерены начать наступление в Южном направлении с целью занять железнодорожный узел Крустпилс (на берегу Даугавы).

Одновременно страны Антанты потребовали от Германии, как уже указывалось, начать новое наступление. Германским полчищам, значительно превосходившим части красных латышских стрелков по численности и обеспечению военными материалами, удалось захватить 22 мая 1919 г. столицу Советской Латвии Ригу.

Контрреволюция торжествовала. С ликованием встретила известие о захвате германскими войсками Риги также латышская буржуазия.

Советская власть в Латвии была, таким образом, задушена иностранными интервентами.

Захват германскими войсками Риги был облегчен тем, что против Советской Латвии обрушились в это время и другие интервенты. С юго-востока против Советской Латвии наступали белопольские войска. Заняв 21 апреля Вильнюс, они двинулись по направлению к Даугавпилсу. 14 мая им удалось захватить Свенцяны, расположенные в 45 км южнее Даугавпилса. С севера наступали при поддержке финских, шведских и датских добровольцев белоэстонцы. Все эти войска интервентов пользовались поддержкой американских, английских и французских империалистов: они координировали их операции, снабжали их военными материалами, продовольствием и обмундированием, помогали своими военно-морскими силами, обучали их войска.

Красные латышские стрелковые полки также выросли к маю 1919 г. по сравнению с осенью 1918 г. и насчитывали в своих рядах около 40 тыс. солдат. Однако для обороны Советской Латвии против иностранных интервентов этих сил было мало. Резко чувствовался недостаток боеприпасов. Отсутствие достаточной связи усугублялось исключительной растянутостью фронта. Чрезвычайно невыгодным было также стратегическое положение Советской Латвии. Она была окружена иностранными интервентами с трех сторон. Если белопольским войскам удалось бы прорваться к Даугавпилсу, а белоэстонским войскам — к Крустпилсу, Советская Латвия оказалась бы окруженной со всех сторон и отрезанной от России.

Красная Латвия могла получить помощь в борьбе против иностранных интервентов только от Советской России и других братских советских республик. Но в это время они сами вели ожесточенную борьбу с силами внешних и внутренних врагов. В самый разгар первого похода Антанты, когда на Востоке решалась судьба Советской России, она сама и братские республики, естественно, не в состоянии были оказать существенную помощь красным латышским стрелкам. Более того, чтобы отразить начавшееся 13 мая 1919 г. наступление Юденича, с участка фронта, на котором наступали белоэстонцы, было снято 5 полков. Они были отправлены на защиту Петрограда. При таких условиях красные латышские стрелки не могли устоять против натиска интервентов. Они были вынуждены не только оставить Ригу (22 мая), но и отступить в Латгалию.

Захват интервентами Риги сопровождался новыми зверствами и злодеяниями, превзошедшими все, что творили они до того в других городах Латвии. Комендантом Риги был назначен командующий ландесвером Флечер, уже раньше «прославившийся» своей бесчеловечностью. Он учинил жесточайшую расправу над населением города, расстреливая всякого, кто подозревался немцами в сочувствии Советской власти. О зверском терроре, установленном Флечером в Риге, красноречиво свидетельствовало следующее распоряжение, опубликованное им в Риге 27 мая 1919 г.:

1) В течение 12 часов должно быть сдано имеющееся у населения оружие. За невыполнение — расстрел.

2) В течение 48 часов должны зарегистрироваться лица, служившие в органах Советской власти. За невыполнение — расстрел.

3) Всякий, кто будет прятать или поддерживать таких лиц, будет расстрелян.

4) Каждый, кто выйдет на улицу с 6 часов вечера до 6 часов утра, будет расстрелян.

5) Если из какого-либо дома будут стрелять, все жители дома будут расстреляны.

6) Немедленно должны быть зарегистрированы все телефоны. За невыполнение — расстрел.

Всего в распоряжении Флечера насчитывалось 10 таких пунктов, причем все они сводились к одному: «за

несоблюдение — расстрел»¹. Германские головорезы истребили в Риге в течение нескольких дней после ее занятия не менее 4500 человек, в том числе много женщин, детей и стариков². Всего при подавлении иностранными интервентами Советской власти в Латвии было убито не менее 15 тыс. человек³.

Как видно из протокола заседания правительства Ниедры от 10 июня 1919 г., в это время в рижских тюрьмах томилось еще 4 тыс. политзаключенных⁴. Многих из них ожидала та же участь. Заключение голодали, содержались в крайне антисанитарных условиях по 100—150 человек в камере. По свидетельству самого министра юстиции правительства Ниедры, питание заключенных было крайне недостаточным⁵.

Население захваченных германскими интервентами районов Латвии страдало от свирепого белого террора, реквизиций и конфискаций, от разбоя и грабежа со стороны германских солдат.

О вопиющих злодеяниях германских оккупантов американский историк Грехэм пишет, например, что «прибалтийская армия фон дер Гольца, которая преднамеренно была сохранена в западной части Курляндии в соответствии с условиями перемирия., терзала местное население актами разбоя, свирепыми реквизициями, постоянными обысками и конфискациями и повсеместным убийством латышей по малейшему подозрению...»⁶

¹ ИДА, ф. 38г, оп. 1, д. 91, л. 9.

² А. *Jablonskis*, *Buržuazijas terors un strādnieku šķiras stāvoklis tā sauktajā «demokratiskajā»*, Latvijā, Rīgā, 1947, 8. lpp. По другим данным, в Риге было убито значительно больше. Так, немецкая газета «Фрейхейт» писала 18 августа 1919 г., что в Риге убито немецкими захватчиками 5600 человек, а «независимый» социал-демократ Гаазе заявил в своем выступлении в Национальном собрании Германии, что количество убитых оккупантами составляет в Риге от 6 тыс. до 7 тыс. человек. (*Stenographische Berichte über die Verhandlungen der deutschen Nationalversammlung*. 1919, S. 1296).

³ А. *Jablonskis*, *Buržuazijas terors un strādnieku šķiras stāvoklis tā sauktajā «demokratiskajā»* Latvijā, 8. lpp. Из мемуаров главы тогдашнего правительства Латвии Ниедры видно, что почти все они были расстреляны без суда, так как суды разобрали лишь 356 дел, приговорив к смертной казни 174 человека.

⁴ А. *Niedra*, *Kā tās lietas tika darītas*, 176. lpp.

⁵ Там же.

⁶ М. W. *Graham*, *New Governments of Eastern Europe*, New York, 1927, p. 331.

Но кровавый белый террор и дикие зверства иностранных интервентов не могли погасить пламя ненависти народных масс к захватчикам и сотрудничавшей с ними местной буржуазии. В тылу германских войск продолжалась героическая борьба латышских трудящихся. В захваченных оккупантами районах Латвии действовало много партизанских отрядов. Наиболее энергичную деятельность развернули отряды в северных и центральных районах Курляндии, возглавляемые Е. Грицманом и К. Кретулисом. Партизаны действовали почти на всей территории Курляндии. Особенно активными были их выступления в Тукумском, Талсинском и Вентспилском уездах. Они то и дело появлялись в различных населенных пунктах, проводили митинги и собрания населения, призывая его на борьбу с оккупантами и латышской буржуазией. Население снабжало партизан продовольствием, сообщало им сведения о передвижении карательных отрядов и т. д.

Народные мстители не упускали ни одной возможности, чтобы отплатить захватчикам за их зверства. Они нападали на немецкие жандармские патрули, группы германских солдат и офицеров, взрывали мосты, громили имения немецких баронов. В конце апреля партизаны разбили в Талсинском районе жандармский карательный отряд, который творил расправу над теми, кто поддерживал партизан. 1 мая они совершили нападение близ г. Талси на штабную машину ландесвера. Несколько дней спустя в районе Тукума партизаны атаковали колонну подвод с боеприпасами и продовольствием; бой длился 3 часа. 13 мая они напали на немецкий кавалерийский отряд¹.

Глава американской миссии Грин с негодованием доносил в Париж, что по дороге из Елгавы в Ригу поезд с американским продовольствием дважды подвергся нападению большевистских отрядов².

Все попытки интервентов парализовать действия партизан, расправиться с ними оказывались безуспешными. Народные мстители, тесно связанные с местным населением, всегда вовремя получали сведения о приближении

¹ См. «Lielā Oktobra revolūcija un ārzemju militārā intervencija Latvijā», Rīgā, 1957, 230.—231. lpp.

² «Foreign Relations of the U. S., 1919, Russia», p. 680.

карательных отрядов и успевали скрыться от преследователей.

Безуспешность своих действий против партизан признавали сами оккупанты. В обзоре послевоенных боев германской Восточной армии сообщалось, что 2 мая кавалерийский отряд Энгельгардта предпринял внезапный набег на район озера Усма, так как поступили сведения, что там действовал большевистский партизанский отряд. «Само собой понятно,—говорилось в обзоре,—что результаты этого набега чувствовались недолго»¹.

Но и это признание страдает неточностью, так как отряд Энгельгардта не повстречал ни одного партизана. Народные мстители при поддержке трудящихся умели отлично скрываться от карателей.

Пренебрегая смертельной опасностью в условиях жесточайшего оккупационного режима, латышский народ не складывал оружия. Интервенты оказались не в силах подавить волю к борьбе свободолюбивого латышского народа. Германские оккупанты ни на минуту не чувствовали себя в безопасности. Всюду их подстерегала карающая рука народных мстителей. Латышский трудовой народ во главе с большевиками продолжал вести героическую борьбу за свое освобождение.

7. Разлад в лагере интервентов

8 мая 1919 г. германское командование в связи с обострением отношений между Германией и Польшей издало приказ о переброске на германо-польскую границу 1-й гвардейской запасной дивизии. В конце мая, после захвата Риги, часть дивизии покинула Латвию².

Империалисты стран Антанты опасались, что в случае вывода из Прибалтики германских войск они лишатся важного союзника в борьбе с Советской Россией. Кроме того, они не сомневались в том, что вывод германских войск приведет к немедленному восстановлению в Латвии Советской власти.

¹ «Der Feldzug im Baltikum», S. 111.

² Там же, стр. 117—120.

30 мая 1919 г. правительства стран Антанты вручили германскому правительству ноту, в которой заявили об отказе от своего требования отозвать Гольца¹.

Германские империалисты решили использовать уступчивость стран Антанты для того, чтобы еще больше упрочить свои позиции в Латвии.

Прежде всего германские империалисты считали необходимым укрепить созданное ими правительство Ниедры, придать ему видимость «законного» правительства. В этих целях ему предложено было организовать выборы «народного собрания».

Ниедра разработал подробную программу подготовки созыва «народного собрания». Эта программа была изложена в меморандуме, врученном им представителям США, Англии и Франции в Прибалтике 5 июня 1919 г. Меморандум заслуживает внимания прежде всего в том отношении, что он полностью раскрывает антинародный характер правительства Ниедры. В меморандуме Ниедра признавал, что, кроме партии большевиков, в Латвии нет других сколько-нибудь значительных политических партий. Он писал, что «народное собрание» не должно базироваться на партийном представительстве. «Народное собрание» не могло быть создано, по его мнению, также путем проведения всеобщих выборов. «Всеобщее избирательное право,— признавал Ниедра,— принесло нам дважды в течение двух лет диктатуру пролетариата. Поэтому на основе всеобщего избирательного права коалиционное правительство базироваться пока еще не может». «Народное собрание» должно было быть создано, по его мнению, путем предоставления в нем определенного количества мест каждой из национальных и социальных групп (курий). Ниедра предлагал распределить в «народном собрании» места поровну между следующими группами: латышской сельской и городской буржуазией; латышскими рабочими (вместе с представителями свободных профессий, «чтобы рабочие имели возможность избрать образованных людей»); национальными меньшинствами, в основном немцами.

На такой же основе Ниедра предлагал создать и правительство².

¹ ИДА, ф. 330, оп. 1, д. 17, л. 45.

² ИДА, ф. 78, д. 2, л. 153—154.

Ниедра признавал, таким образом, что Коммунистическая партия Латвии была гораздо сильнее, чем все остальные политические партии, вместе взятые. Он не сомневался, что в случае проведения всеобщих выборов подавляющее большинство народа проголосовало бы за большевиков. Поэтому Ниедра положил в основу своего проекта реакционный царский избирательный закон, деливший все население на курии и заранее определявший, сколько мест будет иметь в избираемом органе каждая курия. Латышскому городскому и сельскому пролетариату, представлявшему собой подавляющее большинство населения страны, Ниедра считал возможным предоставить в «народном собрании» не более одной трети мест.

Помимо лишения латышского пролетариата подобающего ему количества мест в «народном собрании», Ниедра предусматривал еще один способ извращения воли латышского трудового народа: он предлагал рабочим избирать членов «народного собрания» не из своей собственной среды, а из представителей свободных профессий, то есть главным образом из среды мелкобуржуазных кругов. Ниедра рассчитывал, что эти представители мелкой буржуазии будут защищать в «народном собрании» не интересы рабочих, а интересы имущих классов.

Только путем подобных махинаций Ниедра мог надеяться создать послушное ему «народное собрание», опираясь на которое он мог бы «законным» образом властвовать над латышским народом.

Само же правительство Ниедры по-прежнему было покорным орудием в руках германских империалистов. Эта зависимость правительства Ниедры определялась прежде всего тем, что оно могло существовать лишь при поддержке германских войск. Об этом свидетельствовало, в частности, его письмо германской миссии в Латвии от 23 мая 1919 г. Ниедра обращался к германскому правительству с ходатайством «оставить еще на некоторое время германские войска в Латвии»¹, так как местный ландесвер был не в состоянии обеспечить его господство над латышским народом.

Укрепляя свое положение в оккупированных районах Латвии, германские империалисты продолжали при-

¹ ИДА, ф. 330, оп. 1, д. 17, л. 39.

нимать меры к захвату остальных, не занятых ими еще частей страны.

Германские войска двинулись из Риги как на восток, продолжая борьбу с красными латышскими стрелками, так и на север, чтобы занять Северную Латвию. Продвижение на север сулило интервентам захват значительной территории при минимальных жертвах. Поэтому основная часть германских войск была брошена именно в этом направлении.

В то же время из Эстонии двигались на юг белоэстонские и сформированные в Эстонии белолатышские войска, подчинявшиеся Ульманису и отказывавшиеся признавать правительство Ниедры. Германские интервенты, преследуя свои империалистические цели, были заинтересованы в том, чтобы не упустить лишнего куска своей добычи. Они всячески стремились предотвратить захват эстоно-латышскими войсками сколько-нибудь значительной территории Латвии.

Опасаясь, что продвижение германских войск в Северную Латвию, которую начали занимать с севера подвластные Англии белые эстоно-латышские войска, может вызвать протест со стороны Антанты, германские интервенты решили перевести «железную дивизию» и другие германские части в состав ландесвера. Этим формальным актом немецкие войска были превращены из германских в «латвийские». В середине июня в ландесвер перешла вся «железная дивизия». Были созданы сильные воинские части, которые официально считались «латвийскими» и находились формально под властью правительства Ниедры. Фактически же они продолжали осуществлять экспансионистские стремления германских империалистов.

В начале июня 1919 г. в районе Цесиса произошла стычка между продвигавшимися на север частями ландесвера и белыми эстоно-латышскими частями. С прибытием более крупных сил обеих сторон это столкновение грозило перерасти в серьезный военный конфликт.

Произошло по существу столкновение интересов германских империалистов и их ставленников в лице правительства Ниедры, с одной стороны, и английских империалистов и ориентировавшихся на Англию кругов латышской и эстонской буржуазии — с другой.

Германские империалисты, как уже говорилось, стремились к захвату всей Латвии. Английское правительство, серьезно заинтересованное в использовании германских войск для борьбы против Советской власти, в то же время не могло равнодушно смотреть на попытки Германии захватить Северную Латвию.

Американские империалисты были весьма встревожены опасностью вооруженного столкновения внутри лагеря интервентов в Прибалтике. Возможность занятия германскими войсками всей территории Латвии их не волновала. Более того, они были даже готовы передать ее в руки германских оккупантов, лишь бы немецкие войска скорее снова были брошены против Красной Армии. Что их действительно серьезно беспокоило — так это опасность взаимного истребления белых полчищ в Прибалтике, срыв дальнейшего наступления против советских войск. Поэтому американская миссия в Прибалтике снова (как и после разгона германскими оккупантами 16 апреля 1919 г. правительства Ульманиса) забила тревогу и приняла срочные меры к тому, чтобы ликвидировать конфликт мирным путем и снова бросить все силы германских интервентов и националистической контрреволюции в Прибалтике на борьбу против Красной Армии.

7 июня 1919 г. в Лиепае было созвано совещание с участием представителя командования английской военно-морской эскадры Дафа, командующего французской военно-морской эскадрой Бриссона, Грина и Таллентса. Собравшиеся пришли к заключению, что «столкновение севернее Риги между латышскими войсками,двигающимися из Эстонии на юг, и немцами вместе с балтами, направляющимися из Риги на север, представляет собой величайшую опасность, которая может разразиться в любой момент»¹.

Для урегулирования конфликта было созвано 10 июня 1919 г. в Цесисе специальное совещание, в котором принимали участие глава американской миссии подполковник Грин, член американской миссии подполковник Доули, английский подполковник Таллентс, французский полковник Юрстель, командующий ландесвером Флечер

¹ «Report of the Mission to Finland, Esthonia, Latvia and Lithuania on the Situation in the Baltic Provinces», p. 29.

и представители эстонских и созданных Ульманисом в Эстонии латышских войск Ринк и Калниньш.

Руководил совещанием, а вернее, распоряжался на совещании, глава американской миссии в Прибалтике Грин. Излагая ход переговоров, Калниньш заявил впоследствии, что на совещании «говорил лишь полковник Грин, остальные же союзники не сказали ни слова»¹.

Учитывая, что войска правительства Ниедры, на службу к которому перешли германские части, превосходили по количеству наступавшие с севера эстоно-латышские войска и могли поэтому предпринять более серьезные действия против Красной Армии, Грин поддержал на совещании правительство Ниедры. В предложении, внесенном американской миссией на совещании, говорилось: «Самым важным является в настоящее время борьба против большевиков... Соседние государства должны поддерживать в меру своих сил друг друга в общей борьбе против большевиков. Должен быть создан сильный антибольшевистский фронт, который в Эстонии должен удерживаться эстонскими и в Латвии — латвийскими войсками»². Согласно этому предложению белые эстоно-латышские войска должны были отойти на север, а «латвийский» ландесвер, состоявший в действительности почти из одних немцев, должен был получить возможность занять Северную Латвию.

Настаивая на принятии своего предложения, весьма невыгодного для белых эстоно-латышских войск, американская миссия оказывала на их представителей на совещании усиленное давление. Несмотря на это, представители белых эстоно-латышских войск все же не приняли предложения американской миссии. Но американская миссия продолжала настаивать на своем и отложила решение вопроса до 20 июня 1919 г. До этого срока между враждующими сторонами по требованию Грина было заключено перемирие.

Таким образом, во время переговоров в Цесисе американские империалисты снова проявили готовность пойти на любые уступки германским империалистам, лишь бы максимально использовать их войска для

¹ «Māc. Andr. Niedras, Dr. T. Vankina un zv. adv. Ansberga prāva», 2. d., 156. lpp.

² A. Niedra, *Kā tās lietas tika darītas*, 265. lpp.

борьбы против Красной Армии. Кроме того, во время переговоров в Цесисе еще раз отчетливо проявилась руководящая роль, которую играли в сплочении всех антибольшевистских сил Прибалтики американские империалисты.

После переговоров, состоявшихся 10 июня в Цесисе, американская миссия снова вытасила на свет свой план создания в Латвии коалиционного правительства, так как она считала это лучшим способом объединения всех контрреволюционных сил Латвии для борьбы против большевиков. Она полагала целесообразным вступление нескольких членов группы Ульманиса в состав правительства Ниедры¹.

В те же дни, когда Грин занимался ликвидацией конфликта между германскими империалистами и национальной буржуазией Латвии и Эстонии и восстановлением в Прибалтике единого антибольшевистского фронта, вопрос о Прибалтике был подвергнут всестороннему изучению странами Антанты также в Париже. Но принятые в Париже решения резко отличались от тех, на которых настаивал в Прибалтике Грин. Английские представители добились принятия своих предложений по вопросу о политике стран Антанты в Прибалтике.

Английское правительство было серьезно встревожено укреплением германских позиций в Прибалтике. Особенно его беспокоили попытки германских войск проникнуть в районы Северной Латвии, которые были заняты подвластными Англии белыми эстоно-латышскими войсками. Между тем германские войска уже выполнили возложенную на них задачу по подавлению Советской власти в Прибалтике. Поэтому английское правительство считало, что пора убрать их из Прибалтики. Оно надеялось, что при поддержке стран Антанты местная буржуазия сможет удержаться теперь у власти и без помощи германских войск.

Вопрос о дальнейшей политике стран Антанты в Прибалтике был подвергнут подробному обсуждению в Париже на заседании глав делегаций великих держав (так называемом «совете четырех») 13 июня 1919 г. Были представлены рекомендации военных представителей стран Антанты, считавших, что настало время возло-

¹ «Germania» № 265, 14.VI.1919.

жить основную ответственность по борьбе против большевиков в Прибалтике на местные буржуазные правительства. Поэтому предлагалось запретить германским войскам продолжать продвижение на север, потребовать от Германии немедленно вывести свои войска из Лиенаи и Вентспилса, а затем вообще эвакуироваться из Прибалтики. Далее, в этих рекомендациях говорилось, что «крайне необходимо оказать местным национальным войскам в этих провинциях помощь поставками снаряжения, вооружения, боеприпасов, обмундирования и других материалов, а также выделить необходимые суммы денег». Все эти меры предлагалось принять немедленно¹.

В решении «совета четырех» говорилось:

1) Запрещается всякое продвижение германских войск в сторону Эстонии. Германские войска должны немедленно покинуть Лиенаю и Вентспилс, а затем, в соответствии со статьей XII соглашения о перемирии, в возможно короткий срок эвакуироваться из Прибалтики.

2) Местные национальные войска прибалтийских провинций должны быть снабжены снаряжением, вооружением, боеприпасами, обмундированием и другими материалами.

3) Военные представители союзников должны представить предложения о том, какие именно поставки и кому должны быть направлены².

Основную роль в осуществлении этого решения предстояло сыграть союзнической миссии в Прибалтике во главе с Гофом.

Миссия Гофа, прибыв в Прибалтику, сосредоточила в своих руках всю фактическую власть над прибалтийскими государствами и стала основным центром по организации антисоветских вооруженных сил и координации их действий. Одновременно принимались все возможные меры к тому, чтобы укрепить в Прибалтике английское влияние. В секретной инструкции английского правительства Гофу специально указывалось, что он должен добиваться ослабления в Прибалтике германского влияния³.

¹ «Foreign Relations of the U. S., P.P.C., 1919», v.VI, p. 375—376.

² Там же, стр. 374.

³ «Report of the Mission to Finland, Esthonia, Latvia and Lithuania on the Situation in the Baltic Provinces», p. 38.

Если американцы были согласны на любые уступки Германии в Прибалтике, то английские империалисты вовсе не хотели допускать установления немцами своего господства в английской «сфере влияния». Этим и объясняется позиция, занятая Гофом в конфликте, возникшем в Северной Латвии между германскими и белыми эстони-латышскими войсками.

Эстонские, а также латышские войска, сформированные на территории Эстонии, были созданы преимущественно на английские средства и снабжены английским вооружением. Установив свое господство над Эстонией, английские империалисты рассчитывали укрепить с помощью этих войск свою власть и над Латвией. Для этого они считали необходимым заменить правительство Ниедры новым правительством Ульманиса¹. Англичане не сомневались, что в случае восстановления Ульманиса у власти он будет их верным слугой. Гольц писал по этому вопросу, что «английская пшеница могла цвести в Прибалтике лишь при власти Ульманиса, который щедро раздавал многочисленные богатства страны английским торговцам, лишь бы ему быть за это премьер-министром»².

Прибыв в Латвию, генерал Гоф потребовал от немецкого командования отвести германские войска южнее Цесиса.

Явно рассчитывая на поддержку США, Гольц отказался выполнить это требование, заявив, что с подобными требованиями следует обращаться к германскому правительству. Гольц рассчитывал, что, пока будет вестись эта официальная переписка, он осуществит свои захватнические планы в Латвии вооруженной силой и поставит английских империалистов перед совершившимся фактом.

Планы германских империалистов видны из совершенно секретного приказа командующего ландесвером Флечера от 16 июня 1919 г. В приказе говорилось: «Задача в настоящее время заключается в том, чтобы поддержать правительство Ниедры и любыми средствами предотвратить восстановление правительства Ульманиса. Это может быть достигнуто лишь путем победы как над эстон-

¹ 16 апреля 1919 г. Ульманис нашел убежище в английской миссии в Лиепае. После этого он пребывал под охраной английских военных кораблей на пароходе «Саратов» на рейде лиепайского порта.

² R. Goltz, Meine Sendung in Finnland und im Baltikum, S. 185.

скими войсками, так и над латышскими войсками Ульманиса. Железная дивизия поможет нам в этом всеми своими силами. С востока, где большевики начинают активизировать свои действия, угрожает уже новая опасность. Но против большевиков следует выступить лишь после того, как Северная Латвия будет очищена от эстонцев и восставших латышей...»¹ Таким образом, Германия намеревалась захватить всю Северную Латвию, а затем уже направить удары своей армии на восток, против Советской России.

18 июня 1919 г. Гольц издал приказ о наступлении. На следующий день германские войска обрушились около Цесиса на белые эстоно-латышские войска. Эстоно-латышским войскам удалось отразить германское нападение, и 22 июня они перешли в контрнаступление. Германские части оказались перед опасностью полного разгрома и поспешно отступали. Правительство Ниедры, державшееся у власти лишь при прямой помощи германских войск, прекратило свое существование. С помощью английских интервентов было восстановлено у власти правительство Ульманиса. 27 июня 1919 г. в Лиепаве, которую германские войска покинули по требованию стран Антанты еще 23 июня, были расклеены объявления, в которых говорилось, что при содействии союзных держав восстанавливается прежнее правительство, то есть правительство Ульманиса. Под объявлением стояла подпись английского генерала Гофа². Английские интервенты считали себя, таким образом, полными хозяевами в Латвии. Выступивший тогда же с заявлением Ульманис выразил свою рабскую благодарность правительствам Англии, Франции, США и их представителям за водворение его на пост премьер-министра.

Тем временем продолжалось отступление германских войск по направлению к Риге. Эстоно-латышские части продолжали преследовать их с явным намерением изгнать с территории Латвии.

Однако английское правительство изменило свою политику в вопросе о дальнейшем пребывании германских войск в Прибалтике. Объяснялось это тем, что германские войска не представляли уже опасности для английских

¹ ИДА, ф. 38г, оп. 1, д. 91, л. 13.

² ИДА, ф. 38а, д. 29, л. 174.

позиций в Латвии. Вместе с тем правительство Англии учитывало, что немецкие войска можно будет использовать для борьбы с Советской властью. На позицию английского правительства не могла не оказать своего влияния и та исключительная настойчивость, с какой добивались сохранения германских войск в Латвии американские империалисты.

30 июня 1919 г. в Лиенае под председательством английского генерала Бэрта состоялось совещание представителей союзных миссий. Было решено принять срочные меры к прекращению наступления эстоно-латышских частей и заключению ими нового перемирия с германскими войсками. Для передачи эстоно-латышским войскам требований союзников к ним был отправлен глава французской миссии дю Парке. Особенно большое давление оказали на эстонское правительство и правительство Ульманиса представители США. Член американской мирной делегации полковник Логан вместе с прибывшим в то время в Париж Грином вызвали к себе находившегося в Париже министра иностранных дел буржуазного правительства Эстонии Поску. Американцы предъявили ему требование о том, что «необходимо немедленно прекратить внутреннюю борьбу между эстонцами и латышами, с одной стороны, и немцами, с другой... Если балтийцы не положат конец гражданской войне,— пригрозили Григ и Логан,— то американцы прекратят поставки продовольствия балтийским государствам»¹. Аналогичное заявление Грин сделал также одному из представителей Ульманиса в Париже — Озолсу².

Требование о немедленном заключении перемирия было предъявлено американцами правительству Ульманиса и в Латвии. Представитель АРА Орбисон заявил Ульманису, что мука с американских пароходов, прибывших в Ригу, будет разгружаться лишь в том случае, если Ульманис согласится выполнить это требование.

3 июля 1919 г. при непосредственном участии представителей стран Антанты между эстоно-латышскими войсками, с одной стороны, и германскими — с другой, был подписан договор о перемирии. Военные действия должны были прекратиться согласно договору 3 июля 1919 г.

¹ ИДА, ф. 38а, д. 8, л. 131.

² Там же, л. 132.

К 5 июля 1919 г. Ригу надлежало очистить от германских войск, которые были обязаны отойти южнее Даугавы. «Запрещается,— говорилось в договоре,— любое продвижение вперед германских войск в Латвии, за исключением такого, которое направлено против большевистских войск Российской Советской Республики...» Осуществление перемирия должно было происходить под контролем союзнической военной миссии¹.

Представители английских и американских интервентов приняли на некоторое время управление Ригой на себя. Гражданским губернатором Риги стал английский подполковник Таллентс. Обязанности военного губернатора принял на себя временный руководитель американской миссии в Прибалтике подполковник Доули. Одновременно начальником лиепайского гарнизона был назначен английский подполковник Робинсон².

Эти шаги англо-американских интервентов мало даже квалифицировать как открытое вмешательство во внутренние дела Латвии. Очевидно, правящие круги стран Антанты не были убеждены, что после отхода германских войск латвийская буржуазия сможет собственными силами удержать власть, и поэтому решили взять на себя обязанности по подавлению любого возможного выступления латышского народа, то есть функции жандармов.

Таким образом, по требованию империалистов стран Антанты германским войскам была предоставлена возможность остаться в Курляндии. Правительство Ульманиса было вынуждено согласиться на сохранение германских войск в Латвии, хотя это и противоречило его интересам, ибо оно опасалось нового нападения с их стороны. Заключение правительством Ульманиса договора о перемирии с немцами лишней раз продемонстрировало его полнейшую зависимость от американских, английских и французских империалистов.

События, имевшие место в Латвии в июне — июле 1919 г., показали также, с какой неисчерпаемой энергией империалисты стран Антанты, в особенности Соединенных Штатов Америки, продолжали сколачивать единый фронт всех антибольшевистских сил в Прибалтике, вклю-

¹ ИДА, ф. 38в, оп. 1, д. 31, л. 3. Договор о перемирии был составлен на английском языке, что также свидетельствует о его англо-американском происхождении.

² «Сiņa» № 148, 24.VI.1952.

чая и германские войска, для борьбы против Советской власти.

Иностраннм империалистам удалось совместными усилиями подавить к середине 1919 г. Советскую власть на большей части территории Латвии. Но в то же время выявились резкие противоречия между иностранными империалистами по вопросу о том, кто из них должен стать хозяином на оккупированной территории.

Не менее ожесточенная борьба разгорелась между германскими интервентами и латышской буржуазией. Она приобрела форму открытого вооруженного конфликта. Противоречия среди империалистических держав, а также между ними и местной буржуазией привели к полному разладу в лагере контрреволюции в Прибалтике. Эти противоречия оказались в тот момент сильнее, чем стремление интервентов и местной буржуазии к объединению сил для совместной борьбы против Советской власти.

Как войска интервентов, так и силы местной контрреволюции серьезно пострадали в результате разгоревшегося в Северной Латвии вооруженного конфликта. Они надолго оказались не в состоянии продолжать наступление против Красной Армии. Советские войска получили тем самым на латвийском фронте некоторую передышку. Часть их могла быть переброшена на Южный фронт, где началось наступление Деникина.

ЛАТВИЯ И ВТОРОЙ ПОХОД АНТАНТЫ. ЗАКАБАЛЕНИЕ ЛАТВИИ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИМИ ДЕРЖАВАМИ

(Июнь — декабрь 1919 г.)

1. Подготовка латвийских, германских и русских белогвардейских войск к участию во втором походе Антанты

К середине 1919 г. стало очевидным, что первый поход Антанты, основной ударной силой которого были войска Колчака, провалился. Не спасли Колчака ни помощь американских, японских, английских и французских войск, ни поставки из стран Антанты военных материалов, ни поддержка со стороны Деникина, Юденича.

Однако разгром Колчака не означал, что иностранной интервенции и гражданской войне в России наступил конец. Интервенты не хотели мириться с существованием Советской республики, они изыскивали новые пути и средства для подавления в России Советской власти. Иностранные империалисты принялись за подготовку нового похода. Главной ударной силой его должны были явиться сформированные на юге России белогвардейские войска Деникина.

Иностранные интервенты также готовили наступление вооруженных сил буржуазных государств, окружавших Россию с запада. В походе, как заявлял военный министр Англии Черчилль, один из его наиболее активных организаторов, должны были принять участие 14 государств.

Весьма важная роль отводилась в планах интервентов Прибалтике. Политика английского правительства в отношении прибалтийских государств, писал впоследствии Черчилль, заключалась в то время в том, чтобы «сделать все возможное для обеспечения антибольшевистских войск вооружением и снаряжением из громаднейших запасов излишков военных материалов Англии, а также для оказания им помощи военными экспертами и инструкторами

в создании своих собственных боеспособных войск. Естественно, мы должны были попытаться объединить антибольшевистские вооруженные силы всех окраинных государств в одну военную и политическую систему и заставить их сделать все возможное. Такова твердо проводившаяся нами политика...»¹

Но для того чтобы буржуазные государства Прибалтики, в том числе и Латвия, могли выполнить возложенные на них задачи по борьбе против Советской России, страны Антанты считали необходимым сперва упрочить внутреннее положение в прибалтийских государствах и укрепить их вооруженные силы.

Что касается буржуазной Латвии, то иностранные интервенты стремились прежде всего укрепить само латвийское буржуазное правительство с тем, чтобы оно было в состоянии сплотить все находившиеся на территории Латвии антисоветские вооруженные силы для участия во втором походе Антанты. Ставшие полными хозяевами в стране американские, английские и французские империалисты решили осуществить план миссии США: создать в Латвии правительство, в котором наряду с латышской буржуазией участвовали бы и немецкие бароны.

По требованию стран Антанты правительство Ульманиса, восстановленное у власти распоряжением Гофа от 27 июня 1919 г., подало в отставку.

В протоколе заседания правительства Ульманиса от 30 июня 1919 г. говорилось: «Председатель Народного совета Чаксте сообщает, что союзники выразили решительное пожелание, чтобы реконструкция кабинета произошла в Лиепае еще сегодня; это следовало бы учесть, поэтому он предлагает кабинету немедленно подать в отставку, чтобы можно было сформировать новый кабинет». Хотя некоторые члены правительства и признали на этом заседании, что «предъявленное требование является глубоко унижительным», оно все же было принято².

Под руководством генерала Гофа 14 июля было сформировано новое правительство (снова во главе с Ульманисом), в состав которого было включено три представителя немецких баронов. Гувер указывает в своих мемуарах, что большую роль в создании коалиционного

¹ W. Churchill, *The World Crisis*, v. 5, p. 169.

² ЦГА Латвийской ССР, ф. 118с, оп. 1, д. 276, л. 107—108.

правительства сыграли также американцы — полковник Грум и лейтенант Гаррингтон¹.

Восстановление правительства Ульманиса распоряжением Гофа от 27 июня, увольнение его в отставку 30 июня и создание 14 июля нового правительства еще раз со всей наглядностью показывали, как бесцеремонно страны Антанты вмешивались во внутренние дела Латвии. Эти события с предельной ясностью разоблачают полную зависимость латвийского буржуазного правительства от иностранных империалистов, которые меняли латвийские правительства, как управляющих в своих колониях.

Немецкие бароны, включенные в состав правительства, стали все более решительно требовать возвращения им имений, конфискованных и переданных в руки крестьян при Советской власти. Эти требования всецело поддерживались американскими и английскими миссиями в Латвии. Страны Антанты хотели восстановить немецких баронов в качестве силы, которая снова могла бы держать в узде латышский народ. Население Латвии не без оснований опасалось, как бы сотрудничество латышской буржуазии с немецкими баронами не привело к осуществлению этих коварных планов.

Народные массы страны по-прежнему относились к буржуазному правительству резко враждебно. Это правительство могло держаться у власти, господствовать над народом только с помощью вооруженной силы.

О непрочном положении буржуазного правительства Латвии свидетельствует донесение французского военного атташе в Швеции своему правительству от 3 августа 1919 г. Он писал, что, в случае если новое правительство Ульманиса немедленно не получит оружие, снаряжение и деньги, обещанные английской миссией, оно не сможет удержаться дольше 15 августа и будет сметено народными массами².

О том же свидетельствовала телеграмма Ульманиса Вильсону, полученная в Вашингтоне 17 августа 1919 г. В телеграмме говорилось: «Временное правительство Латвии бессильно выполнить свои обязанности без вашей немедленной помощи... Временное правительство Латвии

¹ См. «The Memoirs of Herbert Hoover. Years of Adventure 1874—1920», p. 376.

² См. «Documents on British Foreign Policy» (в дальнейшем: «British Foreign Policy»), 1st series, v. I, p.345.

считает своим долгом просить ваше превосходительство предоставить Латвии деньги, вооружение, продовольствие, обмундирование и боеприпасы»¹.

Для укрепления своего положения латвийское буржуазное правительство по-прежнему принимало энергичные меры к тому, чтобы подавить революционное движение в стране любыми средствами. Даже газета латышских меньшевиков «Социалдемократс» была вынуждена признать: «Мы ежедневно получаем в редакции с разных сторон сведения о насилиях и безобразиях представителей власти, но, к сожалению, вследствие цензурных условий не в состоянии освещать эти факты»².

Некоторые сведения о новых зверствах латышской буржуазии в печать все же попали. Так, 30 июля 1919 г. в той же газете было опубликовано следующее сообщение, проливающее некоторый свет на действия латышской буржуазии: «В середине этого месяца в Валмиерском уезде действовала карательная экспедиция, которая состояла примерно из 100 человек... Эта экспедиция примерно за 10 дней объехала все селения и волости Валмиерского уезда и арестовала за время своей деятельности около 200 человек... Если можно было бы собрать и описать все те ужасы, которые были причинены карательной экспедицией в тех селениях, хуторах и имениях, которые она посетила, то получился бы ужаснейший рассказ... В одном из имений Валмиерского уезда были арестованы почти все батраки, а некоторые из них «плетками» избиты до крови»³.

Существенных результатов все эти меры латвийского буржуазного правительства все же не дали. Латышские коммунисты не складывали оружия. В Латвии продолжали действовать партизанские отряды. Нелегальные коммунистические организации выпускали листовки, вели большую разъяснительную и агитационную работу.

Одновременно с укреплением внутреннего положения в Латвии империалисты стран Антанты принимали меры к усилению белолатышских войск, боровшихся против Красной Армии.

На фронт были переброшены все находившиеся в тылу латышские войска. Это было сделано по прямому распо-

¹ «Foreign Relations of the U. S., 1919, Russia», p. 702—703.

² «Socialdemokrats» № 33, 11.VIII.1919.

³ «Socialdemokrats» № 23, 30.VII.1919.

ряжению представителей Антанты, причем вопреки желанию латышского буржуазного правительства, опасавшегося нового нападения находившихся в Курляндии германских войск.

8 июля 1919 г. Гоф издал распоряжение о реорганизации и отправке на советско-латвийский фронт немецких частей балтийского ландесвера. Командующим ландесвером был назначен член английской военно-политической миссии в Прибалтике подполковник Гарольд Александер. Вскоре ландесвер был направлен под командованием Александера для борьбы против Советской России. Представители стран Антанты в Прибалтике придавали отправке ландесвера на фронт очень большое значение, так как они не были уверены в боеспособности войск Ульманиса. Они сомневались прежде всего в их «благонадежности».

Важнейшей задачей страны Антанты считали увеличение численности латвийской армии и снабжение ее военными материалами. Инициативу в этом вопросе снова проявил глава американской миссии в Прибалтике Грин, выдвинув свой очередной «конструктивный» план. Он был изложен в меморандуме генеральному секретарю американской «мирной» делегации в Париже Грю 30 июня 1919 г. Снова, подчеркнув исключительно выгодное стратегическое положение Прибалтики в качестве плацдарма для наступления на Советскую Россию, Грин рекомендовал:

«1) чтобы Великобритания и Соединенные Штаты приняли на себя мандаты на прибалтийские провинции и Литву;

2) чтобы была принята решительная политика борьбы с большевизмом, которая должна быть осуществлена путем оказания помощи и посредством руководства антибольшевистскими войсками, действующими в прибалтийских провинциях, Литве и на Петроградском фронте, причем как теми, которые уже существуют, так и теми, которые должны быть сформированы; помощь должна быть оказана деньгами, достаточным количеством различного рода продовольствия и полным снабжением военными материалами¹;

¹ Вооружение, боеприпасы и другие военные материалы в изобилии могут быть поставлены из имеющихся во Франции запасов, за кото-

3) чтобы в Эстонии и на Петроградском фронте военные обязанности и ответственность, вытекающие из этой политики, приняла на себя английская военная миссия;

4) чтобы в Латвии и Литве эти же обязанности и ответственность приняла на себя американская военная миссия;

5) чтобы местным правительствам были предоставлены небольшие займы;

6) чтобы население было снабжено достаточным количеством продовольствия»¹.

Империалисты стран Антанты действительно не жалели средств для подготовки латвийской армии к выступлению против Советской России. Особенно щедро снабжали латвийскую армию всем необходимым американские империалисты. Еще 17 июня 1919 г. был заключен договор о поставках латышским войскам военных материалов из американских складов вооружения во Франции². Правительство Латвии получило в течение 1919 г. из складов США во Франции различные военные материалы на сумму в 2 521 869 долларов. Примерно на такую же сумму поставила Латвии различные товары АРА. Значительную «помощь» оказали американские интервенты латвийской армии также через американский Красный Крест и другие организации. «Помощь» оказывалась буржуазной Латвии отчасти в долг, отчасти (через Красный Крест) бесплатно. Кроме того, большое количество военных материалов американские империалисты поставили Латвии за наличный расчет.

Весьма активную деятельность по организации и снабжению латвийской армии развили английские империалисты. 29 августа 1919 г. заместитель главы межсоюзнической военной миссии в Прибалтике английский генерал Марш сообщал члену миссии английскому генералу Бэрту, что «латвийскому и литовскому правительствам немедленно будут предоставлены необходи-

рые уже уплачено и которые сохранены в количествах, превышающих любые возможные потребности, и для хранения которых необходимы дорогостоящие складские помещения и обслуживающий персонал (примечание документа. — В. С.).

¹ «Foreign Relations of the U. S., P.P.C., 1919», v. XII, p. 212—213.

² ИДА, ф. 38г, оп. 5, д. 176, л. 53—54.

мые вооружение и боеприпасы с тем, чтобы сделать их боееспособными»¹. Из письма министерства иностранных дел Англии латвийскому посланнику в Лондоне Биссе-неку от 8 сентября 1919 г. видно, что британской военной миссии в Таллине были даны инструкции отправить в Ригу полное снаряжение, включая вооружение и обмундирование, на 10 тыс. солдат².

Помимо использования запасов, уже имевшихся у англичан в Прибалтике (преимущественно в Таллине), в Ригу присылались военные материалы непосредственно и из Англии. Крупная партия боеприпасов была отправлена из Англии в Латвию в октябре 1919 г. Она состояла из 28 орудий, 18 600 винтовок, 124 пулеметов, 30 тыс. снарядов, 10 млн. патронов и других военных материалов³. В начале декабря 1919 г. в Ригу прибыли также английские танки. Всего до 1920 г. английское правительство поставило Латвии военных материалов на 2 320 169 фунтов стерлингов⁴.

Значительное количество военных материалов латвийское правительство купило в Англии также в обмен на лен, лес и другие экспортные товары Латвии. Кроме того, много военных материалов было прислано правительству Ульманиса в счет кредита, который был предоставлен ему английским «Нейшенэл метал энд Кемекэл бенк» через «Ллойд бенк». Правительство Ульманиса задолжало банку за поставки военных материалов 775 тыс. фунтов стерлингов⁵.

Кроме организации поставок вооружения англичане занимались также обучением латвийских войск. Руководил организацией и обучением белолатышских войск член союзнической миссии в Прибалтике английский генерал Бэрт, имевший в своем распоряжении целую группу английских офицеров.

Будучи прикомандированы к командующим отдельными воинскими частями, английские офицеры непосредственно руководили военными операциями белолатышских войск против Красной Армии.

¹ «British Foreign Policy», 1st series, v. III, p. 83—84.

² Там же, стр. 113.

³ *M. Peniķis, Latvijas nacionalās armijas cīņas 1919. gada vasarā un rudenī, Rīgā, 1931, 172. lpp.*

⁴ «Latvijas statistiskā gada grāmata. 1934», Rīgā, 1935, 83. lpp.

⁵ Там же.

Активное участие в снабжении белолатышских войск военными материалами, равно как и в их обучении, принимали и французские империалисты. Франция предоставила Латвии военные материалы на сумму около 20 млн. франков. 27 августа 1919 г. представитель правительства Ульманиса во Франции Сескис заключил с французским правительством специальный договор о поставках буржуазной Латвии военных материалов на сумму 15 млн. франков. Согласно этому договору Франция обязалась снабдить вооружением, боеприпасами и обмундированием целую дивизию белолатышских войск в составе 10 тыс. солдат¹. Уже 2 сентября Сескис телеграфировал в Ригу, что им начата приемка военных материалов от французского правительства².

По прибытии французских военных материалов в Латвию французская миссия в Прибалтике энергично взялась за формирование отдельной дивизии белолатышских войск. В латвийской буржуазной газете «Брива земе» было помещено по этому поводу следующее весьма характерное сообщение: «Начальник французской военной миссии дю Парке вернулся в Ригу из Н., где он инспектировал Н-ю дивизию. Эта дивизия полностью обеспечивается и вооружается Францией. Как обмундирование, так и вооружение и боеприпасы привезены из Франции. Дивизия будет полностью снабжена прекрасными французскими орудиями. 4 французских офицера уже прикомандированы к этой дивизии в качестве инструкторов. Ожидается прибытие еще трех французских офицеров, из которых один является офицером генштаба»³.

Такова была роль иностранных интервентов в организации, обучении и обеспечении белолатышских войск, которые должны были согласно плану Антанты выступить вместе с другими войсками интервентов против Советской России.

Существенное место в планах Антанты по-прежнему занимало также использование для борьбы против Советской России германских войск. Но для американских, английских и французских империалистов становилось все труднее открыто проводить свою политику антисо-

¹ ИДА, ф. 38г, оп. 1, д. 15, л. 56; ф. 38а, д. 13, л. 166—168.

² ИДА, ф. 38а, д. 18, л. 291.

³ «Brīvā Zeme» № 6, 9.I.1920.

ветского союза с германскими империалистами. Поэтому в целях обмана народов правительства стран Антанты начинают скрывать свою действительную позицию в этом вопросе и распространять демагогические заверения в том, что они отказываются от антисоветского союза с Германией и требуют отзыва из Прибалтики германских войск.

Желанием ввести в заблуждение народные массы стран Антанты объясняется та комедия, которая разыгрывалась правительствами этих стран, начиная с июля 1919 г. на Парижской мирной конференции и в комиссии по перемирию с Германией. Страны Антанты приняли множество «решений» о «немедленном выводе» из Прибалтики германских войск. Германии был послан по этому поводу целый ряд нот. Однако в действительности все оставалось по-прежнему: из Прибалтики германские войска эвакуированы не были. Разумеется, это объяснялось вовсе не «бессилием» стран Антанты, а заинтересованностью в сохранении германских войск в Латвии для использования их в борьбе против Советской России.

Весьма показательным является признание министра иностранных дел Германии Мюллера. Он заявил в германском Национальном собрании 9 октября 1919 г., что страны Антанты неоднократно неофициально сообщали германскому правительству о своей согласии оставить в Прибалтике германские войска¹.

Что касается германских империалистов, в том числе и «социалистического» правительства Шейдемана — Носке, то они охотно уцепились за возможность сохранения своих войск в Курляндии. Германские империалисты все еще не хотели отказываться от своих империалистических планов на Востоке.

Таким образом, с благословения как Антанты, так и германского правительства немецкие оккупационные войска оставались в Прибалтике. Империалистические державы Запада стремились и впредь использовать их для интервенции в Советской России.

Наряду с организацией в буржуазных прибалтийских государствах местных белолатышских войск и

¹ «Stenographische Berichte über die Verhandlungen der Deutschen Nationalversammlung» 1919, S. 2960.

привлечением к борьбе против Советской России находившихся там германских полчищ страны Антанты придавали большое значение организации в Прибалтике русских белогвардейских воинских частей.

Необходимый людской материал страны Антанты рассчитывали получить в лагерях русских военнопленных в Германии. В этих целях лагеря были переданы под контроль правительств США, Англии и Франции. Отправка военнопленных на родину была прекращена. В лагерях началась усиленная агитация за вступление в ряды белогвардейских частей. Представители стран Антанты заявили начальнику русского белогвардейского Красного Креста в Берлине Потоцкому, что они намерены создать из находившихся в Германии русских военнопленных белогвардейскую армию в составе 200 тыс. человек.

14 мая 1919 г. вопрос о создании русских белогвардейских воинских частей из находившихся в Германии русских военнопленных был рассмотрен на заседании «совета четырех». Было принято решение о переброске в Прибалтику и южные районы России части военнопленных, соглашающихся принять участие в борьбе против Советской России¹.

Основные расходы по организации этих войск взяло на себя германское правительство. Содействие организации русских белогвардейских частей в Прибалтике оказывали помимо германских государственных органов власти также крупные германские промышленники и финансисты.

Вербовка в Германии русских военнопленных для отправки их в Прибалтику проходила, таким образом, с полного согласия стран Антанты и Германии и при их активном сотрудничестве. Они были в одинаковой степени заинтересованы в создании из русских военнопленных воинских соединений, которые можно было бы использовать для свержения в России Советской власти.

Находившиеся в Латвии русские белогвардейские войска пополнялись также людьми из лагерей русских военнопленных в Польше. Как и в Германии, вербовкой солдат в Польше руководили представители американского, английского и французского правительств.

¹ «Foreign Relations of the U.S., P.P.C., 1919», v. IV, p.707—709.

Поскольку русские белогвардейские войска продолжали находиться в Курляндии на германском содержании, они оставались и в полной политической зависимости от Германии.

Во главе оставшихся в Латвии русских белогвардейских войск стал бывший офицер царской армии, махровый реакционер Бермонт. Войска его росли довольно быстро, так как они постоянно получали из Германии новые пополнения. По сведениям разведки буржуазного правительства Латвии, в середине августа 1919 г. в белогвардейских войсках, находившихся в Курляндии, насчитывалось около 6 тыс. солдат¹.

Планы же стран Антанты о создании 200-тысячной белогвардейской армии из солдат, завербованных среди военнопленных, провалились полностью. Добровольцами записывались лишь бывшие царские офицеры, а также сынки русских помещиков и капиталистов, мечтавшие о восстановлении в России старых порядков. Военный министр Носке писал, что «русские военнопленные не проявляли особенно сильного желания бороться на своей родине с большевиками. В течение нескольких месяцев для этой цели не удалось набрать и отправить в Курляндию даже 10 тыс. человек...»²

Германские империалисты, сколачивая в Латвии формирования из русских белогвардейцев, лелеяли надежду использовать эти формирования не только для свержения Советской власти в России, но и для осуществления своих захватнических планов в Прибалтике.

Германское командование, не имея после разгрома под Цесисом особых надежд на осуществление планов непосредственно при помощи своих войск и опасаясь, что Антанта все-таки может действительно потребовать вывода их из Латвии, решило даже включить свои части в состав русских белогвардейских войск. Как в мае — июне 1919 г. германские войска стали после включения их в ландесвер «латвийскими», так теперь Гольц собирался сделать их «русскими». Гольц писал, что он считал Бермонта заменой себе на случай, «если балтийское предприятие не могло бы больше существовать под немецким флагом... Офицеры и войска в

¹ ИДА, ф. 38ж, оп. 1, д. 111, л. 7.

² G. Noske, Von Kiel bis Kapp, S. 179.

Прибалтике знали это. Они были согласны подчиниться Бермонту-Авалову и переменить немецкую кокарду на русскую»¹.

Подготовку к возможному переходу германских солдат на «русскую службу» германское командование начало сразу же после разгрома немецких войск в Северной Латвии. Как свидетельствует Гольц, свое согласие на переход германских солдат в состав русских частей, равно как и на продолжение снабжения этих частей из Германии, выразили ему рейхсканцлер Эберт и министр иностранных дел Германии Мюллер.

Переход германских солдат в русские белогвардейские части происходил весьма быстро. Этому способствовало также обещанное высокое жалование. Германские солдаты должны были получать 11 марок, а офицеры — до 40 марок в день. Кроме того, германских солдат по-прежнему привлекала возможность безнаказанного грабежа. Германская газета «Берлинер фольксцейтунг» указывала, что подавляющее большинство германских солдат осталось в Латвии именно «с целью поживиться». Глава французской миссии в Прибалтике дю Парке не мог не признать в своих воспоминаниях, что германская армия в Прибалтике — «это армия разбойников».

Правительства стран Антанты были осведомлены о переходе германских солдат в войска Бермонта. Как-либо мер против этого перехода они, однако, не принимали, хотя поступление германских солдат на службу в войска иностранных государств было недвусмысленно запрещено даже Версальским мирным договором. Страны Антанты по-прежнему придерживались политики союза с германскими милитаристами для интервенции в России. Особое значение приобрел этот вопрос снова в связи с тем, что США, Англия и Франция стремились приурочить к новому походу Антанты выступление всех антибольшевистских сил, подготовленных ими в Прибалтике. Об этом свидетельствует, например, донесение главы английской военной миссии в Берлине генерал-майора Малькольма в министерство иностранных дел Англии от 8 августа 1919 г. Малькольм писал: «В последнее время наблю-

¹ R. Goltz, Als politischer General im Osten, S. 140.

дается большая активность в деле вербовки солдат в германские и находящиеся под германским влиянием русские войска, которые формируются в прибалтийских провинциях... Рассказывают, что эти войска очень хорошо обеспечены всем необходимым и содержатся на денежные средства, предоставляемые крупными германскими промышленниками, которые желают свергнуть ленинский режим, превратить прибалтийские провинции в германскую колонию и приступить впоследствии к эксплуатации русских ресурсов на пользу Германии...» Несмотря на все это, Малькольм приходит к выводу, что «постольку, поскольку полковник Бермонт намерен использовать свои войска против большевиков, он может оказать нам услугу»¹. Из книги Бишофа «Последний фронт» видно, что Малькольм поставил германские власти в известность о том, что «Антанта разрешит сотрудничество русских с германскими войсками»².

Так при участии стран Антанты и Германии в Прибалтике создавалась новая армия, которая должна была принять участие во втором походе Антанты. Она возглавлялась самыми отъявленными германскими и русскими реакционерами. Формированием этой армии было положено начало созданию союза между германской и русской контрреволюцией, ставившей своей задачей восстановление монархических порядков в России и Германии.

2. Подготовка совместного выступления всех контрреволюционных сил Прибалтики против Советской России

Готовясь ко второму походу Антанты, английские, американские и французские империалисты приняли энергичные меры к тому, чтобы организовать одновременное выступление против Советской России всех имевшихся в их распоряжении в Прибалтике антибольшевистских сил. Возглавила эту работу союзническая миссия в Прибалтике.

26 августа в Риге было созвано совещание представителей всех антисоветских сил в Прибалтике. Руко-

¹ «British Foreign Policy», 1-st series, v. III, p. 53—54.

² J. Bischoff, Die letzte Front, S. 208.

водил совещанием английский генерал Марш, возглавивший после отъезда Гофа союзническую миссию в Прибалтике. В совещании принимали участие представитель Юденича генерал Десино, командующий эстонскими войсками генерал Лайдонер, премьер-министр Латвии Ульманис, командующий латвийской армией генерал Симансон, командующий русскими белогвардейскими войсками в Латвии Бермонт, представитель литовской армии Беньяшевич и представитель польской армии полковник Мысловский. Совещание приняло решение о совместном наступлении против Советской России. Наступление должно было начаться 15 сентября 1919 г. Линия фронта была разделена между участниками предполагаемого похода следующим образом:

войска буржуазной Эстонии: от моря до железнодорожной линии Ямбург — Гатчина включительно;

войска Юденича: от железнодорожной линии Ямбург — Гатчина до реки Великая;

войска буржуазной Эстонии: от реки Великая до северного берега Лубанского озера;

войска буржуазной Латвии: от Лубанского до Белого озера;

войска Бермонта: наступают от Даугавпилса на Великие Луки;

войска буржуазной Литвы: от Белого озера до точки, находящейся в 35 км к юго-западу от Даугавпилса;

польские войска: на юго-восток от правого фланга литовцев¹.

Страны Антанты добились на совещании 26 августа 1919 г. заключения соглашения о совместном выступлении против Советской России. Они привлекли германские войска к участию в организуемом ими очередном походе против Советской России.

Английская газета «Дейли телеграф» сообщала: союзники прилагают все силы к тому, чтобы образовать единый фронт всех антисоветских сил «от Нарвы до Днестра *под командой союзного генерала* (подчеркнуто мной.— В. С.)»².

¹ ИДА, ф. 330, оп. 1, д. 17, л. 109.

² См. «Правда» № 215, 27 сентября 1919 г.

Действиями латышских, литовских и польских войск, то есть правым флангом общего фронта, должен был руководить английский генерал Бэрт.

Осуществление соглашения, заключенного 26 августа 1919 г., было, однако, связано с большими трудностями. Ульманис заявил Маршу, что продвижение войск Бермонта на Даугавпилс через Ригу неминуемо приведет к свержению его правительства, ввиду чего он отказался пустить эти войска в Ригу. Урегулированием этого вопроса занялся руководитель английской миссии в Прибалтике Таллентс. Он договорился с Бермонтом, что последний опубликует заявление, содержащее известные гарантии в отношении правительства Ульманиса. В подготовленном Таллентсом проекте заявления указывалось: Бермонт признает правительство Ульманиса, он не останется на территории Латвии дольше, чем необходимо, и т. д.¹ Однако Бермонт не сдержал своего обещания об опубликовании заявления.

Страны Антанты считали участие Бермонта в общем походе против Советской России исключительно важным: в войсках Юденича насчитывалось 18 500 человек², а в войсках Бермонта — около 50 тыс.

Привлечь Бермонта к участию во втором походе Антанты все же не удалось. Бермонт так и не согласился подписать вышеупомянутое заявление, которое требовал от него Таллентс. Не состоялось 15 сентября выступление также остальных участников совещания. Это в значительной степени объяснялось наличием противоречий, существовавших между участниками совещания: буржуазное правительство Латвии не решилось бросить свои войска против Советской России, опасаясь нападения Бермонта на Ригу; трудно урегулируемые противоречия существовали между Эстонией и Юденичем; весьма напряженными оставались отношения между Литвой и Польшей.

Организатор «похода 14 государств» Черчилль был вынужден признать провал своего плана.

Крах попыток организовать общий поход всех антисоветских сил Прибалтики против Советской России явился в значительной степени следствием нежелания Бермонта признавать независимость Латвии. Такая не-

¹ «British Foreign Policy», 1st series, v. III, p. 87.

² Г. Н. Караев, В боях за Петроград, М., 1951, стр. 145.

уступчивость объяснялась его зависимостью от германских империалистов. Не отказываясь от участия в войне против Советской России, германские империалисты все же хотели сперва укрепиться в Прибалтике; поэтому они требовали, чтобы Бермонт сначала занял Прибалтику (под предлогом восстановления «единой и неделимой» России) и лишь после этого двинул свои войска против Советской России.

Поскольку германские империалисты препятствовали немедленному выступлению войск Бермонта против Советской России, страны Антанты считали необходимым подчинить Бермонта своему влиянию.

Этим вопросом занялись представители стран Антанты в Париже. Было принято решение потребовать от Германии вывода из Латвии германских войск, подразумевая под этим, однако, отнюдь не действительный вывод из Латвии всех германских солдат, а лишь отозвание Гольца с его штабом.

Соответствующая нота стран Антанты была передана представителям германского правительства в комиссии по перемирию в г. Спа 27 сентября 1919 г.

3 октября 1919 г. германское правительство передало странам Антанты ответ на эту ноту, в котором дало согласие на вывод из Латвии своих войск. Оно сообщило также, что генерал Гольц отозван. Об эвакуации солдат, перешедших «на русскую службу», в ноте ничего не говорилось. Таким образом, германские солдаты, служившие в войсках Бермонта, могли и впредь оставаться в Латвии со взаимного согласия стран Антанты и германского правительства.

Еще 21 сентября 1919 г. Гольц заключил с Бермонтом специальный договор, который оформил массовый переход германских солдат в войска Бермонта. В договоре говорилось, что Гольц передает командование всеми находящимися в Курляндии войсками Авалову-Бермонту. «Немцы,— гласила первая фраза ст. 4 договора,— добровольно оставшиеся после ухода германских частей, поступают в распоряжение русского командующего и этим поступают на русскую службу»¹. Германские солдаты образовали в составе войск Бермонта «германский легион».

¹ ИДА, ф. 78, д. 2, л. 100—101.

Переход германских солдат в войска Бермонта был произведен с полного ведома и согласия миссий стран Антанты в Прибалтике. Представители германских войск в Латвии, посетившие 26 сентября 1919 г. министерство иностранных дел Германии, заявили по этому вопросу, что союзные миссии в Прибалтике «прямо и недвусмысленно выразили свое согласие на создание «германского легиона» в качестве составной части войск Бермонта»¹.

Гольц послал договор от 21 сентября на утверждение военному министру Германии Носке. 26 сентября 1919 г. он получил ответ следующего содержания: «Военный министр согласен с предложением генерала графа Гольца о передаче русским командования в районе Елгавы и о предоставлении немецким войскам права выбора: а) перейдут ли они на собственный риск на русскую службу или б) вернуться согласно приказу обратно в Германию...»²

Получив телеграмму Носке от 26 сентября, Гольц издал 3 октября 1919 г. приказ, согласно которому Бермонт принимал на себя командование всеми оставшимися в Курляндии войсками.

6 октября 1919 г. «железная дивизия» перешла в полном составе в подчинение Бермонта. Командующий «железной дивизией» Бишоф стал начальником штаба Бермонта. Был подписан тайный договор, согласно которому германским солдатам было обещано русское подданство и право на поселение в России. Германские солдаты, отслужившие в русской армии полгода, имели право получить 40 моргенов³ земли, отслужившие год — 80 моргенов и так далее до 140 моргенов⁴.

Весь смысл сделки, заключенной Гольцем с Бермонтом, виден из мемуаров Гольца. Он писал, что «начиная с 3 октября балтийское предприятие выдается внешне как русское... Лишь таким путем, может быть, удастся довести балтийское предприятие до благополучного конца...»⁵

¹ ИДА, ф. 330, оп. 1, д. 17, л. 129.

² Там же, л. 131.

³ 1 морген=0,25 га.

⁴ «Deutsche Allgemeine Zeitung» № 521, 24.X.1919.

⁵ R. Goltz, Als politischer General im Osten, S. 151.

Гольц признает, таким образом, что передача командования всеми войсками в Курляндии Бермонту вовсе не означала, что попытке осуществления германскими милитаристами своих планов на Востоке положен конец. «Балтийское предприятие» Гольца продолжало существовать, была заменена лишь кокарда на фуражках германских солдат. Гольц был убежден, что в случае если Бермонту действительно удастся осуществить при помощи германских солдат свои планы, то будут претворены в жизнь и все те надежды, которые он возлагал на свое «балтийское предприятие».

Бермонт, приняв на себя командование всеми находившимися в Курляндии русско-германскими войсками, приступил к подготовке наступления. К этому времени на других фронтах русским белогвардейским войскам и иностранным интервентам удалось временно добиться в борьбе против Советской России некоторых успехов. 6 октября 1919 г. Деникин занял Воронеж и 13 октября — Орел. Колчак снова перешел в наступление в районе Тобольска. Миллер наступал на Вологду и Петрозаводск. Юденич предпринял новое наступление на Петроград. Продвигались вперед также белополяки. Бермонт считал необходимым немедленно начать наступление.

30 сентября был издан приказ о подготовке войск к нападению на Ригу под девизом «Блицшлаг» («молниеносный удар»). На следующий день, 1 октября 1919 г., Бермонт созвал в Елгаве совещание высших чинов своих войск, на котором были приняты следующие решения: поход следует начать с нападения на Ригу; необходимо свергнуть правительства Латвии и Эстонии; генерал-губернатором Лифляндии и Курляндии будет назначен А. Ниедра; Латвии и Эстонии будет предоставлена автономия в пределах России, но без права содержать свои войска; прибалтийским помещикам обеспечиваются все их старые привилегии¹.

8 октября 1919 г. войска Бермонта перешли в наступление; через несколько дней они были уже под Ригой.

Войска Бермонта насчитывали в это время 51—52 тыс. солдат, 40 тыс. из которых составляли немцы.

¹ P. Berziņš, Latvijas brīvības cīņas, 69.—70. lpp.

Бермонт имел в своем распоряжении 100 орудий, 600 пулеметов, 50 минометов, 120 самолетов. «Вооружение армии... не оставляло желать ничего лучшего,— писал Бермонт.— Достаточно указать, что в некоторых пехотных частях число пулеметов доходило до 100 на полк».

Американские империалисты снова развили кипучую деятельность, чтобы урегулировать возникший конфликт и сколотить в Прибалтике единый антисоветский фронт. Уцепившись за сообщение Бермонта Ульманису от 10 октября, в котором указывалось, что он якобы согласен на заключение перемирия для совместного похода против Советской России, американские империалисты усиленно «советовали» латвийскому правительству принять это предложение. Сескис доносил в Ригу, что сотрудник американской мирной делегации Пирс заявил ему 14 октября 1919 г., что Латвии «безусловно следует принять мирные предложения Бермонта!»¹

Стремление империалистов стран Антанты использовать германские войска для подавления Советской власти в России окрылило германскую реакцию. Германские милитаристы стали выступать с планами организации «крестового похода» против большевиков. Еще в сентябре 1919 г. генерал Гофман изложил берлинскому корреспонденту газеты «Матэн» план подавления Советской власти в России. Он предложил организовать «военную экспедицию» против Москвы, основной ударной силой которой были бы германские войска и в которой принимало бы участие также по одной дивизии французских и английских добровольцев². Вслед за Гофманом с аналогичным планом выступил также генерал фон Клюк.

Страны Антанты не хотели отказаться от использования Бермонта даже после того, как он совершил 8 октября 1919 г. вооруженное нападение на другого сателлита Антанты — Латвию. Они считали в это время Бермонта более полезным союзником, чем правительство Ульманиса. Буржуазное правительство Латвии было не в состоянии предпринять сколько-нибудь серьезных военных действий. Бермонт же буквально еже-

¹ ИДА, ф. 38а, д. 13, л. 187.

² См. «Правда» № 210, 21 сентября 1919 г.

дневно заявлял о своей готовности немедленно выступить против Советской России.

Страны Антанты были согласны мириться с нападением Бермонта на войска буржуазной Латвии, лишь бы после захвата Риги армия Бермонта действительно пошла на восток против Красной Армии.

Надежды стран Антанты на то, что Бермонту легко удастся занять Ригу или что он, наконец, договорится с буржуазным правительством Латвии о проходе его войск через город, после чего войска Бермонта немедленно будут направлены на борьбу с Красной Армией, не оправдались. Бои под Ригой приняли затяжной характер.

Рассчитывать на скорую отправку потрепанных в боях под Ригой войск Бермонта против Советской России империалисты стран Антанты не могли. Поэтому они потребовали от Бермонта отойти на юг и очистить занятый им левый берег Даугавы около Риги. Бермонт отказался выполнить это требование. Тогда английские и французские военно-морские суда, находившиеся в Риге, помогли правительству Ульманиса перебросить его войска на левый берег Даугавы. 3 ноября 1919 г. началось контрнаступление белолатышских войск. Контрнаступление развивалось успешно, и вскоре войска Бермонта стали откатываться назад.

Однако разгром войск Бермонта, равно как и разгром в июне 1919 г. войск Гольца, вовсе не входил в планы стран Антанты. Они все еще надеялись использовать их для борьбы против Советской России. Поэтому страны Антанты считали необходимым принять срочные меры к тому, чтобы положить конец боям между Бермонтом и войсками буржуазной Латвии. Они все еще носились с надеждой объединить все антисоветские силы Прибалтики и бросить их в наступление против Советской России. Для осуществления этих целей была создана специальная комиссия во главе с французским генералом Нисселем. В ее состав входили кроме французских американские, английские, итальянские и японские офицеры¹.

Комиссия Нисселя прежде всего предъявила Ульманису требование о немедленном прекращении наступления.

¹ ИДА, ф. 38г, оп. 1, д. 1, л. 128.

Однако правительство Ульманиса, добившись пере­лома в ходе военных действий, спешило воспользоваться создавшимися благоприятными обстоятельствами для очистки территории Латвии от войск Бермонта и укло­нилось от выполнения требования Нисселя о прекраще­нии наступления.

Германские солдаты, перешедшие в августе — сен­тябре 1919 г. на «русскую службу», заявили теперь о своем возвращении под германское командование. Командующий германскими войсками в Прибалтике ге­нерал Эбергардт, сменивший на этом посту Гольца, по­спешил отправить Ульманису 19 ноября 1919 г. теле­грамму с предложением о перемирии. К концу ноября 1919 г. войска Бермонта покинули территорию Латвии. К середине декабря 1919 г. они были вынуждены оста­вить также территорию Литвы и перешли границу Во­сточной Пруссии¹.

Совместное выступление всех выпестованных запад­ными державами в Прибалтике войск против Советской России не состоялось. Оно было сорвано противоречиями в лагере врагов Советской страны. В конце 1918 и на­чале 1919 г., пока интервентам нечего было делить, страны Антанты без всяких распрей договаривались с Германией о совместных действиях в борьбе против Советской республики. Но как только в руках интервен­тов оказалась часть советской земли, началась ожесто­ченная борьба за овладение этой добычей. Противоре­чия между империалистическими державами, противоре­чия между ними и местной буржуазией Прибалтики оказались настолько сильными, что они то и дело при­нимали форму ожесточенных вооруженных столкно­вений.

¹ Части, созданные Гольцем в Прибалтике, после возвращения в Германию стали опорой германской реакции. В январе 1920 г. они приняли участие в монархическом путче Каппа. Позже эти части не­однократно использовались германским социал-демократическим пра­вительством для подавления революционного движения германского пролетариата. Они явились основой первых вооруженных отрядов гит­леровцев и составили ядро частей СА и СС. Многие из офицеров Гольца стали при Гитлере генералами (Рабенау, Кюхлер, Клейст, Сикст фон Арним, Заломон, Гудериан, Фрич, Штюльпнагель и др.) (см. А. Нор­ден, Между Берлином и Москвой, стр. 273—274). Гольц стал в период гитлеровской диктатуры председателем Национального союза герман­ских офицеров. Во время второй мировой войны свои услуги Гитлеру предложил также Бермонт.

Если в разгар второго похода Антанты, когда Деникин приближался к Москве, западным державам удалось бы бросить против Советской России все созданные ими в Прибалтике войска, то Советская Россия оказалась бы в состоянии огромной опасности. Ведь войска буржуазных правительств Эстонии, Латвии и Литвы вместе с войсками Юденича и Бермонта насчитывали свыше 150 тыс. хорошо вооруженных солдат. Но эта опасность миновала. Интервенты передрались между собой.

3. Военная и экономическая «помощь» иностранных империалистов буржуазной Латвии — средство ее закабаления

Американские, английские и французские империалисты усиленно добивались полного подчинения буржуазных прибалтийских государств своему господству, их политического и экономического закабаления. Осуществляя свои захватнические планы, они делали демагогические заявления о своем якобы содействии укреплению «самостоятельности» и «независимости» этих государств. Но под «независимостью» прибалтийских государств они понимали лишь их отторжение от Советской России, а отнюдь не действительную самостоятельность и независимость.

Английская газета «Таймс» откровенно писала относительно будущего прибалтийских государств, что «они не могут существовать как совершенно независимые и суверенные государства и союзные и объединившиеся государства будут физически не в состоянии (разумеется, они этого и не хотели.— В. С.) сохранять их таковыми»¹.

В деле закабаления прибалтийских государств империалистами Запада огромную роль сыграли как правительственные органы, так и отдельные группы банкиров, торговцев и промышленников США, Англии и Франции, установившие контроль над экономикой прибалтийских государств. «Финансовый капитал,— писал В. И. Ленин,— такая крупная, можно сказать решающая сила во всех экономических и во всех международных отношениях,

¹ «Times», 5.XI.1919.

что он способен подчинять себе и в действительности подчиняет себе даже государства...»¹

Поскольку Латвия находилась в английской «сфере влияния», важную роль в закабалении Латвии играли английские империалисты. После разгрома белыми эстонско-латышскими войсками армии генерала Гольца в июне 1919 г. Ульманис был восстановлен у власти, как уже указывалось, распоряжением английского генерала Гофа. За возвращение ему власти Ульманис должен был подчиняться всем требованиям Гофа. Указания английских представителей были законом для латвийского правительства. По их указке правительство Ульманиса должно было участвовать в интервенции против Советской России.

Зависимость латвийского буржуазного правительства от Англии определялась также тем, что оно оказалось в долгу у Англии за военные материалы, полученные им от английского правительства. Буржуазная Латвия задолжала Англии 2 320 169 фунтов стерлингов².

Англичане играли решающую роль в таком важнейшем вопросе, как определение границ между Латвией и ее соседями — Эстонией и Литвой. При этом они попытались выкроить кое-что и себе. Английские представители начали переговоры с эстонским правительством о предоставлении Англии права на устройство военно-морских баз на эстонском острове Эзель³.

Ими были подробно изучены все возможности проникновения в экономику Латвии. Староста рижской Большой гильдии немец Шварц рассказывал, например, представителям германской миссии в Латвии, что в конце июля 1919 г. его посетил один из членов английской миссии в Прибалтике и «подробнейшим образом выспрашивал его о крупной промышленности и оптовой торговле Риги. Он располагал точным списком всех фабрик и крупных фирм, с четким распределением по категориям. В отношении фирм, представляющих интерес для Англии, в списке указывалось, какие потребуются капиталы, чтобы пустить их в ход, и сколько времени это займет.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 246.

² «Latvijas statistiskā gada grāmata. 1934», 83. lpp.

³ «Vossische Zeitung» № 383, 30.VII. 1919.

Он был уже информирован обо всем до мельчайших подробностей...»¹

В целях поощрения проникновения английского капитала в экономику Латвии английское правительство предоставляло частным предпринимателям, вкладывавшим свои капиталы в Латвии, правительственные гарантии на случай возможных убытков.

Основную роль в экономическом закабалении Латвии играла группа английских банкиров во главе с директорами «Нейшенэл метал энд Кемикэл бэнк» Смитом и Фортингтоном, тесно связанными также с «Ллойд бэнк». В середине августа 1919 г. Фортингтон прибыл в Ригу. Он вел с Ульманисом, Мееровицем и министром финансов буржуазного правительства Латвии Эргардтом переговоры о поставках из Англии вооружения в обмен на латвийский лен и лес. Переговоры с Фортингтоном велись самым секретным образом. В конце августа 1919 г. Мееровиц телеграфировал Сескису в Париж, что весь имеющийся в Латвии лен продан Англии². Следовательно, к этому времени переговоры о поставках вооружения в обмен на лен уже привели к известным результатам. Строго секретный характер переговоров объяснялся прежде всего тем, что правительство Ульманиса пыталось скрыть от народных масс разбазаривание им природных богатств страны. Это было фактически обкрадыванием достояний латышского народа.

После отъезда Фортингтона из Риги министр финансов Латвии Эргардт предпринял поездку в Лондон, чтобы продолжить переговоры. В результате была достигнута договоренность, согласно которой «Нейшенэл метал энд Кемикэл бэнк» принял на себя посредничество в продаже за границей латвийского льна и закупке в Англии военных материалов для латвийского правительства. За свои услуги банк получал комиссионные в размере 5% стоимости проданного им латвийского льна и в размере 7,5% стоимости военных материалов, купленных им в Англии для латвийского правительства. Закупки военных материалов должны были отчасти финансироваться также самим банком, за что ему было предоставлено монопольное право на продажу за грани-

¹ ИЦА, ф. 330, оп. 1, д. 19, л. 146.

² ИЦА, ф. 38а, д. 13, л. 168.

цей латвийского льна. В результате этих операций правительство Ульманиса задолжало банку 750 тыс. фунтов стерлингов ¹.

Банк извлек в виде комиссионных от этого посредничества крупный барыш. Однако это показалось его хозяевам недостаточным. Пользуясь своим монопольным правом, банк продавал латвийский лен в Англии по заниженным ценам, за что получал, разумеется, дополнительные комиссионные от покупателей льна. По подсчетам комиссии Учредительного собрания Латвии, банк нанес Латвии, таким образом, убыток в размере многих сотен тысяч фунтов стерлингов ².

При прямой поддержке английского правительства банк начал переговоры о предоставлении ему на 15-летний срок монопольных прав на продажу за границей латвийского леса. Кроме того, банк вел с латвийским правительством переговоры об открытии в Латвии эмиссионного банка. Необходимый для этого капитал выдавался бы «Нейшенэл метал энд Кемикэл бэнк». Англичане требовали за это предоставления им большинства мест в дирекции эмиссионного банка, что дало бы английским империалистам полную власть над экономикой Латвии.

Политика английских империалистов в Латвии была довольно откровенно изложена в английской газете «Дейли геральд». «Мы держим,— писала газета,— в кулаке прибалтийские провинции, Польшу и Финляндию. Все эти государства — банкроты. Все они ожидают от нас кредитов, субсидий, признания, экономической и дипломатической поддержки. Польша привязана к Парижу, остальные обращают свои взоры на нас. Их независимость — понятие условное. Ни одно из этих государств не может сделать что-либо без нашего согласия. Прибалтийские провинции очень хорошо понимают, что наша заинтересованность в их благополучии и независимости от России является следствием наших интересов на Балтийском море. Мы не были в состоянии господствовать на этом море в течение войны, и мы теперь решили приобрести там постоянную точку опоры и завладеть этим

¹ «Latvijas statistiskā gada grāmata. 1934», 83. lpp.

² «Latvijas Satversmes sapulces stenogrammas», 1286., 1291., 1296. lpp.

морем так же, как мы владеем Средиземным морем уже в продолжение целого столетия»¹.

Помимо откровенного изложения империалистических планов Англии, направленных к установлению английского господства над Балтийским морем, в этой статье весьма наглядно вскрывалась зависимость буржуазной Латвии, равно как и других новых восточноевропейских государств от империалистических держав Запада. Газета совершенно справедливо указывала, что Англия держала Прибалтику в своих железных лапах и что разговоры о ее независимости были пустой болтовней.

Буржуазная Латвия оказалась, таким образом, на положении обычной английской полуколонии. Поэтому англичане считали возможным вести себя в Латвии таким же образом, как они вели себя в других своих колониях. Английские моряки, разместившиеся в латвийских портовых городах, творили в погоне за наживой всевозможные бесчинства и зверства. Они грабили беззащитных мирных граждан, вели безудержную спекуляцию дефицитными товарами: табаком, сигаретами, мылом, мануфактурными изделиями. Они не стеснялись прибегать к прямому насилию над латвийскими таможенными чиновниками, пытавшимися помешать доставке контрабандных товаров с английских военных кораблей на берег².

Спекуляцией занимались, однако, не только английские моряки, но и члены официальных английских представительств в Латвии. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что при отъезде из Латвии английский представитель Босенкет взял с собой помимо другого багажа 7 ящиков с посудой и картинами³.

«Офицеры,— говорил В. И. Ленин,— которые приезжали из Англии и Франции в наши окраинные государства инструктировать их войска, вели себя, как русские дворянчики-наглецы в побежденной стране. Они все направо и налево спекулировали. И чем больше голодают финляндские, польские и латышские рабочие, тем боль-

¹ «Daily Herald», 19.XI.1919.

² ИДА, ф. 38г, оп. 2, д. 40, л. 34, 215.

³ Там же, л. 174.

ше нажимает на них кучка английских, американских и французских миллиардеров и их приказчиков»¹.

Наряду с английскими правящими кругами интерес к экономическим богатствам буржуазной Латвии очень активно проявляли и французские империалисты. Их интересовали, равно как и англичан, в первую очередь такие товары, как лен и лес, в которых в Западной Европе чувствовался в 1919 г. резкий недостаток. Доставляя Латвии военные материалы, Франция требовала в оплату их латвийский лен, категорически отказываясь даже от наличных денег.

Довольно отчетливое представление о методах и средствах закабаления западными державами Латвии и других малых государств дает донесение представителя буржуазной Латвии в Париже Сескиса от 27 августа 1919 г. Сескис посвящает вопросу о проникновении французских капиталистов в экономику Латвии специальный раздел, названный им «Торгово-экономический военный поход». Он вынужден констатировать, что «иностранные фирмы принимают срочные меры к тому, чтобы забрать в свои руки экономику Латвии... Пользуясь поддержкой иностранного капитала, они вытеснят местные торговые и промышленные предприятия и превратят Латвию в свою колонию. Весьма подозрительно действует в этом отношении французское правительство. В Польше создаются французские фирмы и банки, причем они поддерживаются французским правительством капиталами... Недаром Польшу называют теперь французской колонией. Аналогичный военный поход предпринимается против экономической жизни Латвии. Англичане делают это, может быть, более ловко, но у французов это сразу же бросается в глаза»².

Особенно большую заинтересованность в захвате экономических богатств Латвии проявляли во Франции «Ассоциация льнопромышленников» и «Торгово-промышленное и финансовое общество для России», возглавлявшееся бывшим французским послом в России Нулансом. Французские империалисты могли укрепить свои позиции в Латвии лишь в борьбе с английскими империалистами. Французские монополии действительно решили

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 364.

² ИДА, ф. 38а, д. 13, л. 157—158.

попытаться вступить в эту борьбу. Представитель латвийского правительства в Польше доносил, например, в Ригу, что член местной французской миссии Нейрак заметил во время беседы с ним, что Латвии «не следовало бы окончательно связываться с Англией». Касаясь замечания латвийского представителя о том, что Латвия входит ведь в английскую «сферу влияния», Нейрак признал, что это действительно так. Однако он сказал: «Если Англия интересуется теперь украинскими делами (французская сфера), то почему бы Франции не интересоваться прибалтийскими государствами?»¹

Тут совершенно отчетливо проявилось соперничество между двумя сильнейшими в то время в Европе империалистическими державами. Англия и Франция не удовлетворялись тем, что получили в результате состоявшегося между ними полюбовного раздела «сфер влияния» в Восточной Европе. Эти империалистические хищники стремились урвать кусок друг у друга.

Добиться сколько-нибудь серьезных успехов в Латвии французским империалистам было, однако, трудно. Правда, 27 августа 1919 г. «Ассоциация льнопромышленников» заключила с латвийскими представителями в Париже договор о поставках Франции льна в обмен на вооружение на сумму 15 млн. франков. Но, так как весь урожай льна 1919 г. был уже раньше продан Англии, Франция получила лишь небольшую часть обещанного ей льна.

Латвия была уже крепко прибрана к рукам английскими империалистами, и вытеснить их из Латвии французы оказались не в состоянии. Представитель латвийского правительства в Париже Гросвальд писал 14 февраля 1920 г. по поводу этих запоздалых попыток французских империалистов: «Суть всего этого дела такова: французы боятся, что англичане могут лишить их всех возможностей торговли с Латвией, и теперь, когда почти уже пробил двенадцатый час, они выдвигают свои предложения»².

Огромную роль в закабалении буржуазной Латвии играли американские империалисты. Являясь самой мощной капиталистической державой, США не счита-

¹ ИДА, ф. 38в, оп. 1, д. 16, л. 101.

² ИДА, ф. 38г, оп. 1, д. 15, л. 118.

лись ни с границами, ни со «сферами влияния» других государств. Они распоряжались всюду по собственному усмотрению. Американские империалисты грабили и закабалляли буржуазную Латвию самым беззастенчивым образом. Они воспользовались для закабаления Латвии в первую очередь той «помощью», которую они оказали латышской буржуазии. Представитель министерства финансов США Кросби писал еще 13 ноября 1918 г., что оказание «помощи» должно послужить для США «мощным орудием для направления как внутренней, так и внешней политики европейских государств»¹.

Американские империалисты, посылая в Латвию военные материалы и продовольствие, хотели, как уже говорилось, прежде всего привлечь буржуазную Латвию к участию в интервенции против Советской России. Они первоначально делали вид, что не собираются требовать оплаты за поставки, и разглагольствовали на все лады о бескорыстности своей «помощи». Характерна в этом отношении телеграмма Гувера Грину от 11 мая 1919 г. Сообщая об отправке в Прибалтику очередного транспорта с американскими поставками, Гувер указывал: это является «доказательством наших искренних симпатий» к народам Прибалтики. «Прошу проследить,— писал Гувер,— чтобы эти сведения получили должное распространение»². Однако впоследствии американское правительство предъявило Латвии за эти поставки завышенный счет, причем, разумеется, проследило за тем, чтобы в данном случае сведения об этом не получили распространения.

О стремлении американских империалистов извлечь максимальный барыш при оказании «помощи» Латвии свидетельствует записка, составленная директором-распорядителем латвийского торгового объединения «Конзум», через которое шли поставки Латвии военных материалов и других товаров из складов американских войск во Франции³. В записке указывалось:

¹ «Foreign Relations of the U. S., P.P.C., 1919», v. II, p. 534.

² «Foreign Relations of the U. S., 1919, Russia», p. 676.

³ Законы США не разрешали продавать военные материалы правительствам стран, которые не принимали вместе с союзниками участия в войне против Германии. Но эти законы не мешали продаже оружия частным лицам или фирмам. Это и было использовано американским правительством для того, чтобы «обойти» законы.

«а) мы не имели права выбирать, какие вещи брать, какие нет, а были вынуждены брать все, что предоставляла американская ликвидационная комиссия;

б) мы не имели права договариваться о ценах на товары, а были вынуждены брать за ту цену, за какую предлагала американская ликвидационная комиссия, в противоположном случае нам ничего не давали. Вообще цены, за которые нам продавались товары, были в среднем на 25—50 и даже больше процентов выше, чем цены в то же время на свободном рынке в Америке... Лопаты по счету стоили 1,42 доллара, в то время как на месте их можно было купить за 40 центов. За пилы брали 1,8 доллара, в то время как в Риге такие же пилы можно было купить за 75 центов».

Часть полученных товаров оказалась испорченной или совершенно непригодной для латвийских условий. В записке указывалось, что при свободном выборе латвийское правительство отказалось бы от целого ряда предлагавшихся ему товаров и взяло бы в основном лишь военные материалы.

Кроме того, при определении цен на товары американские представители указывали, что платить Латвии за товары не придется, и поэтому они сознательно указывали завышенные цены, чтобы для видимости увеличить сумму, на которую США якобы оказали «помощь» буржуазной Латвии¹.

Американские бизнесмены навязали Латвии товары (особенно медикаменты) в таких количествах, что их могло хватить Латвии на многие десятилетия. В 1928 г. в складах «Конзума» имелось еще 7324 кг эфира, 19 447 кг хлороформа, 6876 кг проторгола, 1627 кг стрихнина, 1168 кг вазелина и т. д.² Многие из полученных от американцев товаров так и не могли быть использованы и пришли от долгого хранения в полную негодность.

По подсчетам министерства финансов Латвии, лишь ввиду завышенных цен на товары необходимо было переплатить по этим поставкам 623 тыс. долларов³. Общий же ущерб, принесенный американскими импе-

¹ ИДА, ф. 38г, оп. 5, д. 176, л. 454—455.

² «Economists» № 12, 1928, 558. lpp.

³ Там же.

риалистами Латвии при поставках различных материалов из американских складов во Франции, был гораздо больше.

Аналогичное положение наблюдалось также при получении Латвией американской «помощи» через АРА. Глава АРА Гувер писал 2 февраля 1919 г. своему представителю Грегори, что АРА должна заключить со всеми правительствами, получающими американскую помощь, договоры, согласно которым все поставки следует оплачивать «по таким ценам и на таких условиях, какие мы установим без дополнительного обсуждения»¹.

Заключая 8 апреля 1919 г. договор с АРА, латвийское правительство заранее было вынуждено выдать представителям АРА долговое обязательство на 5 млн. долларов. Поставок же было получено лишь на половину этой суммы. Неудивительно, что продукты, получаемые на условиях предварительной оплаты, зачастую оказывались негодными для употребления. Так, мука, полученная через АРА, была гнилой и кишасей червями².

Правительство Ульманиса было вынуждено оплатить также поставки, которые получил от АРА Ниедра. 4 июля 1919 г. оно подписало с представителями США по этому вопросу даже специальный договор³.

Долг буржуазной Латвии правительству США, возникший в связи с поставками военных материалов, обмундирования и продовольствия для латвийской армии, превратил Латвию в должника США на десятки лет. Согласно договору о погашении этого долга, заключенному в 1925 г., Латвии требовалось на его уплату 60 лет, то есть она могла бы погасить его только в 1984 г. Лишь установление в Латвии в 1940 г. Советской власти освободило латышский народ от этого тяжелого бремени, как и от всякой иной зависимости от иностранных империалистов.

Закабалением Латвии занималось не только американское правительство, но и отдельные группы американских монополистов.

¹ «Organization of American Relief in Europe. 1918—1919», p. 223.

² «Latvijas Satversmes sapulces stenogrammas», 1304. lpp.

³ ИДА, ф. 38г, оп. 5, д. 176, л. 21.

Члены американской миссии в Прибалтике отмечали, что «в Америке наблюдается интерес к прибалтийскому рынку» и что заинтересованным организациям «представлены данные об условиях торговли и промышленности в Риге...»¹

Американская фирма «Интернешенэл корпорейшэн» заключила с правительством Ульманиса несколько договоров о поставках Латвии паровозов, вагонов, военного обмундирования и других товаров. За эти поставки латвийское правительство уплатило фирме в качестве аванса 485 тыс. американских долларов. Однако никаких товаров оно от этой фирмы не получило. Попытки получить аванс обратно также остались без результатов².

Что же касается товаров, которые латвийскому правительству все же удалось получить из США по ряду других соглашений, то они нередко также оказывались совершенно непригодными для употребления или же продавались Латвии по резко завышенным ценам. Так, латвийское правительство заключило с одной американской фирмой договор о поставках Латвии 300 т сахару на сумму в 127 275 долларов. Ввиду исключительно плохого качества поставленного сахара и чрезмерно высокой цены, значительно превышавшей цену на сахар на мировом рынке, Латвия потерпела на этой сделке убыток в 40 тыс. долларов³.

Таковы исключительные по своему цинизму способы финансовой эксплуатации и грабежа американскими империалистами малых государств, такова пресловутая «бескорыстная помощь» американских империалистов изголодавшемуся населению Европы, в том числе и Латвии. «Идеализированная демократическая республика Вильсона,— писал В. И. Ленин,— оказалась на деле формой самого бешеного империализма, самого бесстыдного угнетения и удушения слабых и малых народов»⁴.

Таким образом, американские, английские и французские империалисты использовали «помощь», которую они оказали латышской буржуазии в деле подавления Советской власти в Латвии, для полного экономического

¹ ИДА, ф. 330, оп. 1, д. 19, л. 143а.

² «Latvijas Satversmes sapulces stenogrammas», 1289., 1302. lpp.

³ Там же, стр. 1289.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 169.

и политического закабаления Латвии, для превращения ее в свою полуколонию. Грин прямо ставил вопрос в своем меморандуме от 30 июня о том, что США и Англия должны взять на себя мандат над Прибалтикой.

Большой интерес к экономическим и природным богатствам Латвии проявляли также германские монополии. Но в политическом отношении германское влияние в Латвии к концу июня 1919 г. было ликвидировано, что резко ослабило также и ее экономические позиции. Германские монополии все же не хотели добровольно сдаваться. Они имели возможность предложить свои товары дешевле, чем англичане. В то же время они с удовольствием констатировали, как доносила в Берлин германская миссия в Риге 30 мая 1919 г., что «латвийское правительство и латышский народ уже чувствуют кровожадность английской внешней торговли». Германская миссия считала, что это создает возможности для развития торговли с Германией¹. Но, чтобы использовать эти возможности, следовало принять, по ее мнению, самые срочные меры. Она писала в министерство иностранных дел Германии 2 августа 1919 г.: «Если Германии не удастся еще в самую последнюю минуту... взять дело в свои руки и устранить в последний момент Англию и Антанту, если англичане первыми посадят своих контролеров на почте, телеграфе, железных дорогах и в портах и этим безраздельно поставят Латвию под свою власть, превратив ее фактически в свою колонию, то германскому влиянию и германской торговле будет положен конец, будут заперты ворота в Россию, и к нашим военным и политическим неудачам мы прибавим в Прибалтике в завершение всего еще и катастрофическое торгово-политическое поражение»².

Для того чтобы ускорить принятие необходимых мер в целях укрепления экономических позиций Германии в Латвии, в Берлин направился сотрудник германской миссии в Риге Лоренц-Мейер.

Весьма активный интерес к Прибалтике обнаружил Лоренц-Мейер у представителей германских банковских и торговых кругов. Он писал: в этих кругах считают, что «необходимо действовать самым срочным образом»

¹ ИДА, ф. 330, оп. 1, д. 19, л. 177.

² Там же, л. 146.

и что «было бы желательным... немедленно направить в Латвию представителей отдельных фирм для изучения положения». В то же время эти круги признавали, что, учитывая особое положение Германии, следовало поступать очень осторожно. Они указывали, что «любые действия ни в коем случае не должны осуществляться под германским именем, а под нейтральной или латышской маркой»¹.

Если империалисты Запада, подавив в Латвии Советскую власть, стремились превратить ее в военный плацдарм для ликвидации Советской власти во всей России, то, закабалая созданную ими буржуазную Латвию экономически, они готовили удобные исходные позиции, чтобы наложить свои хищные лапы на экономику той буржуазной России, о восстановлении которой они мечтали.

¹ ИДА, ф. 330, оп. 1, д. 19, л. 171—174.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ МИРА МЕЖДУ
СОВЕТСКОЙ РОССИЕЙ И ЛАТВИЕЙ***(Сентябрь 1919 г.— август 1920 г.)***1. Мирное предложение
Советского правительства правительству Латвии**

Последовательно придерживаясь миролюбивой внешней политики, Советское правительство неоднократно предлагало всем государствам, участвовавшим в интервенции в России, положить конец войне и кровопролитию. Страны Антанты и их наймиты не отвечали на эти предложения. Советская республика была вынуждена продолжать борьбу против американских, английских, французских, японских и других интервентов. Однако Советское правительство продолжало снова и снова обращаться к другим правительствам с мирными предложениями. Если нельзя было положить конец войне сразу на всех фронтах, Советское государство стремилось ослабить цепь интервентов хотя бы в каком-нибудь одном месте и заключить мир если не со всеми, то хотя бы с некоторыми участниками интервенции.

31 августа 1919 г. Советское правительство предложило мир буржуазной Эстонии. 11 сентября 1919 г. предложения о мире были сделаны Советской Россией буржуазным правительствам Латвии, Литвы и Финляндии. В телеграмме народного комиссара иностранных дел Чичерина министру иностранных дел буржуазной Латвии Мееровицу от 11 сентября 1919 г. говорилось:

«Российским Советским правительством уже сделано Ревельскому правительству предложение о начатии мирных переговоров. Это предложение Ревельским правительством принято, и мирные переговоры начнутся через несколько дней.

Этим шагом Российского Советского правительства достаточно подчеркивается отсутствие всяких агрессив-

ных намерений с его стороны против вновь образовавшихся государств на окраинах бывшей Российской империи. Стоя на той же почве и по отношению к Рижскому правительству, Российское Советское правительство предлагает ему вступить в переговоры по вопросу о прекращении военных действий и о выработке условий мирных отношений между обеими сторонами»¹.

Предлагая малым прибалтийским государствам мир, Советское правительство выражало готовность признать заключением мирного договора отделение прибалтийских государств от России, то есть их независимость.

Признание Советской Россией независимости буржуазных прибалтийских государств имело для них исключительно важное значение. Они признавались Россией, из состава которой они выделились. Советское правительство, последовательно придерживавшееся провозглашенного им принципа о праве наций на самоопределение, было единственным в мире правительством, которое немедленно и без всяких оговорок готово было признать независимость образовавшихся в Прибалтике новых государств.

Следует отметить, что русские белогвардейцы, в том числе Колчак, Деникин и Врангель, лелея надежду о восстановлении «единой и неделимой» буржуазно-помещичьей России, категорически отказывались от признания отделения Прибалтики. В крайнем случае, как видно из ноты Колчака странам Антанты от 4 июля 1919 г., они соглашались предоставить народам Прибалтики автономию. Дальше этого обещания русские белогвардейцы не шли. Когда в августе 1919 г. Юденич под давлением английских империалистов был вынужден признать независимость Эстонии, без чего невозможно было сколотить единый фронт всех антисоветских сил в Прибалтике, «посол» Колчака в США Бахметьев направил 29 августа 1919 г. в госдепартамент США следующую телеграмму: «Действия Юденича в отношении признания независимости Эстонии предприняты исключительно по его личной инициативе и под его ответственность»². Признание Юденичем независимости Эстонии было, таким образом, официально аннулировано. Что касается Деникина, то он

¹ «Известия» № 203, 13 сентября 1919 г.

² «Foreign Relations of the U. S., 1919, Russia», p. 706.

заявил, что независимости Латвии он никогда не признает¹. Аналогичных взглядов придерживался, как уже указывалось, также Бермонт. Он считал ликвидацию малых прибалтийских государств своей важнейшей и первоочередной задачей. Именно это и явилось причиной его наступления на Ригу в октябре 1919 г.

Ввиду такой позиции русских белогвардейцев неудивительно, что латвийская буржуазия серьезно задумывалась над вопросом о том, кого ей лучше иметь своим соседом: восстановленную «единую и неделимую» буржуазно-помещичью Россию или Советскую республику. Латышский буржуазный историк Залите вынужден был признать: «Хорошо, что рухнули фронты Юденича, Деникина, Колчака и Врангеля и одновременно все их надежды на восстановление единой и неделимой России»². Касаясь того сложнейшего положения, в котором оказались прибалтийские государства в связи с позицией, занятой русскими белогвардейцами в вопросе о признании их независимости, В. И. Ленин писал, что «маленькие государства не могут объединиться для борьбы с большевиками, так как они боятся, что в случае их собственной победы и одновременной победы деникинщины восстановится Русская империя, которая снова не будет давать жить мелким народам»³.

Готовность Советского правительства официально признать в мирном договоре отделение Латвии от России, ее самостоятельность и независимость была весьма важной причиной, побуждавшей латвийскую буржуазию принять советское мирное предложение.

Заключение мира с Советской Россией сулило латвийской буржуазии также некоторое ослабление ее зависимости от Антанты. Пока латвийская буржуазия нуждалась в помощи иностранных интервентов для установления своей власти над латышским народом, она охотно шла на любое соглашение с иностранными интервентами, продавая и перепродавая независимость страны тому, кто больше давал. Теперь же она стала тяготиться экономической и политической зависимостью Латвии от иностранных империалистов, которые безудержно выкачивали из разоренной войной страны последние богатства,

¹ «Правда» № 238, 24 октября 1919 г.

² P. Zālite, *Vācu varas pastari Latvijā*, 292. lpp.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 279.

не оставляя ничего на долю самой латвийской буржуазии, равно как и требовали дальнейшего участия Латвии в совершенно ненужной ей войне против Советской России.

Заключение мира с Советской Россией было основным и необходимым условием некоторого ослабления того кабального положения, в котором оказалась буржуазная Латвия.

Латвийская буржуазия нуждалась в мире с Советской Россией также для того, чтобы быть в состоянии очистить территорию Латвии от войск Бермонта. Лишь сняв свои войска с антисоветского фронта, латвийская буржуазия могла надеяться на успех в надвигавшемся столкновении с Бермонтом.

На принятие мирного предложения Советского правительства латвийскую буржуазию толкал также целый ряд других обстоятельств: 5-летние непрерывные военные действия на территории Латвии имели своим результатом полное расстройство экономики страны; промышленные предприятия бездействовали, земля не обрабатывалась, безработица достигла чудовищных размеров; царил повсеместный голод — как в городе, так и в деревне. Заключение мира создало бы условия для улучшения экономического положения страны.

Все эти факторы, вместе взятые, диктовали буржуазному правительству Латвии необходимость принятия советского мирного предложения. Несмотря на ненависть латышской буржуазии к Советской республике, ее классовые интересы в данных конкретных условиях требовали принятия мирного предложения Советской России. Только мир мог создать ей необходимые условия для укрепления своего господства над латышским народом, а продолжение войны грозило привести к весьма плачевным для нее результатам.

2. Срыв Антантой советско-латвийских мирных переговоров

Немедленно после получения латвийским буржуазным правительством мирного предложения Советской республики в Риге состоялось совещание представителей Латвии, Литвы и Эстонии (11—12 сентября 1919 г.), на котором было решено, что советское предложение должно быть

подвергнуто всестороннему изучению и что необходимо согласовать ответы трех государств Советскому правительству. Для обсуждения мирного предложения Советского правительства было намечено созвать конференцию премьер-министров и министров иностранных дел прибалтийских государств.

Конференция прибалтийских государств состоялась в Таллине 14—15 сентября 1919 г. На ней присутствовали премьер-министры и министры иностранных дел Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы. Уже один тот факт, что конференция была созвана в столь короткий срок и что в ней принимали участие главы правительств прибалтийских государств, показывал, какое огромное значение имело для них мирное предложение Советского правительства.

На конференции выяснилось, что прибалтийские государства, в особенности Эстония, Латвия и Литва, считали необходимым скорейшее установление мира. С другой стороны, конференция выявила, что малые прибалтийские государства опасались пойти против воли своих западных повелителей, хотя этого и требовали их прямые жизненные интересы. Решения конференции оказались поэтому в высшей степени половинчатыми. Не было принято никакого решения по основному вопросу: начать мирные переговоры или нет. В резолюции конференции указывалось, что если переговоры и будут начаты, то все же «с Советской Россией нельзя заключить мир в полном смысле этого слова» и что вопрос может стоять лишь о прекращении военных действий.

Представители прибалтийских государств договорились, что переговоры с Советской Россией, если они действительно будут начаты, следует вести совместно. Было условлено, что государства, которые решат начать переговоры, пришлют через 15 дней своих представителей в Тарту на новую конференцию. Последняя должна была выработать совместный проект договора о прекращении военных действий. Было принято решение и о том, что правительства стран Антанты будут информироваться о всех шагах прибалтийских государств по вопросу о прекращении военных действий с Советской Россией¹.

Одновременно с конференцией премьер-министров и министров иностранных дел там же в Таллине состоялось

¹ ИДА, ф. 38д, оп. 1, д. 19, л. 3.

совещание военных представителей прибалтийских государств. Решения этого совещания носили более агрессивный характер. Военные представители прибалтийских государств предлагали потребовать отвода советских войск за линию Петроград — Дно — Великие Луки — Витебск — Орша, а также интернирование советского балтийского флота в портах одной из нейтральных или союзных стран¹.

Решения Таллинской конференции прибалтийских государств предопределили судьбу предварительных мирных переговоров между Советской Россией и Эстонией, открывшихся в Пскове 17 сентября 1919 г. Помимо некоторого выяснения позиций обеих сторон, эти переговоры никаких результатов не дали. 18 сентября 1919 г. эстонская делегация, действуя согласно решению конференции прибалтийских государств о необходимости совместного ведения переговоров, предложила перенести переговоры до получения Советским правительством ответов Латвии, Литвы и Финляндии. На этом советско-эстонские переговоры были прерваны.

Ответы Латвии, Литвы и Финляндии на советское мирное предложение последовали нескоро. В телеграмме министра иностранных дел Латвии Мееровица Советскому правительству от 27 сентября 1919 г. сообщалось лишь, что ответ латвийского правительства на советское мирное предложение будет дан после обсуждения Латвией этого предложения с другими прибалтийскими государствами². Затыжка латвийским буржуазным правительством начала мирных переговоров находилась в резком противоречии с интересами латышского народа. Оно пренебрегало национальными интересами страны и действовало с оглядкой на империалистов стран Антанты.

29 сентября — 1 октября 1919 г. в Тарту состоялась новая конференция премьер-министров и министров иностранных дел прибалтийских государств, созванная для обсуждения мирного предложения Советского правительства.

Правительства Эстонии, Латвии и Литвы недвусмысленно высказались за прекращение военных действий. Лишь Финляндия не решилась еще начать мирные

¹ ИДА, ф. 38д, оп. 1, д. 19, л. 6.

² Там же, л. 9.

переговоры. Как видно из протоколов заседаний конференции, премьер-министр Финляндии Веннола предложил отложить мирные переговоры на более поздний срок¹. Такая позиция Финляндии отразилась и на принятой на конференции «программе действий». Эстония, Латвия и Литва согласились отложить начало мирных переговоров до 25 октября 1919 г. для того, чтобы к ним могла присоединиться и Финляндия, если финский парламент все же высказался бы за принятие советского мирного предложения.

В «программе действий», принятой на конференции, говорилось:

«1. Эстония, Латвия и Литва сообщают русскому Советскому правительству, что не позже 25 октября 1919 г. они будут готовы начать предварительные мирные переговоры.

2. Финское правительство незамедлительно передаст этот вопрос на окончательное решение финского парламента и сообщит его решение правительствам Эстонии, Латвии и Литвы до 25 октября.

Примечание: окончательный срок начала предварительных мирных переговоров будет установлен после получения сообщения финского правительства».

Кроме вышеизложенных пунктов в «программе действий» говорилось, что, если до начала предварительных мирных переговоров между участвующими в конференции государствами будет заключена военная конвенция, никто из них не будет заключать сепаратного мира². Этот пункт «программы действий» показывает, что буржуазные правительства малых прибалтийских государств, даже решившись начать мирные переговоры, все же не хотели урегулировать свои отношения с Советской Россией окончательно. Они по-прежнему продолжали укрепление своих сил и согласование действий для возможного продолжения борьбы против Советской республики.

На конференции снова было принято решение о том, что страны Антанты будут получать полную информацию о ходе предварительных мирных переговоров. Предусматривалось, что экономические связи между прибалтий-

¹ ИДА, ф. 38а, д. 20, л. 44.

² ИДА, ф. 38д, оп. 1, д. 19, л. 22—23.

скими государствами и Советской Россией не будут установлены без согласия Антанты¹. Конференция отправила странам Антанты даже специальное обращение с просьбой принять на себя контроль за выполнением мирного договора, если он будет заключен².

В соответствии с решением конференции министр иностранных дел Эстонии Поска известил 4 октября 1919 г. Советское правительство от имени Эстонии, Латвии и Литвы о том, что не позже 25 октября 1919 г. они будут готовы начать предварительные мирные переговоры. Местом мирной конференции предлагалось избрать Тарту.

Стремясь к быстрейшему заключению мира и прекращению кровопролития, Народный комиссариат иностранных дел известил 6 октября 1919 г. Поску о том, что Советское правительство готово начать переговоры уже 12 октября или в любой последующий день при условии получения уведомления за три дня. Однако предложение Советского правительства об ускорении начала мирных переговоров результатов не дало. Эстония, Латвия и Литва были связаны своим обязательством перед Финляндией — не начинать мирных переговоров раньше 25 октября 1919 г.

После конференции в Тарту вопрос о мире с Советской Россией был подвергнут подробному обсуждению в латвийском Народном совете. Обсуждение началось 6 октября 1919 г. и продолжалось в течение нескольких дней, причем почти все выступавшие высказывались за принятие советского мирного предложения.

В Латвии произошли в эти дни весьма важные события, которые также заставляли латвийское правительство относиться к заключению мира с Советской Россией самым серьезным образом: 8 октября 1919 г. началось наступление Бермонта на Ригу. Воевать на два фронта латвийская армия не была способна. Борьба против Бермонта поглощала все ее силы.

9 октября 1919 г. Народный совет Латвии принял резолюцию о необходимости скорейшего заключения перемирия с Советской республикой. В решении Народного совета указывалось, что он считает необходимым «немедленно начать совместно с другими балтийскими государ-

¹ ИДА, ф. 38д, оп. 1, д. 19, л. 22—23.

² M. W. Graham, *New Governments of Eastern Europe*, p. 674—675.

ствами переговоры о перемирии, чтобы возможно скорее установить мир с Советской Россией»¹.

Еще 8 октября 1919 г. в Москву выехала делегация латвийского Красного Креста. Официальной задачей делегации было урегулирование вопроса об обмене заложниками. Фактически же ее основной целью было выяснение возможностей заключения перемирия.

Делегация латвийского Красного Креста была принята народным комиссаром иностранных дел РСФСР Г. В. Чичериным. Во время состоявшихся в Москве переговоров выяснилось, что со стороны Советского правительства нет никаких препятствий к заключению перемирия. Наоборот, Советское правительство проявило горячее стремление к скорейшему установлению не только перемирия, но и мира².

Полномочиями на заключение перемирия латвийская делегация, однако, не обладала. Поэтому переговоры окончились лишь выяснением позиций обеих сторон. Но они имели все же немаловажное значение. Советское правительство получило возможность изложить более полно и обстоятельно свою политику по отношению к Латвии, равно как и к другим прибалтийским государствам. Совет Народных Комиссаров подтвердил, что он стремится к быстрейшему заключению мира с прибалтийскими государствами и готов безоговорочно признать их независимость и самостоятельность. Более того, правительство РСФСР с согласия латвийского Советского правительства, продолжавшего свою деятельность в Восточной Латвии, сообщило, что в случае заключения мира латвийскому буржуазному правительству будет передана восточная часть Латвии (Латгалия). Таким образом, Советское правительство недвусмысленно заявило о своей готовности урегулировать все вопросы латвийско-советских отношений мирным путем.

Состоявшиеся в Москве переговоры не могли не усилить существенным образом тягу к миру в Латвии. Однако буржуазное латвийское правительство все же не начало переговоров с Советским правительством даже 25 октября 1919 г. Это объяснялось сложившейся к тому времени обстановкой.

¹ «Latvijas tautas padome», 1. puse, 386. lpp.

² См. «Jaunā Balls» № 1, 1931, 5. lpp.

Войска Деникина, наступавшие с юга против Советской России, подошли в начале октября 1919 г. к Туле и находились на расстоянии 200 километров от Москвы. В середине октября 1919 г. началось наступление Юденича на Петроград. Вскоре его войска находились уже у самого города. Империалисты Антанты кричали на весь мир, что Советская власть в России будет свергнута в течение нескольких недель.

В целях оказания помощи Юденичу и Деникину страны Антанты приняли решительные меры к тому, чтобы сорвать мирные переговоры прибалтийских государств с Советской Россией и заставить их принять участие в интервенции.

Член американской «мирной» делегации в Париже полковник Хауз заявил представителям латвийского правительства в Париже 20 сентября 1919 г., что правительство США относится отрицательно к началу мирных переговоров между латвийским правительством и большевиками¹. Несколько дней спустя, 29 сентября 1919 г., аналогичное заявление сделал представителям Ульманиса также другой сотрудник американской делегации в Париже — Пирс. Как видно из воспоминаний Сескиса, Пирс угрожал разрывом отношений между США и Латвией, если она осмелится заключить мир с большевиками².

В середине октября 1919 г. государственный секретарь США Лансинг заявил представителю литовского правительства в Вашингтоне Виникасу, что поддержка русских белогвардейцев «в борьбе против большевиков» является «моральной обязанностью малых нерусских государств». Лансинг заметил при этом, что от этой поддержки будет зависеть признание Соединенными Штатами их независимости³.

Вместе с американскими империалистами против мирных переговоров выступали представители французского правительства. Сескис, имевший 25 сентября 1919 г. беседу с представителем министерства иностранных дел Франции де Селиньи, отметил в своем дневнике, что де

¹ ИДА, ф. 38а, д. 13, л. 336—337.

² *J. Seskis. Latvijas valsts izcelšanās pasaules kara notikumu norisē*, 332, 360. lpp.

³ ИДА, ф. 38г, оп. 1, д. 15, л. 69.

Селиньи относится к мирным переговорам «резко отрицательно и угрожает»¹.

Весьма энергично выступало также английское правительство. 16 сентября 1919 г. министр иностранных дел Англии Керзон отправил английской миссии в Прибалтике телеграмму, в которой говорилось: «Вы должны немедленно сделать представление латвийскому правительству и заявить, что правительство его величества требует, чтобы оно не предпринимало никаких действий с целью заключения мира. Правительство его величества отнеслось бы отрицательно к предпринятым им сепаратным действиям и верит, что оно и в будущем по-прежнему будет рассматривать свою внешнюю политику как часть согласованного с союзными правительствами плана»². В письме Таллентса от 22 сентября 1919 г. эти требования английских империалистов были доведены до сведения латвийского правительства³.

Союзническая миссия в Прибалтике заявила правительствам Эстонии, Латвии и Литвы, что, в случае если они заключат мир с Советской Россией, Парижская мирная конференция не сможет признать их независимости⁴.

Страны Антанты угрожали также прекратить поставки Латвии военных материалов и продовольствия, в которых она крайне нуждалась. Представитель французского правительства Бертело заявил 13 октября 1919 г., как писал Сескис, что в случае «если мы (латвийское правительство.— В. С.) заключим соглашение с большевиками, то чтобы мы никакой помощи от союзников не ожидали»⁵. Французская миссия в Прибалтике также сделала латвийскому правительству официальное заявление о том, что в случае заключения мира с большевиками Франция прекратит оказание Латвии всякой помощи, в том числе и в борьбе против Бермонта⁶.

Глава союзнической миссии в Прибалтике генерал Гоф признал после возвращения из Прибалтики, что

¹ *J. Seskis, Latvijas valsts izcelšanās pasaules kara notikumu norisē*, 358. lpp.

² «British Foreign Policy», 1st series, v. III, p. 554.

³ ИДА, ф. 65, д. 23, л. 30.

⁴ *W. P. and Z. K. Coates, Armed Intervention in Russia, 1918—1922*, London, 1935, p. 185.

⁵ *J. Seskis, Latvijas valsts izcelšanās pasaules kara notikumu norisē*, 366. lpp.

⁶ «Правда» № 229, 14 октября 1919 г.

страны Антанты оказывали давление на прибалтийские государства, чтобы заставить их отказаться от мирных переговоров и принять участие в походе против Советской России. Гоф писал: «Вопреки опровержениям различных членов правительства, нет сомнений в том, что союзники оказывали на балтийские государства... давление, чтобы заставить их продолжить войну против большевиков»¹.

Разоблачая попытки империалистов стран Антанты привлечь прибалтийские государства к участию в походе Антанты, В. И. Ленин говорил: «Все способы давления, финансового, продовольственного, военного, были пущены в ход, чтобы заставить Эстляндию, Финляндию и, несомненно, также Латвию, Литву и Польшу, заставить весь этот цикл государств идти против нас»².

При такой позиции США, Англии и Франции латвийское правительство не решилось начать мирные переговоры с Советским правительством. Весьма характерно в этом отношении признание латышского буржуазного публициста Унамса. Касаясь отрицательного отношения латвийского правительства к немедленному заключению мира, Унамс писал: «Союзники, несомненно, старались повлиять на внешнюю политику правительства, так как они в то время питали большие надежды на свержение коммунистического правительства при помощи русских белых генералов. Заключение перемирия на фронтах новых государств могло сорвать все их расчеты, и поэтому они выступили против принятия предложенного Москвой перемирия. В это время мы зависели от союзников — военные материалы мы получали именно от них»³.

Буржуазная Латвия не могла пойти против воли своих могущественных повелителей. «...Не от воли маленьких государств, — констатировал В. И. Ленин, — даже если бы они захотели мира, не от их воли зависит заключение с нами мира»⁴.

Давление стран Антанты на прибалтийские государства не могло остаться без результатов.

В соответствии со своим обещанием, данным на Тартуской конференции 1 октября 1919 г., финляндское

¹ W. P. and Zelda K. Coates, *Russia, Finland and the Baltic*, p. 27.

² В. И. Ленин, *Соч.*, т. 30, стр. 153.

³ *Ž. Unams*, 18. novembris un 15. maijs, Rīgā, 1936, 31.—32. lpp.

⁴ В. И. Ленин, *Соч.*, т. 30, стр. 423.

правительство сообщило в конце октября 1919 г. правительствам других прибалтийских государств окончательное решение Финляндии по вопросу о заключении мира с Советской Россией. Оно заявило, что не будет участвовать в мирных переговорах с Советской Россией.

Не начали 25 октября 1919 г. мирных переговоров с Советским правительством также Эстония, Латвия и Литва. МИД Эстонии сообщило Народному комиссариату иностранных дел 25 октября 1919 г. от имени правительств прибалтийских государств, что литовское правительство согласно вести переговоры лишь о заключении перемирия; латвийское же правительство всецело поглощено борьбой с Бермонтом; ввиду этого, говорилось в ноте, назначенная в Тарту мирная конференция стала невозможной¹.

Поскольку срыв малыми прибалтийскими государствами мирных переговоров с Советской Россией, бесспорно, явился результатом давления, оказанного на них империалистами стран Антанты, Советское правительство решило послать по этому вопросу обращение к рабочим и крестьянам Англии и Франции. В обращении Советского правительства, переданном по радио 30 октября 1919 г., говорилось, что державы Антанты, будучи бессильны послать против народных масс революционной России своих собственных солдат, направляют вместо них рабочих и крестьян Прибалтики. Советская Россия, указывалось в обращении, предложила прибалтийским государствам заключить мир, но Антанта сорвала мирные переговоры, двинув Юденича в наступление на Петроград. Советское правительство призывало рабочих и крестьян стран Антанты принять меры к тому, чтобы положить конец войне².

Трудящиеся империалистических государств оказали Советской России существенную поддержку. В Англии энергичную деятельность развили комитеты «Руки прочь от Советской России». Прекращение вмешательства в дела России было важнейшим требованием английских рабочих, выставлявшимся на всех конференциях, демонстрациях, в забастовках. Движение солидарности английских рабочих с Советской Россией приняло огромнейшие размеры.

¹ «Документы внешней политики СССР», т. II, стр. 256.

² Там же, стр. 268—272.

Не отставали от английских также французские рабочие, все чаще и чаще открыто выражавшие свои симпатии к Советской республике. Принятое французскими профсоюзами решение об отказе погружать военные материалы, предназначенные для отправки в Россию, сделало почти невозможным вывоз из Франции вооружения для войск иностранных интервентов и русских белогвардейцев.

Энергично требовали прекращения интервенции также американские рабочие. По США прокатилась широкая волна забастовок. В 1919 г. в США бастовало более 4 млн. рабочих. Бастовавшие требовали принятия мирных предложений Советского правительства, горячо выражали свои дружеские чувства к Советской России.

Такая позиция рабочих империалистических держав не могла не оказать существенной помощи Советской России.

Империалистам стран Антанты удалось сорвать мирные переговоры малых прибалтийских государств с Советской Россией, но бросить их снова на борьбу против Советской России они не смогли. Мирная политика Советского правительства приносила свои плоды: малые прибалтийские государства не приняли активного участия во втором походе Антанты.

Характеризуя политику малых прибалтийских государств в этот период, В. И. Ленин указывал, что «они выжидали, оттягивали, писали ноты, посылали делегации, устраивали комиссии, сидели на конференциях и просидели до тех пор, пока Юденич, Колчак и Деникин оказались раздавленными, и Антанта оказалась бита и во второй кампании»¹.

3. Провал попыток создания антисоветского союза прибалтийских государств.

Заключение перемирия между Советской Россией и Латвией

Во второй половине октября 1919 г. Деникин был разбит Красной Армией в решающих боях под Орлом и у Воронежа. В середине октября 1919 г. началось решительное наступление советских войск против Колчака, и 14 ноября 1919 г. была занята резиденция Колчака —

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 363.

Омск. К началу ноября 1919 г. под Петроградом были разгромлены войска Юденича.

Это вновь поставило на повестку дня вопрос о начале мирных переговоров между Россией и прибалтийскими государствами. 10 ноября 1919 г. в Тарту открылась новая конференция представителей Эстонии, Латвии и Литвы. В качестве наблюдателей на конференции присутствовали также представители Польши и Финляндии. Задачей конференции было, как видно из ее заключительного протокола, «выяснение и согласование шагов, предпринимаемых Эстонией, Латвией и Литвой для прекращения состояния войны» между ними и Советской Россией¹.

На конференции выяснилось, что ввиду исключительно тяжелого внутреннего положения страны эстонское буржуазное правительство считало необходимым немедленно начать мирные переговоры. Выражала готовность начать переговоры также Литва. На иных позициях стояла в этом вопросе буржуазная Латвия, которая серьезно нуждалась в мире, но в то же время была крайне заинтересована в поставках военных материалов из стран Антанты, чтобы одержать победу над Бермонтом. В случае начала мирных переговоров, как уже указывалось, страны Антанты угрожали прекратить поставки в Латвию военных материалов. Поэтому буржуазное латвийское правительство продолжало придерживаться выжидательной позиции, не отклоняя советского мирного предложения, но и не заявляя о своей готовности немедленно начать мирные переговоры. Эта нерешительность правительства Ульманиса и двойственность занимаемой им позиции получила свое выражение в инструкции, составленной латвийским правительством для его делегации на конференции в Тарту. В инструкции говорилось:

«3) Вопрос о том, начинать ли переговоры о перемирии с Советским правительством России или нет, делегация должна решить после переговоров с делегациями остальных 3 прибалтийских государств и в зависимости от того, какую позицию займут в этом вопросе упомянутые правительства. Делегация не должна начинать переговоры о перемирии, если этого не делает ни одно из других прибалтийских государств.

¹ ИДА, ф. 65, д. 23, л. 51.

4) Принимая решение относительно переговоров о перемирии, делегация должна попытаться выяснить взгляды стран Антанты и учесть, какое влияние эти переговоры могли бы оказать на позицию стран Антанты в отношении Латвии. *Вопрос об участии Латвии в переговорах следует решать в зависимости от предполагаемой позиции стран Антанты.* Делегация не должна начинать переговоры о перемирии, если она придет к заключению, что переговоры будут иметь своим последствием лишение странами Антанты своей помощи Латвии военными материалами, равно как и дипломатической поддержки (подчеркнуто мной.— В. С.)»¹.

Из этой инструкции видно, что латвийское правительство не приняло еще окончательного решения по вопросу о том, начать мирные переговоры или нет. Кроме того, в инструкции идет речь лишь о перемирии, в то время как Советское правительство предлагало заключить мир. Наконец, в инструкции содержались такие оговорки (в отношении стран Антанты), которые делали открытие переговоров фактически невозможным.

Латвийская делегация на конференции, действовавшая на основе этой инструкции, пришла к выводу, что вступать в переговоры о заключении перемирия пока еще не следует. Глава латвийской делегации министр внутренних дел Берг заявил Мееровицу во время разговора с ним по аппарату Юза 13 ноября 1919 г. следующее: «Эстонцы намерены не пускать отступающие войска Юденича на свою территорию. Это может вызвать острый конфликт с Антантой. Если в это же время мы заключим вместе с эстонцами соглашение с большевиками, то тем самым и мы будем втянуты в конфликт. Это было бы весьма рискованной международной авантюрой, на которую мы ни в коем случае не желаем идти»².

Латвийская делегация на конференции в Тарту, не желая идти против воли Антанты, высказывалась, таким образом, за оттяжку мирных переговоров. Неофициальные переговоры между представителями Советского и латвийского правительств по вопросу о заключении мира все же состоялись. 17 ноября 1919 г. в Тарту, где происходила конференция прибалтийских государств,

¹ ИДА, ф. 65, д. 23, л. 37.

² ИДА, ф. 65, д. 27, л. 97.

прибыла советская делегация во главе с заместителем народного комиссара иностранных дел Советской России Литвиновым. Литвинов снова подтвердил представителям латвийского правительства, что Советское правительство готово признать независимость Латвии и что в случае заключения мира Латгалия будет передана Латвии¹.

Таким образом, основные условия, выставлявшиеся Латвией, снова были признаны представителями Советского правительства вполне приемлемыми. У латвийского правительства не было как будто никаких причин продолжать войну. Однако переговоры Литвинова с представителями Латвии закончились 19 ноября 1919 г. лишь заключением договора об обмене заложниками и гражданскими пленными. Аналогичные договоры Литвинов подписал 19 ноября 1919 г. также с Эстонией и Литвой.

Основным препятствием к продолжению переговоров явилось по-прежнему давление США, Англии и Франции на правительства Эстонии, Латвии и Литвы, снова резко усилившееся во время конференции в Тарту. Ко времени открытия конференции в Эстонию прибыл представитель Англии в комиссии по перемирию с Германией генерал Гакинг². 17 ноября 1919 г., в день приезда Литвинова, в Тарту прибыл также глава английской миссии в Прибалтике подполковник Таллентс. Какие цели преследовало его появление в Тарту, видно из записи разговора Берга с Мееровицем 19 ноября 1919 г. Берг сообщил Мееровицу во время этого разговора, что Таллентс желает, «чтобы мирные переговоры не начинались... Ссылаясь на Лансинга и на письмо Лансинга одному американскому сенатору, он довольно открыто оказывал сегодня на нас давление, чтобы мы отказались от заключения мира»³.

Американцы действовали и сами. 17 ноября 1919 г. глава американской миссии в Прибалтике Гейд, сменивший Грина, имел беседу с министром иностранных дел Латвии Мееровицем. Как сообщал Гейд Лансингу, Мееровиц обещал ему во время этой беседы, что «Латвия не будет заключать мира с большевиками, если это противоречит стремлениям союзников». Далее в теле-

¹ ИДА, ф. 65, д. 27, л. 74.

² «Утро», 13 ноября 1919 г.

³ ИДА, ф. 65, д. 27, л. 64—65.

грамме Гейда говорилось, что Мееровиц просил его выяснить официальную точку зрения правительства США в этом вопросе¹.

В ответной телеграмме Лансинга Гейду от 21 ноября 1919 г. указывалось, что официального ответа Мееровицу давать не следует. «Однако,— писал Лансинг,— во время неофициальной и личной беседы с министром иностранных дел Латвии вы можете недвусмысленно разъяснить ему, что наше правительство не может придерживаться иной позиции, как высказаться против любых попыток компромисса с большевиками»².

Оказывало давление на буржуазную Латвию также французское правительство. Гросвальд доносил из Парижа 21 ноября 1919 г., что представитель французского правительства Каммерер 17 ноября 1919 г. «предостерегал от заключения настоящего мира с большевиками»³.

Таким образом, страны Антанты продолжали оказывать на латвийское правительство усиленное давление, чтобы сорвать начало мирных переговоров. Латвийское буржуазное правительство подчинилось этому давлению. Оно вновь отказалось от мирных переговоров с Советским правительством; не решилось начать мирные переговоры также литовское правительство.

5 декабря 1919 г. в Тарту начались советско-эстонские мирные переговоры. Глава советской мирной делегации Л. Б. Красин выступил при открытии конференции с речью, в которой снова было подчеркнуто искреннее стремление Советского правительства к заключению мира со всеми прибалтийскими государствами. «Рабоче-Крестьянское Правительство России,— заявил глава советской мирной делегации,— строя свою политику не на войне, а на мире, определенно стремится к миру с вашей страной и со всеми другими окраинными государствами. Война между Советской Россией, с одной стороны, и Эстонией, Латвией и Литвой — с другой, противоречит интересам трудящихся масс всех этих стран. Война эта, по мнению Советского Правительства, должна уступить место установлению экономических и деловых связей, важных и желательных для необъятной Советской

¹ «Foreign Relations of the U. S., 1919, Russia», p. 741.

² Там же, стр. 742—743.

³ ИДА, ф. 38г, оп. 1, д. 15, л. 12.

России, но еще более необходимых для окраинных государств...»¹

Поскольку правительство Латвии решило не начинать пока мирных переговоров с Советской Россией, латвийский представитель присутствовал на мирной конференции в Тарту лишь в целях информации.

Правительства стран Антанты, особенно правительства Франции и США, не довольствовались тем, что они сорвали мирные переговоры Советского правительства с Латвией. Они все еще стремились к тому, чтобы привлечь Латвию и другие прибалтийские государства к активному участию в интервенции. Это видно, например, из обсуждения вопроса об участии прибалтийских государств в интервенции в России на Парижской конференции. 1 декабря 1919 г. Фош предложил снова послать в Прибалтику генерала Нисселя, поручив ему создание единого фронта всех антисоветских сил Прибалтики для участия в новом походе Антанты. Представитель США Полк поддержал предложение Фоша².

Хотя официально предложение Фоша не было принято, 18 декабря 1919 г. генерал Ниссель прибыл в Ригу, где вел по этому вопросу переговоры с представителями прибалтийских государств и Юденичем.

Вопрос о создании антисоветского союза прибалтийских государств вновь был поднят в Париже 12 декабря 1919 г. Клемансо выступил с речью, содержащей призыв «создать вокруг России заграждение из колючей проволоки».

Обсуждался вопрос о создании союза прибалтийских государств также на заседаниях в Париже 18 и 29 декабря 1919 г. На последнем из них Фош сделал обстоятельный доклад. «Если Совет,— заявил Фош в своем докладе,— желает неуклонно придерживаться сформулированной им ранее политики, которая состояла в создании в балтийских провинциях барьера против большевиков, то, по-видимому, наступило время действовать. В целях осуществления этой политики желательно создание объединения, в котором приняли бы участие литовцы, латыши, равно как и эстонцы...» Для претворения в жизнь этих планов Фош предложил снова послать в

¹ «Документы внешней политики СССР», т. II, стр. 301.

² «Foreign Relations of the U. S., P.P.C., 1919», v. IX, p. 389—390.

Прибалтику генерала Ниссея, покинувшего Ригу несколько дней тому назад¹.

Как видно из телеграммы Керзона английскому посланнику в Гельсингфорсе от 1 января 1920 г., английское и французское правительства приняли также решение об оказании этому союзу военной помощи. В телеграмме сообщалось, что Англия и Франция окажут прибалтийским государствам такую помощь, какую они найдут необходимой в каждом конкретном случае².

Энергичные меры к созданию союза прибалтийских государств принимали также сами правительства этих государств. 10—12 декабря 1919 г. в Каунасе была созвана конференция для заключения военного союза между Латвией и Литвой. Председатель латвийской делегации Замуэль заявил на конференции, что латвийское правительство выступает за заключение военного союза всех прибалтийских государств. Оно считает необходимым, чтобы сперва был заключен союз между Латвией, Литвой и Эстонией, затем к нему могла бы присоединиться также Польша³. На этой конференции военный союз между Литвой и Латвией все же не был заключен.

В качестве важного шага к созданию антисоветского союза прибалтийских государств страны Антанты наметали периодический созыв совещаний командующих эстонскими, латышскими и литовскими войсками. 19 декабря 1919 г. английский генерал Бэрт послал командующему литовской армией следующую телеграмму: «Я выдвинул предложение о периодическом созыве совещаний главнокомандующих Эстонии, Латвии и Литвы в целях обсуждения военно-политических вопросов, вопросов о границах, вооружении и снабжении, как и о сотрудничестве в борьбе против большевизма и одновременно в целях организации более тесного объединения указанных государств для взаимной помощи и для установления между ними хорошего взаимопонимания»⁴.

Предложенное Бэртом совещание командующих эстонской, латвийской и литовской армиями состоялось в Валке 6 января 1920 г. В решении совещания указы-

¹ «Foreign Relations of the U. S., P.P.C., 1919», v. IX; p. 695, 696.

² «British Foreign Policy», 1st series, v. III, p. 746.

³ ИДА, ф. 38в, оп. 1, д. 11, л. 158.

⁴ ЦГА Латвийской ССР, ф. 3601, оп. 1, д. 269, л. 255.

валось, что участники его пришли к единогласному решению о необходимости скорейшего заключения между Эстонией, Латвией и Литвой военной конвенции¹.

Кроме того, было намечено созвать в Гельсингфорсе в январе 1920 г. конференцию прибалтийских государств. Министр иностранных дел Латвии Мееровиц сообщил в конце декабря представителям печати, что на конференции будет обсуждаться вопрос о заключении между прибалтийскими государствами военно-политического союза, направленного против Советской России².

Однако разгром войск Деникина все же не мог не внести существенных коррективов в политику стран Антанты в «русском вопросе». Прежде всего он сказался на политике английского правительства.

Первые признаки намечающихся перемен в политике Англии обнаружались в речах английского премьер-министра Ллойд Джорджа в Гильдхолле 8 ноября 1919 г. и в палате общин 13 ноября 1919 г. Ллойд Джордж был вынужден признать провал попыток стран Антанты подавить Советскую власть в России вооруженным путем. «Конечно,— говорил Ллойд Джордж 8 ноября 1919 г.,— мы не можем продолжать столь дорогостоящую интервенцию... Россия подобна зыбучим пескам... Россия — страна, опасная для интервенции»³.

Признания Ллойд Джорджа не означали, однако, что английское правительство намеревалось отказаться от дальнейших попыток подавления Советской власти в России. Оно изыскивало для этого лишь новые средства, более подходящие, по его мнению, в данных конкретных условиях. Это не означало также, что английское правительство в удобный момент не может вернуться к попытке подавления Советской власти в России и вооруженным путем.

Новым средством, признанным Ллойд Джорджем в данных условиях наиболее подходящим для подавления Советской власти в России, была интервенция экономическая. Ллойд Джордж рассчитывал, что торговые связи оживят и укрепят капиталистические элементы в России. В конце концов этот процесс должен был привести, по

¹ ЦГА Латвийской ССР, ф. 1232с, д. 71, л. 40.

² «Сегодня», Рига, 24 декабря 1919 г.

³ W. P. and Z. K. Coates, A History of Anglo-Soviet Relations, London, 1945, p. 2.

расчетам Ллойд Джорджа, к ослаблению и уничтожению Советской власти.

Публично эти взгляды Ллойд Джорджа были изложены в его речи в палате общин 10 февраля 1920 г. «Нам не удалось,— признавал он,— восстановить Россию с помощью силы. Я уверен, что мы сможем это сделать и спасти ее при помощи торговли»¹.

Ллойд Джордж рассчитывал, что прекращение, по крайней мере временное, военной интервенции в России позволит закрепить и узаконить отделение от России тех ее окраин, где интервентам и местной контрреволюции удалось к этому времени подавить Советскую власть. В частности, он рассчитывал закрепить отрыв от России Прибалтики. Эта мысль была изложена Ллойд Джорджем в его речи в палате общин 13 ноября 1919 г. Правда, открыто высказать в палате общин свои намерения о расчленении России он не мог. Поэтому, излагая свою политику в «русском вопросе», Ллойд Джордж процитировал заявление известного политического деятеля Англии второй половины XIX века лорда Биконсфильда о том, что Англия должна бороться против «великой, гигантской, колоссальной, растущей России». Члены парламента без труда поняли, что Ллойд Джордж, следуя заветам Биконсфильда, намерен проводить политику ослабления и расчленения России. Эти планы были изложены им также американскому послу в Лондоне Дэвису. Ллойд Джордж сказал, как сообщал Дэвис Лансину 3 декабря 1919 г., что он «не имеет ничего против переговоров с большевистским правительством» и «выступает за поощрение расчленения России на максимальное количество государств»².

Новый курс Ллойд Джорджа в «русском вопросе» в значительной степени предопределил дальнейшее развитие отношений между Советской Россией и малыми прибалтийскими государствами.

Важнейшее значение в деле международно-правового решения вопроса об отделении Прибалтики от России имело признание этого отделения Советским правительством. Как уже говорилось, Советское правительство, со своей стороны, еще в августе—сентябре 1919 г.

¹ «Times», 11.II.1920.

² «Foreign Relations of the U.S., 1920», v. III, p. 484.

заявило в мирных предложениях правительствам прибалтийских государств о своей готовности признать при заключении мира их независимость, то есть отделение от России. Английские империалисты решили воспользоваться готовностью Советского правительства признать независимость малых прибалтийских государств. Они считали, что в целях официального закрепления отделения прибалтийских государств от России допустимо даже заключение ими мира с Советским правительством.

Заключение малыми прибалтийскими государствами мира с Советской Россией имело для Ллойд Джорджа и то значение, что эти государства стали бы после заключения мира удобным мостом для установления торговых связей между Западной Европой и Советской Россией.

Правительства прибалтийских государств были осведомлены об этом изменении позиции правящих кругов Англии. Бывший глава союзнической миссии в Прибалтике генерал Гоф отправил 10 декабря 1919 г. письмо представителю эстонского правительства в Париже Пусте, в котором писал, что, несмотря на угрозы русских белогвардейцев и некоторых союзных государств, прибалтийским государствам не следует отказываться от заключения мира с Советской Россией¹.

Поскольку Прибалтика входила в английскую сферу влияния, изменение политики английского правительства по вопросу о заключении прибалтийскими государствами мира с Советской Россией не могло не оказать на них существенного влияния.

Немаловажное значение для определения позиции латвийского правительства имели факты разгрома и изгнания из Латвии в ноябре 1919 г. войск Бермонта. Угрозы союзников о прекращении поставок в Латвию военных материалов, если она прекратит борьбу против Советской России, потеряли для нее свою остроту. Повлияло на латвийское правительство, наконец, также подписание 31 декабря 1919 г. перемирия между Советской Россией и Эстонией. Оно все более и более стало склоняться к необходимости заключения перемирия.

2 января 1920 г. по приглашению Советского правительства делегация латвийского Красного Креста пере-

¹ ИДА, ф. 38г, оп. 1, д. 15, л. 61.

шла линию фронта и направилась в Москву. Официальной задачей делегации было урегулирование вопросов, связанных с обменом заложниками и возвращением беженцев. Фактически же главная цель делегации заключалась в подписании соглашения о прекращении военных действий¹.

Несмотря на отправку в Москву латвийской делегации, позиция латвийского правительства продолжала оставаться все же в некоторой степени двойственной. Оно было не в состоянии продолжать войну в течение длительного времени и поэтому стремилось к прекращению военных действий. Изменение позиции английского правительства облегчало начало переговоров. Но, с другой стороны, американские и французские империалисты решительно требовали от Латвии продолжения войны против Советской России. Этим объясняется тот факт, что в Москву была отправлена не официальная правительственная делегация, а лишь делегация латвийского Красного Креста. Латвийское правительство скрывало, что делегация была послана для заключения перемирия.

Кроме того, несмотря на отъезд в Москву делегации, латвийские войска начали в Латгалии совместно с польскими частями крупное наступление. В договоре о совместном наступлении, заключенном между командованиями латвийской и польской армий, предусматривалось:

«1) Польско-латвийские войска начинают 3 января совместное наступление на большевистском фронте...

3) Для проведения упомянутой операции латвийское главное командование предназначает группу войск в 10 000 штыков, а польское главное командование — в 30 000 штыков.

4) Устанавливается общее командование обеими группами, которое по взаимному соглашению поручается генералу Рыдз-Смиглы...

9) Польские войска останутся на правом берегу Двины до тех пор, пока латвийское главное командование не признает возможным занять весь фронт правого берега Двины латвийскими войсками...»²

¹ ИДА, ф. 38г, оп. 1, д. 7, л. 116.

² ИДА, ф. 38б, оп. 1, д. 32, л. 5.

В то время в Латгалии находилось лишь незначительное количество латышских красных стрелков. Еще в конце сентября 1919 г. большинство латышских стрелковых полков было переброшено на Южный фронт, где они, включившись в состав ударной группы советских войск под командованием Серго Орджоникидзе, принимали активное участие в разгроме Деникина под Орлом, в боях под Харьковом и в других местах. Поэтому польским и белолатышским войскам удалось захватить в течение нескольких дней Даугавпилс и прилегающий район.

В целях обмана латышского народа латвийское правительство демагогически утверждало, что это наступление было якобы необходимо для того, чтобы занять до начала мирных переговоров всю территорию Латвии, с тем чтобы при заключении мира Латвия не оказалась расчлененной. Латвийское правительство упорно скрывало при этом от народа, что Советское правительство еще в октябре — ноябре 1919 г. неоднократно заявляло о передаче Латгалии в случае заключения мира.

Наступление, начатое 3 января 1920 г., было предпринято, несомненно, по прямому требованию иностранных империалистов. Согласие латвийского правительства принять участие в этом наступлении лишний раз показывало зависимость буржуазной Латвии от иностранных империалистов, которые оказались в состоянии принудить буржуазную Латвию согласиться на совершенно ненужное ей кровопролитие.

В связи с начатым в Латгалии наступлением глава американской миссии Гейд посетил министра внутренних дел Латвии Берга и заявил ему, что «Латвия заслуживает за ту тяжелую, но успешную борьбу, которую она ведет против большевизма, особое признание»¹. О том интересе, который проявляли страны Антанты к наступлению, начатому польско-латышскими войсками, свидетельствует также тот факт, что 19—21 января 1920 г. латвийские части, находившиеся в Латгалии, посетили генерал Бэрт, подполковник Доули и подполковник дю Парке².

6 января 1920 г. делегация латвийского Красного Креста прибыла в Москву. 11 января между представи-

¹ «Jaunākās Ziņas» № 8, 12.I.1920.

² «Jaunākās Ziņas» № 18, 23.I.1920.

телями Советского и латвийского правительств начались переговоры о перемирии. На первом же заседании представители Советского правительства снова заявили: немедленно после заключения перемирия Латгалия будет передана Латвии.

На первом заседании был поднят и другой немаловажный вопрос: какой характер должно иметь соглашение о перемирии — гласный или негласный. Советское правительство предлагало заключить гласное соглашение. Но представители латвийского правительства, не решаясь пойти открыто против воли американских и французских империалистов, категорически настаивали на том, что соглашение о перемирии должно оставаться секретным. Придавая основное значение не форме соглашения, а скорейшему прекращению военных действий, Советское правительство согласилось удовлетворить это желание буржуазной Латвии¹.

Переговоры о перемирии шли весьма успешно, и скоро было достигнуто соглашение по всем важнейшим вопросам. Однако подписание соглашения затянулось, так как латвийское правительство медлило с утверждением выработанного в Москве проекта соглашения. Неоднократные требования латвийской делегации ускорить утверждение проекта оставались без ответа. Дело дошло даже до того, что латвийская делегация заявила 25 января 1920 г. своему правительству, что в случае дальнейшей затяжки с утверждением проекта соглашения о перемирии она сложит свои полномочия и вернется в Ригу².

Затяжка латвийским правительством утверждения проекта соглашения о перемирии объяснялась тем, что в это время французские и американские империалисты предприняли весьма энергичные меры, чтобы не допустить заключения перемирия или мира между прибалтийскими государствами и Советской Россией.

Французским и американским империалистам удалось добиться созыва в Гельсингфорсе 15—22 января 1920 г. конференции прибалтийских государств. В поддержку политики французских и американских империалистов выступили на конференции премьер-министр Финляндии Веннола (председатель конференции) и глава

¹ ИДА, ф. 65, д. 1, л. 60.

² Там же, л. 25, 26, 31.

польской делегации Василевский (вице-председатель конференции).

Основная задача, которую ставили французские и американские империалисты перед этой конференцией, сводилась не только к срыву мирных переговоров, но и к заключению между прибалтийскими государствами антисоветского военного союза, участники которого должны были выступить во главе с Польшей в новый поход против Советской России. Заключение одним или несколькими прибалтийскими государствами перемирия или мира с Советской Россией ослабило бы этот союз. Поэтому на конференции были внесены два следующих предложения:

1) До вступления в силу военной конвенции между прибалтийскими государствами ни одно из них не должно заключать мира с Россией, не согласовав это с остальными прибалтийскими государствами.

2) После вступления в силу военной конвенции ни одно из прибалтийских государств не должно заключать сепаратного мира.

Французским и американским империалистам все же не удалось добиться осуществления на конференции своих планов. Они не смогли сорвать мирные переговоры Эстонии и Латвии с Советской Россией. Первое из вышеизложенных предложений было отклонено. За это предложение голосовали только Польша, Финляндия и Латвия. Литва воздержалась. Эстония, еще в конце декабря подписавшая с Советской Россией соглашение о перемирии и уже начавшая в это время переговоры о заключении мира, голосовала против. Военная конвенция также не была подписана. Конференция разработала лишь «принципы, которые должны быть положены в основу военной конвенции».

Единственное, чего удалось добиться американским и французским империалистам на этой конференции, было принятие резолюции о том, что ее участницы должны строить свои отношения с Советской Россией в согласии с позицией стран Антанты по отношению к Советской России¹.

Немаловажную роль в провале попыток французских и американских империалистов сорвать мирные пере-

¹ ИДА, ф. 72, д. 1, л. 10, 11, 34, 48, 49.

говоры между Советской Россией и малыми прибалтийскими государствами сыграло, бесспорно, отсутствие единства по этому вопросу в лагере самих империалистов. В то время как французские и американские империалисты требовали отказа прибалтийских государств от мирных переговоров, английское правительство все яснее давало им понять, что оно, со своей стороны, не имеет каких-либо возражений против заключения мира.

Этими же причинами в значительной степени объяснялся провал попыток заключения на Гельсингфорсской конференции антисоветского союза прибалтийских государств. Французское правительство стремилось к объединению всех прибалтийских государств в единый блок во главе с Польшей, находившейся в глубокой зависимости от Франции. Оно надеялось создать таким путем единый фронт прибалтийских государств против Советской России, одновременно подчинив прибалтийские государства через Польшу своему влиянию.

Однако Англия отнюдь не собиралась уступать Франции свои позиции в Прибалтике. Поэтому правящие круги Англии высказывались за создание такого союза, который состоял бы лишь из государств, входивших в английскую сферу влияния: Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы. Польша, Румыния и другие государства, находившиеся во французской сфере влияния, должны были образовать, по ее мнению, самостоятельный союз. Информировав латвийское правительство о взглядах английских правящих кругов по этому вопросу, латвийский дипломатический представитель в Лондоне Биссенек доносил в Ригу 12 февраля 1920 г. следующее: «Англия не очень благоприятно смотрит на сближение Латвии с Польшей (которая находится в сфере влияния Франции) и с удовлетворением встретила бы заключение балтийской лиги из трех чисто балтийских государств: Эстонии, Латвии и Литвы... Все англичане, с которыми я разговаривал, советуют не связываться с Польшей»¹.

Эти разногласия между английскими и французскими империалистами были, безусловно, одной из причин, препятствовавших заключению антисоветского союза прибалтийских государств.

Другой, не менее серьезной причиной провала попы-

¹ ИДА, ф. 38г, оп. 1, д. 17, л. 48.

ток заключения такого союза были разногласия и противоречия между самими прибалтийскими государствами. Это касалось прежде всего противоречий между Польшей, с одной стороны, и малыми прибалтийскими государствами — с другой. Польша рассчитывала установить путем заключения союза свое господство над малыми прибалтийскими государствами. «Идеал поляков — новое сильное сердечное согласие с независимым политическим центром в Варшаве», — доносил в Ригу по этому поводу 10 декабря 1919 г. представитель латвийского правительства в Варшаве Кениньш¹. Такие стремления польских империалистов вызывали серьезные опасения у правительств малых прибалтийских государств, не желавших подчиняться во всем воле польских империалистов.

Кроме того, заключением союза тогдашние империалистические правящие круги Польши стремились и к экономическому закабалению своих более слабых соседей, к захвату части их территории.

Что касается Латвии, то польские империалисты лелеяли надежду на присоединение к Польше всей восточной части Латвии — Латгалии, где до 1917 г. польским помещикам принадлежали многочисленные поместья.

Эти экспансионистские устремления Польши в отношении малых прибалтийских государств вызывали у них весьма серьезные опасения в целесообразности заключения союза с Польшей.

Некоторые, правда менее существенные, разногласия и споры, преимущественно территориального порядка, существовали в то время также между самими малыми прибалтийскими государствами: между Латвией и Эстонией из-за Валки и между Латвией и Литвой из-за Паланги и некоторых районов Юго-Восточной Латвии.

Все эти разногласия затрудняли объединение прибалтийских государств в единый антисоветский блок.

Весьма важной причиной провала попыток создания антисоветского союза прибалтийских государств была также миролюбивая политика Советского правительства. Признанием независимости и территориальной целостности малых прибалтийских государств оно лишило их всякого повода для продолжения вооруженной борьбы против Советской России.

¹ ИДА, ф. 38в, оп. 1, д. 16, л. 8.

На скорейшее прекращение военных действий и заключение мира с Советской Россией толкало латвийское правительство также весьма напряженное внутреннее положение в стране. Иностранным интервентам удалось свергнуть в Латвии Советскую власть; в стране царил кровавый белый террор. Но подавить революционное движение латышского городского и сельского пролетариата, имевшего большой опыт подпольной борьбы, иностранные интервенты и латышская буржуазия не могли. Латышский пролетариат, возглавляемый ушедшей в подполье Коммунистической партией Латвии, отступал с упорными боями.

В тылу у латвийских буржуазных войск находились крупные партизанские отряды. Из сообщения информационного отдела министерства иностранных дел буржуазной Латвии от 11 августа 1919 г. видно, что в тылу у латвийских войск действовало большое количество партизанских отрядов. Имели место факты нападения их на латвийских солдат и чиновников, разрушения телефонных линий, мостов и т. д.¹

Латышские партизаны взорвали на линии железной дороги Вентспилс — Тукум немецкий военный эшелон. Большой эффект произвела следующая операция партизан, получившая всеобщую огласку. В начале сентября 1919 г. органам латвийского правительства удалось задержать двух партизанок из отряда Грицмана — Кретулиса. Тогда партизаны устроили облаву и взяли в плен 6 карателей, которых затем обменяли на арестованных партизанок².

15 сентября партизаны провели митинг местного населения в Угале. Во время митинга раздавались прокламации³.

Нелегальную литературу курляндские партизаны получали от рижских коммунистов, с которыми поддерживали систематическую связь. Партизаны работали под непосредственным руководством партийных организаций. Грицман, возглавляя партизанский отряд, руководил в то же время деятельностью нелегальной Талсинской партийной организации.

¹ ИДА, ф. 38ж, оп. 2, д. 111, л. 8.

² «Lielā Oktobra socialistiskā revolūcija un ārzemju militārā intervencija Latvijā», 234—243. lpp.

³ ЦГА Латвийской ССР, ф. 5192, оп. 1, д. 56, л. 129.

Курляндские партизанские отряды держали в постоянном страхе местные органы буржуазного правительства Латвии. Начальник Вентспилского уезда с глубокой тревогой доносил своему начальству 22 сентября 1919 г., что в Усмской и Угальской волостях действует партизанский отряд в составе 50—60 хорошо вооруженных лиц¹. Угальский волостной исполнительный комитет даже указывал в своем письме начальнику Вентспилского уезда 1 октября 1919 г., что, в случае «если не будет оказана быстрая помощь, исполнительному комитету волей-неволей придется прекратить свою деятельность...»²

Шаг за шагом, преодолевая огромные трудности, коммунисты Латвии создавали свои нелегальные организации. Подавляющее большинство членов партии покинуло оккупированные районы. Кто не смог вовремя уехать, был схвачен и замучен интервентами и местной буржуазией. Удалось укрыться от палачей крайне незначительному числу коммунистов, оставшихся в оккупированных районах. Они без промедления принялись за возрождение партийных комитетов в новых условиях.

К осени 1919 г. в Риге и ряде других мест были созданы нелегальные партийные организации. Коммунистическая партия вела энергичную организаторскую и агитационную работу в массах. С 1 августа в подполье вновь начал выходить центральный орган Коммунистической партии Латвии «Циня». Выпускалось большое количество листовок.

Основным содержанием агитационно-массовой работы Коммунистической партии Латвии был вопрос о заключении мира с Советской Россией. Интернациональный долг подсказывал коммунистам Латвии, что важнее всего в тот период было укрепить положение цитадели социалистической революции — Советской России. Они отчетливо сознавали, что именно упрочение Советской власти в России являлось основной предпосылкой к тому, чтобы Советская власть восторжествовала и в Латвии. Латышские коммунисты поставили в порядок дня борьбу за исключение буржуазной Латвии из числа стран, принимавших участие в интервенции в России.

¹ ЦГА Латвийской ССР, ф. 5192, оп. 1, д. 56, л. 123.

² Там же.

Коммунистическая партия Латвии бросила все свои силы на то, чтобы добиться заключения буржуазным правительством Латвии мира с Советской Россией.

Призывы латышских коммунистов к заключению мира нашли свое отражение в выпущенных в то время ими листовках «Мир или война», «Долой мобилизацию» и других¹.

В листовке «К латышскому трудовому народу» разоблачалась антинародная политика правительства Ульманиса, затягивавшего заключение мира. Центральный Комитет Коммунистической партии указывал, что «только массовое движение рабочих может заставить прекратить эту крайне преступную войну». Центральный Комитет партии обратился к латышскому трудовому народу с призывом: «Рабочие и безземельные крестьяне! Будьте бдительны и следите за развитием событий. Не позволяйте своим угнетателям даже и помышлять о продолжении войны. Запомним, что мы являемся членами единой трудовой семьи, находящейся как по эту, так и по ту сторону фронта. Советская Россия — это наш ближайший друг, а не враг»².

Борьба Коммунистической партии Латвии за мир с Советской Россией горячо поддерживалась подавляющим большинством латышского народа. Тяга латышского народа к миру достигла в то время огромных размеров.

Выступления пролетариата, возглавляемого коммунистами, неоднократно принимали открытые формы. 5 января 1920 г. в Лиенае была организована демонстрация протеста против закрытия коммунистического рабочего клуба³. На улицах города в нескольких местах произошли столкновения между рабочими и полицией. Несколько дней спустя, 15 января 1920 г., в Лиенае состоялась новая демонстрация рабочих, выставивших ряд экономических требований⁴. Демонстрации происходили также в других городах.

Большим влиянием пользовались большевики и в войсках буржуазной Латвии. В результате принуди-

¹ Архив Института истории партии при ЦК КП Латвии, ф. 35, оп. 39, д. 9, 13.

² Там же, д. 8.

³ «Правда» № 8, 14 января 1920 г.

⁴ «Правда» № 26, 6 февраля 1920 г.

тельной мобилизации в составе белолатышских войск оказалось много большевистски настроенных солдат. Они вели в латвийских буржуазных войсках агитацию и распространяли нелегальные листовки, призывавшие солдат положить конец войне. В войсках началось брожение, в ряде воинских частей произошли восстания. В ночь с 13 на 14 сентября 1919 г. в Риге за коммунистическую агитацию было расстреляно 36 солдат. 9 из них были из разведывательной команды 5-го Цесисского полка, в том числе Озолс, Томсон, Петерсон, Сегелман, Балодис, Тентер и др.¹ В январе 1920 г. восстали две роты солдат в Лиепае². В Елгаве в то же время восстание охватило 7-й Сигулдский полк, не желавший отправляться на Латгальский фронт. Было арестовано 200 солдат, 80 из них были расстреляны³. Частым явлением был отказ целых частей идти в наступление.

Даже член первого буржуазного правительства Латвии С. Паэгле, характеризуя настроение латвийских войск в это время, был вынужден признать, что в их составе было много людей, придерживавшихся крайне левых взглядов и считавших, что вопрос о существовании белой или красной Латвии еще не решен. Посылать такие войска, писал С. Паэгле, на борьбу с большевиками было бы безумием⁴.

Латвийская буржуазия не пренебрегала никакими средствами, для того чтобы усмирить латышские народные массы.

Как сообщала 20 октября 1920 г. газета «Циня», расположенные в Северной Латвии белолатышские части во главе с Земитаном осуществляли массовые расстрелы трудящихся. «Местные коменданты,— писала газета,— действовали по собственному усмотрению. Один лишь Земитан подписал более 200 смертных приговоров. Многим осужденным сказали, что их отправят в Ригу, на самом же деле их отправили по железной дороге только до станции Лоде, где они были расстреляны.

¹ Архив Института истории партии при ЦК КП Латвии, ф. 35, оп. 39, д. 25.

² «Правда» № 10, 16 января 1920 г.

³ «Правда» № 26, 6 февраля 1920 г.

⁴ *Sp. Paegle, Kā Latvijas valsts, tapa, 369. lpp.*

Широкое распространение получили также расстрелы «при попытке к бегству».

Яркую характеристику тех средств и путей, какими латышская буржуазия надеялась укрепить свою власть, дает ее расправа над группой юношей и девушек в Валмиере. 13 декабря 1919 г. шпикам Ульманиса удалось выведать о тайном собрании 29 валмиерских школьни-ков-комсомольцев и арестовать их. Большинство арестованных были девушки в возрасте 14—17 лет. Полиция подвергла арестованных нечеловеческим пыткам. Военный суд приговорил 11 из них, в том числе 6 де-вушек, к смертной казни. 22 декабря 1919 г. осужденные были расстреляны. Солдаты отказались выполнять смертный приговор, осужденные были расстреляны специально отобранными полицейскими¹.

Эта расправа над валмиерскими комсомольцами показывает также, какой страх испытывала латвийская буржуазия перед революционным движением в стране. Тогдашний министр внутренних дел буржуазного пра-вительства Латвии Берг, оправдываясь впоследствии по поводу этих убийств, говорил: «Все мы были тогда возбуждены и думали только о том, чтобы большевики не вернулись обратно». Он признал, что правительство действовало по принципу: «Сколько коммунистов рас-стреляем, на столько дней больше мы останемся у власти»².

Характеризуя зверства латышской буржуазии, рав-но как и буржуазии других стран, II конгресс Комму-нистического Интернационала констатировал: «Угроза стала единственным аргументом буржуазии. Она не верит фразам и требует действий: арестов, разгонов, конфискаций, расстрелов...

«Демократические» правительства Финляндии и Гру-зии, Латвии и Эстонии выбиваются из сил, чтобы сравняться с высоким венгерским образцом», где резуль-татом подавления Советской власти и восстановления буржуазных порядков в 1919 г. были «тысячи пове-шенных и расстрелянных, десятки тысяч заточенных

¹ А. *Jablonskis*, *Buržuazijas terors un strādnieku šķiras stāvoklis tā sauktajā «demokratiskajā» Latvijā*, 8. lpp.

² См. А. *Paegle*, *Pa tautas brīvības cīņu tekām Ziemeļvidzemē, Rīgā*, 1955, 40. lpp.

в тюрьмы, убитых и подколотых из-за угла, сброшенных в клоаки, отравленных, бесследно пропавших, ограбленных, изнасилованных, изувеченных пытками...»¹

Латвийская буржуазия старалась по «высокому венгерскому образцу» потопить в крови революционное движение латышского пролетариата, укрепить свой тыл и свою армию. Сколько-нибудь существенных результатов все эти меры, однако, не дали. Внутреннее положение в стране продолжало оставаться чрезвычайно напряженным. Это также было одной из причин, вынуждавших латвийскую буржуазию относиться со всей серьезностью к вопросу о заключении перемирия.

В то же время латвийское правительство получило новые подтверждения того, что правительство Англии не возражает против заключения прибалтийскими государствами мира. Представитель латвийского правительства в Лондоне Биссенек доносил, например, в Ригу 25 января 1920 г., что он имел по этому вопросу беседу с бывшим главой союзнической военной миссии в Прибалтике генералом Гофом. Гоф говорил, что английская общественность, включая деловые круги Англии, выступает за прекращение военной интервенции².

Как видно из телеграммы представителя США в Прибалтике Гейда государственному департаменту от 25 января 1920 г., английское правительство даже известило правящие круги Эстонии о том, что оно с удовлетворением встретило сообщение о заключении Эстонией перемирия с Советской Россией³. Это сообщение английского правительства, несомненно, немедленно стало известно и латвийскому правительству.

В таких условиях латвийская делегация в Москве получила, наконец, давно ожидавшиеся ею полномочия на подписание перемирия. 30 января 1920 г. договор о перемирии между Советской Россией и Латвией был подписан. В договоре указывалось, что военные действия между обеими странами прекращаются в 12 часов дня 1 февраля 1920 г. Советское правительство согласилось на переход всей Латгалии к Латвии. Соглашение должно было оставаться секретным до того времени,

¹ «Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932», М., 1933, стр. 149—150, 158—159.

² ИДА, ф. 38 г, оп. 1, д. 17, л. 39—40.

³ «Foreign Relations of the U.S., 1920», v. III, p. 644.

когда латвийское правительство изъявит свое согласие на его оглашение¹.

Советская мирная политика добилась новых успехов. Вслед за перемирием с Эстонией Советскому правительству удалось заключить перемирие и с Латвией. Из рядов интервентов было исключено уже два государства. Усиливались тенденции к прекращению интервенции и в других государствах. Международное положение Советской республики улучшалось.

4. Советско-латвийские мирные переговоры. Заключение мирного договора

Советское правительство, подписав перемирие с Латвией, считало необходимым приступить к окончательному урегулированию отношений между обеими странами. Оно полагало, что подписание мирного договора с Эстонией должно было облегчить заключение мира также с остальными прибалтийскими государствами. 6 февраля 1920 г. Советское правительство направило правительству Латвии официальное предложение об открытии переговоров о заключении мирного договора².

Ответ латвийского правительства последовал 9 февраля 1920 г. В нем говорилось, что латвийское правительство «в данный момент затрудняется сообщить свои предложения о месте и времени переговоров, оставляя за собой возможность в будущем вернуться к этому вопросу по существу»³.

Ответ латвийского правительства на советское мирное предложение не являлся отказом, однако он не означал согласия немедленно начать мирные переговоры. Позиция латвийского правительства по вопросу о начале мирных переговоров была изложена в телеграммах Мееровица представителям латвийского правительства в Варшаве, Гельсингфорсе и Каунасе от 11 февраля 1920 г. В них указывалось, что латвийское правительство в принципе решило начать мирные переговоры с Советской Россией, но что оно желает вести мирные пере-

¹ См. «Документы внешней политики СССР», т. II, стр. 333—339.

² Там же, стр. 362.

³ Там же.

говоры совместно с Польшей, Финляндией и Литвой. Мееровиц просил сообщить о взглядах финляндского, польского и литовского правительств по этому вопросу.

13 февраля 1920 г. министр иностранных дел Финляндии Холсти известил представителя латвийского правительства в Гельсингфорсе, что финляндское правительство решило принять вместе с остальными прибалтийскими государствами участие в мирных переговорах с Советской Россией, но что до начала мирных переговоров Финляндии потребуется по крайней мере месячный срок для подготовительных работ¹.

Литва также заявила о своем согласии вести мирные переговоры вместе с остальными прибалтийскими государствами². Что же касается Польши, то она готовилась в это время к новому походу против Советской России и приступить к мирным переговорам не собиралась. Однако, чтобы не потерять своего влияния над малыми прибалтийскими государствами, а также чтобы попытаться сорвать мирные переговоры между ними и Советской Россией, польское правительство было заинтересовано в том, чтобы принять участие в предварительных переговорах между прибалтийскими государствами по вопросу о заключении ими мира с Советской Россией.

Получив сведения о готовности Финляндии и Литвы принять участие в совместных мирных переговорах и о желании Польши участвовать в предварительных переговорах между прибалтийскими государствами, латвийское правительство пригласило представителей всех трех государств в Ригу на предварительные переговоры. Но польское правительство решило взять инициативу в свои руки и пригласило представителей Финляндии и Латвии на конференцию в Варшаве. Польше удалось одержать верх, и финляндское правительство дало свое согласие послать финскую делегацию в Варшаву. Латвийское правительство также послало в Польшу своих представителей.

Чтобы иметь возможность оказать большее влияние на другие страны, польское правительство не созвало в Варшаве общей конференции прибалтийских государств, а организовало лишь одновременные двусторон-

¹ ИДА, ф. 38в, оп. 1, д. 57, л. 250.

² ИДА, ф. 38г, оп. 1, д. 7, л. 116.

ние польско-финляндские и польско-латвийские совещания.

Латвийская делегация, предполагавшая обсудить в Варшаве основные условия мирных договоров между прибалтийскими государствами и Советской Россией, была снабжена специальными директивами своего правительства. В директивах латвийского правительства говорилось:

«1. Совместные мирные переговоры с Советской Россией невозможны без участия Литвы...

2. В мирных переговорах следует придерживаться той точки зрения, что совместно должно быть заключено лишь перемирие и выработаны условия прелиминарного мирного договора. Окончательный мир следует заключать совместно лишь тогда, если к этому времени между украинными государствами будет заключен союз.

При обсуждении... вопроса о заключении совместного мира следует определить лишь основные принципы, оставляя себе свободу рук в отношении подробностей, так как наше положение серьезно отличается от положения других государств, в особенности Польши (Латвия пострадала гораздо больше, она была подвергнута полной эвакуации и т. д.)»¹.

Директивы показывают, что латвийское правительство считало в это время желательным начать мирные переговоры на одной общей конференции, которая должна была выработать основные принципы мирного договора. Однако конкретные условия мирного договора должны были разрабатываться, по его мнению, в двусторонних переговорах, так как совместное обсуждение конкретных условий мирных договоров могло помешать Латвии достигнуть нужных ей результатов по ряду весьма важных вопросов. Как это видно из директив латвийского правительства, оно придавало большое значение, в частности, реэвакуации из Советской России имущества, вывезенного из Латвии во время войны. Польшу и Финляндию этот вопрос интересовал в гораздо меньшей степени, так что латвийская делегация опасалась, что при совместном ведении переговоров вопрос о реэвакуации имущества мог бы быть отодвинут на задний план или даже принесен в жертву урегулированию

¹ ИДА, ф. 38в, оп. 1, д. 18, л. 2.

какого-либо другого вопроса в интересах Польши или Финляндии.

Тогдашние империалистические правящие круги Польши предъявили делегации буржуазной Латвии решительное требование о передаче Польше «по стратегическим соображениям» части латышской территории. Вопрос же о мирных переговорах с Советским правительством, для обсуждения которого латвийская делегация отправилась в Варшаву, был отодвинут польским правительством в переговорах на задний план. Этот вопрос не интересовал польское правительство, ибо заключить мир с Советской Россией оно не собиралось.

Ознакомившись с позицией польского правительства, латвийская делегация на Варшавской конференции не могла не убедиться в том, что переговоры с Польшей ничего хорошего Латвии дать не могут. 15 марта 1920 г. переговоры были прерваны, и латвийская делегация вернулась в Ригу.

Убедившись в том, что дружба с Польшей может принести Латвии лишь ущерб, латвийское правительство приняло наконец 24 марта 1920 г. решение начать в ближайшее же время мирные переговоры с Советским правительством, причем в этом решении специально оговаривалось, что «мирные переговоры... следует вести сепаратно»¹. 26 марта 1920 г. Мееровиц известил Советское правительство о согласии латвийского правительства открыть мирные переговоры². 27 марта 1920 г. последовала ответная телеграмма Чичерина с предложением начать мирные переговоры в Москве 5 апреля 1920 г.³ Латвийская делегация выехала из Риги 10 апреля, и советско-латвийская мирная конференция началась в Москве 16 апреля 1920 г.

Но в это время произошли события, которые затруднили ход переговоров. 25 апреля 1920 г. началось крупное наступление польских войск в Белоруссии и на Украине, явившееся началом третьего похода Антанты против Советской страны.

Новый поход Антанты не застал Советское правительство врасплох. В. И. Ленин предупреждал о воз-

¹ ИДА, ф. 38а, д. 40, л. 51.

² «Документы внешней политики СССР», т. II, стр. 424.

³ Там же, стр. 423.

общала народу о затяжке латвийским буржуазным правительством мирных переговоров и призывала латышский народ заставить правительство ускорить заключение мира (листовки «Сорвите маски», «Войну войне» и др.)¹. В резолюции XVIII конференции Коммунистической партии Латвии по вопросу о мире между Советской Россией и буржуазной Латвией говорилось:

«Принимая во внимание, что трудящийся народ Латвии в значительной степени терпит от войны, которую правительство ведет с Советской Россией, что эта война ведет к еще большему разорению трудящихся и что кровь воинов Латвии проливается в интересах империалистов Антанты, Коммунистическая партия выступает за немедленное заключение мира с Советской Россией, ведет агитацию и призывает рабочих и воинов бороться за мир и достигнуть его, протягивая братскую руку Красной Армии и выступая против предательской дипломатии правительства Ульманиса»².

Позиция латвийского правительства по вопросу о мире была подвергнута резкой критике в учредительном собрании. Бывший член латвийской делегации по заключению перемирия Мендер, хорошо осведомленный о политике латвийского правительства в этом вопросе, заявил в своем выступлении 17 июня 1920 г.: «Я не хочу, чтобы некоторые господа приняли меня за защитника Советской России, но все же фактом является то, что Россия еще давно предложила Латвии мир и что она еще давно желала сесть за стол мирных переговоров. Если это произошло лишь в апреле, то виновна в этом другая сторона. И эту другую сторону — латвийское правительство — мы должны критиковать. Можно бесспорно сказать, что затягивало заключение мира с Россией до сих пор латвийское правительство»³. Тот факт, что латвийское правительство преднамеренно затягивало переговоры, впоследствии признал и Мееровиц. Он заявил 2 сентября 1920 г.: «Мы не спешили... устанавливать отношения с Советской Россией, а старались по возможности согласовать свою политику с

¹ Архив Института истории партии при ЦК КП Латвии, ф. 35, оп. 40, д. 7, 38.

² «Cīņas Biedrs» № 5, VII, 1920.

³ «Latvijas satversmes sapulces stenogrammas», 151. lpp.

остальным миром. И в связи с этим *мы старались затянуть мирные переговоры* (подчеркнуто мной.— В. С.)...»¹

В начале июня 1920 г., когда польское наступление было остановлено и Красная Армия перешла в решительное контр наступление, был положен конец и вызывающему поведению буржуазного латвийского правительства. В частности, вопрос о дриссенском участке границы был урегулирован уже без всяких споров. Более успешно развивались переговоры и по другим вопросам. 12 июня 1920 г. было заключено соглашение о репатриации беженцев.

В начале июля 1920 г. ввиду критического положения, в котором оказалась Польша в связи с приближением советских войск к Варшаве, страны Антанты решили открыто вмешаться в конфликт, чтобы добиться установления на фронте перемирия. 12 июля 1920 г. министр иностранных дел Англии Керзон отправил Советскому правительству телеграмму, в которой предлагалось немедленно заключить перемирие и созвать в Лондоне конференцию представителей Советской России, Польши, Литвы, Латвии и Финляндии для окончательного установления мира².

Советское правительство отклонило вмешательство Англии в отношении РСФСР с прибалтийскими государствами. В ответе Советского правительства указывалось, что эти отношения могут быть успешно урегулированы и без постороннего вмешательства, о чем свидетельствует тот факт, что Советское правительство заключило мир без посредников как с Эстонией (2 февраля 1920 г.), так и с Литвой (12 июля 1920 г.)³.

Подходили к концу советско-латвийские мирные переговоры. 11 августа 1920 г. в Риге, куда была перене-

¹ «Latvijas satversmes sapulces stenogrammas», 777. lpp.

² 16 марта 1920 г. с предложением о созыве такой конференции обратился к союзникам министр иностранных дел Латвии Мееровиц. 24 апреля 1920 г. английское правительство дало на это предложение отрицательный ответ, мотивируя тем, что союзники не признают Советского правительства и поэтому не могут взять на себя руководство переговорами (ИДА, ф. 38д, оп. 1, д. 1, л. 24, 25, 27, 28). Чтобы помочь Польше, Англия изменила, таким образом, свою позицию в этом вопросе.

³ Латвийское правительство ввиду изменившихся обстоятельств относилось в июле 1920 г. к участию в конференции в Лондоне отрицательно (ИДА, ф. 38г, оп. 1, д. 17, л. 86).

возможности новых наскоков той или иной группы интервентов на Советскую Россию еще в декабре 1919 г., когда, казалось, интервентам был нанесен сокрушительный удар. «Я нисколько не сомневаюсь,—говорил В. И. Ленин,—что со стороны Антанты будут еще попытки натравливать на нас то одно, то другое маленькое государство, которое живет с нами по соседству. Эти попытки будут, потому что маленькие государства целиком зависят от Антанты, потому что все эти речи о свободе, независимости и демократии — одно лицемерие, и Антанта может заставить их еще раз поднять руку против нас»¹.

Помимо Польши Антанта пыталась привлечь к участию в походе и другие прибалтийские государства. И, действительно, им удалось привлечь на свою сторону некоторые военные круги этих стран. Представитель латвийского правительства в Финляндии доносил в Ригу 6 мая 1920 г., что генерал Маннергейм яро выступает за нападение на Советскую Россию². Аналогичных взглядов придерживался также начальник штаба латвийской армии генерал Радзинь. В письме Радзиня Мееровицу от 10 июня 1920 г. говорилось, что латвийские войска не могут «отказаться от совместных действий с польской армией, если это связано с интересами обеих армий»³.

Организаторы третьего похода Антанты не смогли заставить малые прибалтийские государства выступить в поддержку Польши. Им не удалось также сорвать советско-латвийские мирные переговоры. Но наступление польских войск все же отразилось на ходе советско-латвийских мирных переговоров самым отрицательным образом: латвийская делегация стала выдвигать явно необоснованные требования. Правда, важнейший пункт мирного договора, содержащий условие о признании Советской Россией самостоятельности и независимости Латвии, был согласован. Принятие этого пункта было проявлением миролюбивого характера внешней политики Советского правительства.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 195.

² ИДА, ф. 38в, оп. 1, д. 57, л. 340—341.

³ ИДА, ф. 38д, оп. 1, д. 1, л. 128.

Другим важным вопросом, который также был скоро в основном урегулирован, причем снова по доброй воле Советского правительства, был вопрос о советско-латвийской границе. К Латвии переходила вся Латгалия. Советское правительство согласилось, в частности, уступить Латвии исключительно важный для нее Пыталовский железнодорожный узел, хотя латышское население на его территории составляло явное меньшинство.

Однако нападение Польши на Советскую Россию помешало быстрому урегулированию вопроса о советско-латвийской границе на всем ее протяжении. Латвийское правительство упорно настаивало на передаче Латвии части Дриссенского уезда (на стыке советско-латвийско-польской границы), несмотря на то что большинство населения этого района составляли белорусы. Не будучи в состоянии привести какие-либо аргументы в пользу присоединения этого района к Латвии, латвийская делегация в конце концов признала, что занятия этого района требует от Латвии Польша с тем, чтобы фланг польской армии был защищен с этой стороны латвийскими войсками¹. Выставление Латвией столь необоснованных требований, приводивших к затяжке переговоров, явно было связано с положением, создавшимся в связи с нападением Польши на Советскую Россию.

Латвийское буржуазное правительство держало себя вызывающе и по ряду других вопросов. Оно допускало совершенно бесчеловечное обращение латвийских властей с советскими военнопленными, возвращавшимися на родину через территорию Латвии, а также с советскими заложниками, находившимися в латвийских тюрьмах. Советское правительство было вынуждено заявлять правительству Латвии в связи с этим неоднократные протесты. Латвийские войска на фронте неоднократно предпринимали в нарушение соглашения о перемирии наскоки на советские части.

Затяжка латвийским правительством мирных переговоров вызвала серьезную тревогу среди народных масс. Движение латышского народа за заключение мира с Советской Россией возглавляла Коммунистическая партия Латвии. Она выпускала листовки, в которых со-

¹ «Вестник НКВД» № 4—5, 1920, стр. 14.

сена в середине июля советско-латвийская мирная конференция, состоялось подписание мирного договора.

В результате усилий Советского правительства между Советской Россией и Латвией был заключен мир. Мирная политика Советского правительства одержала крупную победу. В рядах интервентов была пробита значительная брешь: три пограничных с Советской республикой государства — Эстония, Литва и Латвия, — занимавшие важные стратегические позиции на западных границах Советской республики, вынуждены были отказаться от дальнейшего участия в интервенции.

* * *

*

Иностранные интервенты, подавив в Латвии Советскую власть, восстановили в ней ненавистные народу буржуазные порядки. Латышский народ снова на долгие двадцать лет был брошен в капиталистическое ярмо. Он подвергался двойному гнету — гнету местной буржуазии и закабаливших страну иностранных империалистов. Но трудящиеся Латвии не сдались. Они не прекратили борьбы за свое освобождение. В условиях жесточайшей буржуазной диктатуры, а затем и фашизма коммунисты упорно и настойчиво, несмотря ни на какие жертвы, готовили трудовой народ страны к новым решающим боям. Наступили они в памятном 1940 г. Латышский трудовой народ снова взял власть в стране в свои руки, причем на этот раз — навсегда. В братской семье с другими советскими народами, под руководством Коммунистической партии латышские трудящиеся уверенной поступью шествуют к своей заветной цели — к коммунизму.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	3
Глава первая. Германские империалисты — палачи Октябрьской революции в Латвии (Октябрь 1917 г.— ноябрь 1918 г.)	7
1. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Латвии	—
2. Вопрос о Латвии на Брест-Литовской конференции	15
3. Латвия под властью германских интервентов	29
4. Борьба латышского народа против германских захватчиков	37
Глава вторая. Разгром иностранных интервентов и местной контрреволюции. Восстановление в Латвии Советской власти (Ноябрь 1918 г.— май 1919 г.)	43
1. Антисоветский союз стран Антанты с Германией	—
2. Создание иностранными интервентами антинародного буржуазного правительства в Латвии	47
3. Восстановление в Латвии Советской власти	71
4. Осуществление социалистических мероприятий в Латвии в 1919 г.	81
Глава третья. Иностранные интервенты — душители свободы и независимости латышского народа (Январь — июнь 1919 г.)	94
1. Разработка планов интервенции в Латвии на Парижской мирной конференции	—
2. Формирование в Лиепае германских войск для участия в интервенции	100
3. Срыв лиепайскими рабочими попыток правительства Ульманиса укрепить свое положение	103
4. Миссии стран Антанты — организаторы антисоветского военного плацдарма в Лиепае	109
5. Активизация антисоветских сил в Курляндии	118
6. Подавление Советской власти в Риге и Северной Латвии	125
7. Разлад в лагере интервентов	132
Глава четвертая. Латвия и второй поход Антанты. Закабаление Латвии империалистическими державами (Июнь — декабрь 1919 г.)	145

1. Подготовка латвийских, германских и русских белогвардейских войск к участию во втором походе Антанты . . . 145
2. Подготовка совместного выступления всех контрреволюционных сил Прибалтики против Советской России 157
3. Военная и экономическая «помощь» иностранных империалистов буржуазной Латвии — средство ее закабаления . . 166

Глава пятая. Заключение мира между Советской Россией и Латвией (Сентябрь 1919 г.— август 1920 г.) 179

1. Мирное предложение Советского правительства правительству Латвии —
2. Срыв Антантой советско-латвийских мирных переговоров . 182
3. Провал попыток создания антисоветского союза прибалтийских государств. Заключение перемирия между Советской Россией и Латвией 192
4. Советско-латвийские мирные переговоры. Заключение мирного договора 214

Сиполс Вилнис Янович

За кулисами иностранной
интервенции в Латвии (1918—1920 гг.)

Редактор *Н. Полякова*

Художник *Л. Галлий*

Технический редактор *Н. Троянская*

Сдано в набор 4 апреля 1959 г. Подписано в печать 7 июля 1959 г. Формат 84×108^{1/32}. Физ. печ. л. 7. Условн. печ. л. 11,48. Учетно-изд. л. 11,84. Тираж 6 тыс. экз. А05225. Заказ № 2992. Цена 5 р. 50 к.

Госполитиздат, Москва, Д-47, Миусская пл., 7.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Московского городского совнархоза.
Москва, Ж-54, Валовая, 28.

Sp. 50.

DOCTORAL THESIS - 1959